

Ник
ПЕРУМОВ
ВОЙНА МАГА
ТОМ ПЕРВЫЙ
Дебют

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО

Ник Перумов
Война мага. Том 1. Дебют
Серия «Миры Упорядоченного»
Серия «Летописи Разлома», книга 5

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=151110
Война мага. Том 1. Дебют: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-10177-1*

Аннотация

Страшная война, в которой против некроманта одновременно выступают силы Тьмы и силы Света, начинается. Под стены Чёрной башни отец-эзекутор Этлау приводит тысячи воинов, смерть которых должна стать последней каплей на весах Добра и Зла и позволить Разрушителю воплотиться. Однако события принимают неожиданный оборот. Фесс, не желая играть отведённую ему Западной Тьмой роль, вырывается из окружения, и совсем не той ценой, что было предписано. Куда теперь приведёт его дорога? Кто встанет с ним плечом к плечу во имя защиты Эвиала и всего Упорядоченного?

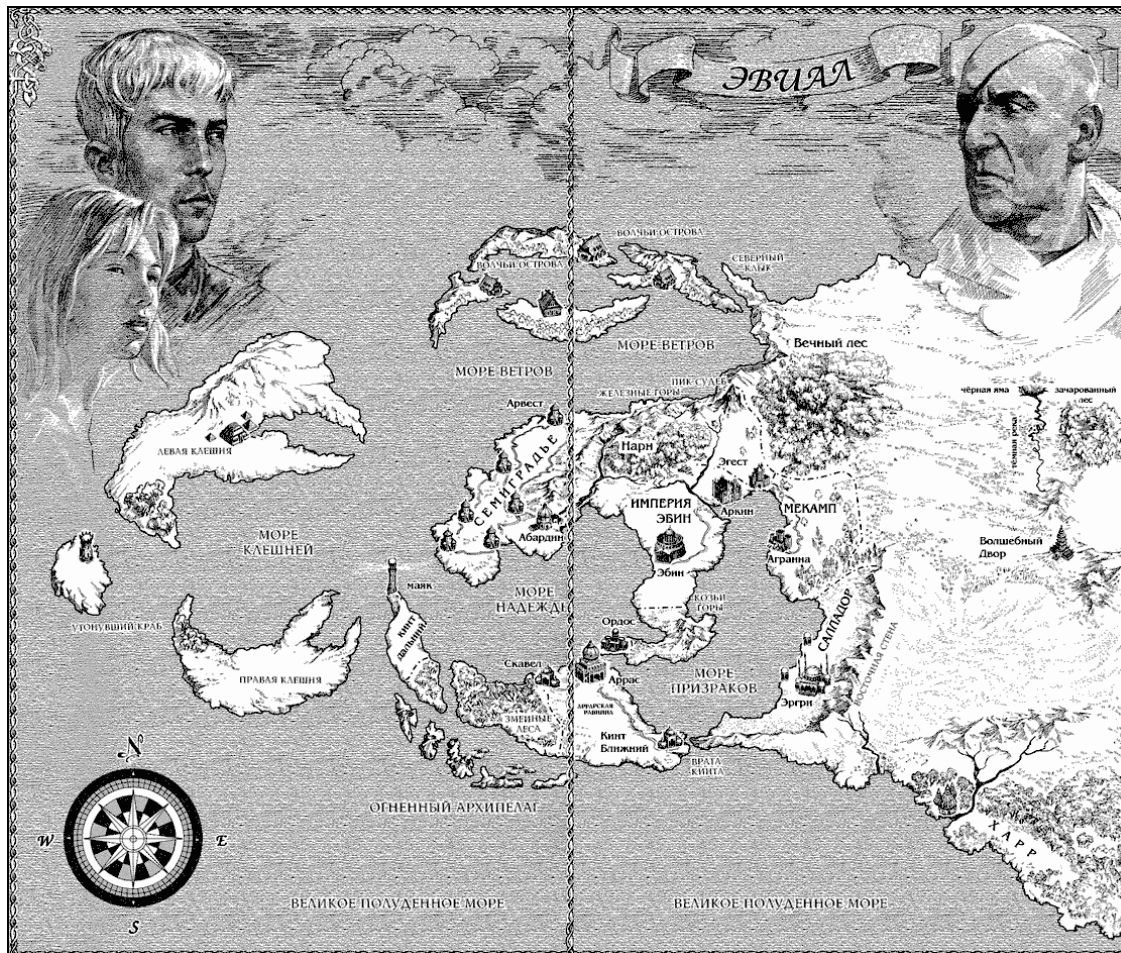
Содержание

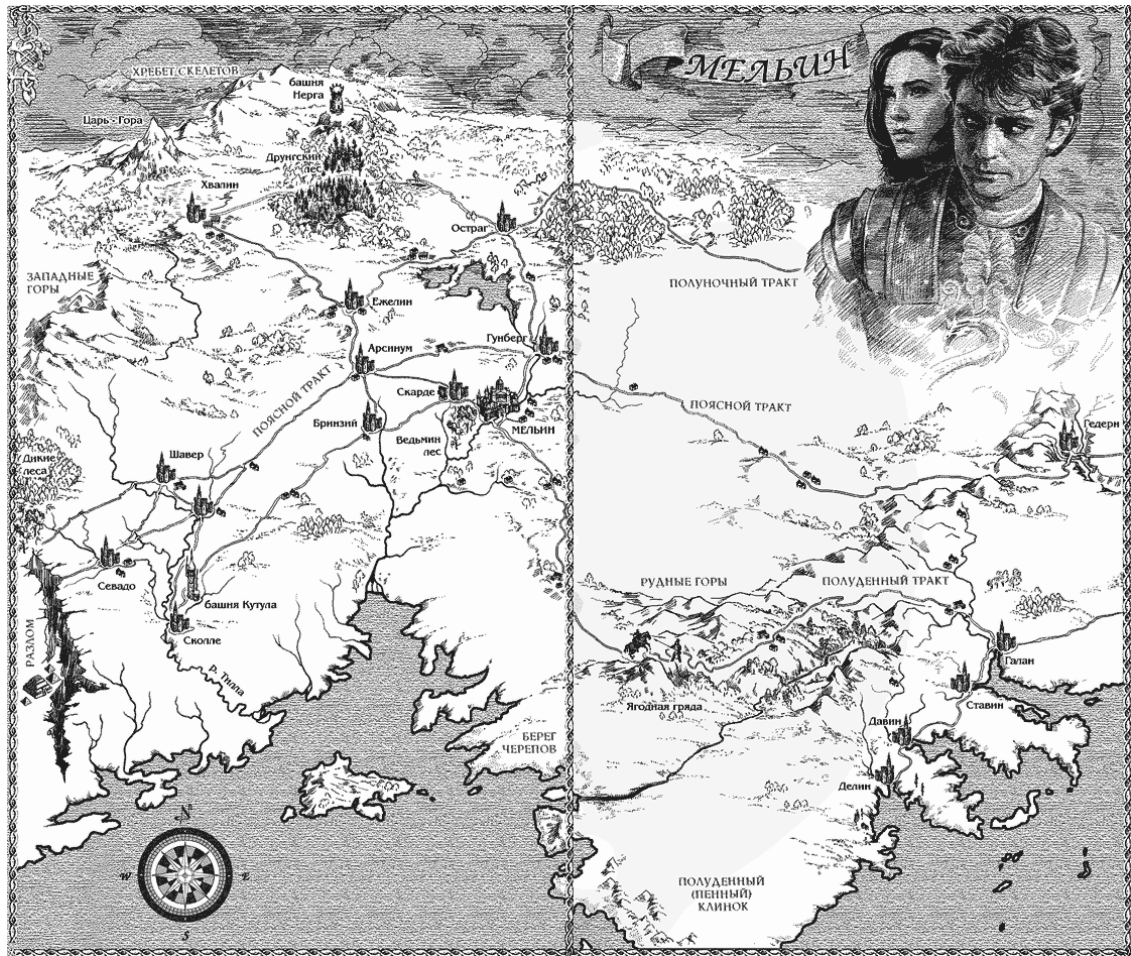
Зачин	6
Часть первая	16
Глава первая	16
Глава вторая	26
Глава третья	35
Глава четвёртая	46
Глава пятая	57
Глава шестая	69
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Ник Перумов

Война Мага

Дебют

Зачин

Междумирье. Некоторое время после окончания событий, описанных в книге «Земля без Радости».

Клубы серой влажной пелены перед моими глазами медленно рассеивались. Тяжело, нудно ныло сердце, налитое свинцовой тяжестью боли. Казалось бы – разве могут боги чувствовать боль? Разве не должны они вечно оставаться молодыми, прекрасными и здоровыми? Что ж, тогда, наверное, мы оказались неправильными богами.

– Это здесь, брат! – прогремел торжествующий бас Ракота. – Это здесь!

– Наконец-то! – вырвалось у меня.

– Да, наконец-то! И не спрашивай, сколько добрых соглядатаев сгнуло в этих топях, прежде чем мы нашли то, что искали!

– Да упокоит Демогоргон их души, – машинально ответил я. – Они исполнили свой долг, они...

– Брат, ты не на Хединсее. Не в своей Ночной Империи, – громыхнул Ракот. – Сogлядатаи не были людьми, ты забыл?..

– Неважно. Если не были людьми, то тем более, – отрезал я. – У тебя всё готово, брат?

– У меня-то – да. Крыланы-кирратады, копейщики-мангары, стрелки-ванирэ...

– Хорошо. Мои тоже готовы. Удачи, брат. Я начну по твоему сигналу.

– Как договорились!

Чёрный дракон зло зашипел на меня, опуская лапу так, чтобы бывший Владыка Тьмы смог подняться ему на спину.

– Тихо, тихо, – отмахнулся я, и дракон нехотя отвёл взгляд жёлтых змеиных глаз. – Как договорились, брат. И, пожалуйста, не лезь вперёд. Ты знаешь, что произойдёт, если ты сам... станешь мечом махать.

– Да что я тебе, несмышлёныш какой? – возмущённо прогремел сверху Ракот, резко запахиваясь в знаменитый свой алый плащ. – Сам знаю! И ты мне не нянька! Жди сигнала, брат! Жди сигнала! Давай, пошёл! – это уже к дракону.

Чёрные исполинские крылья развернулись, упёрлись в воздух – точнее, в то его подобие, что заполняло Межреальность. Дракон круто рванулся ввысь, на спине чудовища недвижно застыл Ракот, скрестив на груди руки. За плечами моего названного брата полосой колдовского пламени трепетал плащ.

Да, таким его запомнил не один мир. Не одна эпоха. Вождь, начинающий битву во главе своих войск; и легионы Молодых Богов в ужасе падали ниц, когда мимо их бесконечных шеренг проносился Владыка Тьмы в кроваво-красном плаще, предвосхищая сокрушительную атаку своего воинства. Сколько одержано побед, сколько раз оружие Тьмы торжествовало на поле битвы, притом что один воин Ракота сражался против десяти, пятнадцати, а то и двадцати прислужников Молодых Богов, владык Упорядоченного – сколько громких, сокрушительных, полных и всеобщих побед... И бесплодных. Кольцо всё равно сжималось. До того самого дня, когда Молодые Боги пошли на приступ Тёмной Цитадели – последнего оплота Ракота и его сторонников...

Я встряхнулся. Это случилось зоны тому назад. Мы вырвали конечную победу. Мы штурмом взяли Обетованное. И стали Новыми Богами, Богами Равновесия, которые теперь собрались наконец выкорчевать последний оплот Хаоса в наших пределах; или, вернее будет сказать, последний *ведомый* нам оплот Хаоса.

Остров Брандей.

Мы наконец-то нашли его. И – прав Ракот – немало наших прознатчиков сложили головы, пытаясь до него добраться...

Не стоит пренебрегать могуществом Хаоса. Или же его человекоорудий.

Во время оно скалы Брандея попирали простор морей Хьёрварда. Слуги Хаоса, они мнили себя неуязвимыми. И долго втихую плели свои сети, ждали наступления *дня*, когда можно будет сбросить маску просто тёмных волшебников и провозгласить окончательную победу их безликого и многосущного властелина.

Не получилось.

Брандей. Куда, спасаясь от неминуемой и мучительной смерти, ушло наше с Ракотом Поколение. Поколение Истинных магов. Последних хозяев Замка Всех Древних, что на вершине рухнувшего Столпа Титанов.

Да, они предпочли жизнь смерти. Сдались Хаосу. Явились к воротам Брандея с изъявлениями покорности. Мы готовы служить верой и правдой, сказали они.

Да будут они прокляты за это во веки веков.

Они ушли. Все. Во главе с самим Мерлином, главой Совета Поколения. И только Фелосте, нежная Фелосте, та самая, родившая Дитя-Горе, твёрдой рукой послала саму себя в неведомый мир посмертия, куда уходят после гибели Истинные маги.

И ещё один Истинный маг нашего Поколения не ступил на алый порог Брандея. А именно – Сигринн.

Погибшая в последней битве за Хединсей, вырванная мной из тёмных тисков... и потом сгинувшая бесследно, так что ни я, ни Ракот, ни даже Читающий Заклятья не смогли её разыскать. Ни по эту сторону, ни по ту.

...Пройдут века, и Мерлин раскается в содеянном. Покинет Брандей (я так и не узнал, бежал ли он тайно или прорывался с боем); попытается укрыться в дальних мирах, однако его отыщет посланец Хаоса, могущественное человекоорудие (не могу даже думать о нём, как о личности), отыщет и заточит – в ничем дотоле непримечательном мире под названием Мельин...

Мерлин вырвется из заточения, когда на весах Судьбы окажется участь приютившего его мира. Вырвется, чтобы с честью погибнуть в решающей схватке с тварями Неназываемого.¹

Прочие маги нашего Поколения так и останутся на Брандее. Под надёжной, как им казалось, защитой Хаоса. О, они стали осторожны, очень осторожны. Никогда не действовали в открытую, предпочитая удары исподтишка. Стрела в спину. Яд. Медленно действующее заклятие, от которого нет ни защиты, ни спасения.

Но кольцо всё равно сжималось. Несмотря на то, что львиную долю наших усилий поглощал Неназываемый, упорно рвавшийся напролом через Упорядоченное.

Мои посланцы собирали рати на всех четырёх континентах Большого Хьёрварда. Южный так и не оправился до конца после разрушительного вторжения Лишённых Тел (того самого вторжения, от которого бежали в Северный Хьёрвард слабые духом эльфы, с тем чтобы основать там королевство Эльфран и нести всю тяжесть постигшего их проклятия сородичей, павших в бою и не дождавшихся помощи), однако и с его берегов готовы были отплыть вёрткие и длинные катамараны.

Маги Брандея поняли, что дело плохо. Как-никак именно мы, а не они сделались Новыми Богами.

Они пустили в ход всё своё искусство, чтобы скрыть остров от наших глаз. И прежде всего – решили покинуть Хьёрвард, затеряться в бездонных глубинах Межреальности. Но не

¹ Подробнее об этом см. роман «Алмазный Меч, Деревянный Меч».

просто так. Видно, слишком много хитроумных колдовских приспособлений, помогающих связи с Хаосом, скрывали гранитные недра зачарованного острова, слишком много такого хранили его арсеналы, что невозможно оказалось вывезти. А может, магам Брандея просто слишком нравились его пейзажи.

Во всяком случае, уходя из Хьёрварда, они решили прихватить с собой ещё и сам остров. И скрыться на этом утлом клочке тверди в бескрайних просторах океана Межреальности.

Они сделали всё, чтобы замести следы. Инсценировали грандиозную катастрофу, как следствие якобы неудачного магического эксперимента.

Но всё-таки мы нашли их. После многих сотен лет упорного труда.

Не так уж сложно Богам, пусть даже и Богам Равновесия, собрать многочисленную рать. Всегда найдутся те, кто с радостью променяет тихую и спокойную жизнь на угар схватки, пусть даже шансов вернуться с добычей не так много.

Брандей. Уже не в Хьёрварде. А здесь, глубоко-глубоко в сердце Упорядоченного. Где миры плотны и густы, и хрустальные сферы звёзд почти что сталкиваются друг с другом. Умно, ничего не скажешь. Не на забытых светом и Творцом окраинах (там-то мы искали в первую очередь), а здесь, чуть ли не под боком у Обетованного, где нам волей-неволей пришлось обитать – слишком уж много магических потоков, рек, пронзающих Упорядоченные Силы, сходились здесь.

Но мы всё равно нашли его. И теперь уже не отступим.

...Над мирами, над густым серым туманом плавает небольшой остров – красноватая скала, на вершине которой тесно толпятся островерхие боевые башни. Стены высятся на самом краю бездны, вырастая прямо из склонов. Красная скала плавает над морем серого непроглядного тумана, время от времени из его глубины вздымаются какие-то чёрные блестящие тела, тотчас же ныряющие обратно.

– Словно вновь помолодел, – вырвалось у меня.

Да, это и впрямь напомнило старое доброе время. Собраны готовые к штурму войска. Сметена пыль с боевых заклинаний, долго ожидавших своего часа. Разумеется, ни я, ни Ракот не имели права самолично вступать в бой. Всё тот же проклятый Закон Равновесия.

И вправо, и влево, насколько можно было окинуть взглядом, стояли наши войска. Где идеально ровные прямоугольники, ошетилившиеся частоколом зазубренных пик над чёрной бронёй пещев, где-то рассыпные цепи меченосцев, где-то – гордые эскадроны наездников, оседлавших всевозможнейших крылатых тварей самого причудливого вида. Нашлось место для сотен катапульта и баллист. Из потайных закрытых миров пришли пушкари, широкие жерла мортир готовы были обрушить огненный ливень на вражью твердыню.

Да, мы собирались наступать, словно два обычных хьёрвардских тана, отнюдь не как Боги. Божественная сила далеко не всегда благо. Мы могли отбросить в сторону плащи и пойти в бой простыми копейщиками. Это закон нам разрешил. До определённых пределов, разумеется. И я знал, что Ракот, вступив в схватку, одной лишь простой сталью не ограничится.

Над островерхими башнями рвались, трепетали на несуществующем ветру кроваво-алые боевые стяги. Брандей сдаваться не собирался.

Смело, но глупо. Мы были Богами Равновесия. И пришли сюда не для рыцарских поединков. Я знал, Ракот любил тешить так сердце, странствуя инкогнито по разным мирам. Того, кому удавалось его победить, ждала горячая, жаркая и короткая жизнь. Владыка Тьмы умел дарить то, чего так жаждали истинные воины – погибнуть молодым, одержав свою самую громкую победу. Уйти непобеждённым.

Я ждал. С другой стороны сейчас медленно и неспешно двигались к неприступным, как будто бы, стенам когорты Ракота. Летающие платформы с катапультами и мортирами, с

тубами, изрыгающими жидкий огонь. Ясное дело, что хозяева Брандея постараются пустить в ход боевую магию. Именно её мы с Ракотом и должны были пресечь. Да, мы могли сплести заклятие, что в один миг не оставило бы даже пыли от всей исполинской скалы, на которой стоял замок прислужников Хаоса. Но мы слишком хорошо знали, чем потом обернётся эта вроде бы бескровная победа. Какие потоки крови прольются позже, там, где мы этого даже не увидим. Просто несколько миров Упорядоченного поразит неизлечимый мор. Или сбудутся какие-нибудь жуткие разрушительные предсказания. И мы не успеем прийти на помощь.

Почему это так? Почему злодеи, одержимые, лишённые всего, кроме лишь чудовищной тяги к убийству и мучительству, могут творить свои грязные дела безнаказанно, а если мы, Боги, пытаемся сами положить этому конец, последствия наших побед оказываются куда хуже и страшнее, чем если бы мы совсем не вмешались?

И не к кому обращать вопросы. Кто выше нас в Упорядоченном? Великий Орлангур? Однако Дух Познания после нашей победы в Обетованном не слишком жаловал нас своим вниманием, пустившись по каким-то одним ему ведомым путям в странствие, вполне могущее оказаться бесконечным. От Демогоргона же с самого начала времён никто не получил никакой помощи.

О, это что-то новенькое. Над башнями Брандея возникло какое-то стремительное движение – неразлично-слитное нечто трепетало радужными крыльями, изо всех сил спеша прямо к тому месту, где стоял я.

Капитан стражи пролаял короткую команду. Пикинеры сомкнули ряды, стрелки растянули луки, щитоносцы клацнули сдвинутыми и сцепившимися щитами. Всё правильно. Они поклялись защищать меня от того, что может пронзить, или разрубить, или разmozжить. От заклятий я уберегу себя сам.

Тварь, мчавшаяся на нас от башен Брандея, казалось, не имела постоянной формы. Только радужное полукружье крыльев, только стремительный росчерк чёрного да блеск пары громадных многофасеточных глаз.

– Не стрелять! – крикнул я страже. Тем более, что простые стрелы тут ничего бы не сделали – посланца Хаоса охраняли могущественные чары. Я мог бы развеять их, но... пока ещё рано. Посмотрим, зачем её выслали. Переговоры? Но что они могут нам предложить?

Бестия зависла в двух дюжинах саженей. Незримые по-прежнему крылья трепетали, сухо трещали, фасеты разгорелись сумрачным пламенем.

– Хедин, Познавший Тьму! – прогнусавило существо, пользуясь давным-давно не звучавшей речью – языком моего Поколения, последнего Поколения Истинных магов. – Так провозгласили уста пославшего меня: отступись от Брандея, о Познавший Тьму, ибо у нас есть чем купить жизнь и свободу.

Ракот на моём месте, несомненно, прорычал бы нечто вроде: «Боги не торгуются!» и приказал бы изрешетить посланника стрелами. Мой названный брат не всегда и не за всеми признавал право на дипломатическую неприкосновенность.

– Чем же? – коротко спросил я. Не имело смысла тешиться пустым словесным состязанием.

– Сигрлинн! – голос создания резко изменился, теперь оно сухо трещало, словно хвост под ногами. – Сигрлинн! Это имя тебе что-нибудь говорит?

Я ничего не ответил. Молча ждал продолжения. Заговорить сейчас – значит обнаружить слабость. А выглядеть слабым перед хозяевами Брандея мне никак не хотелось. По вполне понятным и даже, можно сказать, банальным причинам.

– Сигрлинн! – повторило существо. Я не без удовольствия почувствовал неуверенность и даже растерянность в бесполом голосе. – Сигрлинн, Познавший Тьму! Тебе безразлична её судьба? Ты потерял её, не правда ли? Мы можем вернуть её тебе. Или – решишь ты на штурм – погубить окончательно.

Я молчал. Только пристально смотрел прямо в многофасеточные буркалы.

Кто сейчас говорит со мной? Макран? Эстери? Феорад? Гиассара? Парвати? Некогда мы дружили... Штаилир? С этим у нас всегда была вражда. Постоянно разбивали друг дружке носы, ещё будучи детьми.

– Сигрлинн... едва ли ей будет приятно узнать, что Познавший Тьму с лёгким сердцем отказался от неё! Кто знает, может, тогда она и встанет вместе с нами! Ответь же, Познавший Тьму! Ответь, Хедин!

Я позволил себе лишь слабую презрительную усмешку. Боги не вступают в переговоры и не торгуются. Они карают и милуют. Мы пришли сюда карать. И даже окажись передо мной сейчас сама Сигрлинн во плоти (которую мне никогда не забыть, сколько б ни минуло эонов) – я не поверну назад и не скомандую отступления.

Существо впустую шелестело крыльями. Я не отвечаю. Мне следует выслушать посла (даже столь непрезентабельного), но нигде не сказано, что на его слова следует отвечать.

Сигрлинн у них нет и не может быть. Откуда? Я никогда не забуду того мига на Хединсее, когда она сошлась в схватке со своими собственными ученицами. С Ночными Всадниками, или, иными словами, ведьмами.

И потом её никто не смог найти. Никогда доселе за слугами Хаоса не числилась подобная способность – вытаскивать погибающих Истинных магов. Хотя, с другой стороны, уберегли же они моё Поколение от действия беспощадного закона Явленного Потомка.

Нет, решительно сказал я себе. Никакого торга не будет. Даже если Сигрлинн каким-то чудом действительно у них. Она умерла. Для мира, не для меня – но я не пойду на сделку.

Я отвернулся от крылатого посланца. Пусть убирается. Ему нечего больше здесь делать. Тем более, что, неслышимый для остальных, прокатился внутри моего сознания ликующий рык Ракота:

– Начинай, брат!

Пришло время.

Крылатая тварь взвизгнула. Высокий, режущий визг, суматошное мелькание отчаянно работающих радужных крыльев. Я поймал на себе взгляд капитана и отрицательно покачал головой. Пусть летит. Ей так и так осталось жить очень немного.

Ракот двинул свою армию в бой. Связал, сковал противника. Теперь настал мой черёд.

Я вскинул руку. И – одно из небольших преимуществ Бога – сделал так, что каждая живая душа в моих шеренгах видела сейчас мою фигуру, вытянувшуюся чуть ли не до несуществующих здесь небес. Рука моя подала знак к атаке. И его, этот знак, тоже увидели все до единого воины. И наши, и неприятельские.

Не грохотали подбитые железом сапоги – не по чему было здесь грохотать. Слитно захлопало множество крыльев – и покрытых перьями, и кожистых, и чешуйчатых. Мои летучие всадники самого причудливого вида, с самым удивительным оружием сорвались с мест.

Замок на алой скале в один миг словно окутала туча. С расстояния фигурки наездников казались не больше ос, кружащих вокруг гнезда. Несмотря на стремительность порыва, отряды не перемешались и шеренги не сбились. Часть забирала выше, норовя подняться над башнями и парапетами; часть, напротив, опускалась, так что ряд за рядом исчезал в серой мгле – им предстояло высадиться на основании плавающего в Межреальности скалистого острова, некогда части мира под названием Хьёрвард.

О да, они обладали большими способностями. И использовали их все – чтобы, разорвав узы плоти Хьёрварда, заставить свой остров плыть по волнам Межреальности, точно заправский корабль.

Я молча наблюдал. Многие из посланных мною в бой погибнут. Треть атакующих останется под стенами Брандея, но две трети перехлестнут через зубчатый поребрик, хлынут внутрь, предавая всё на своём пути огню и разрушению. Потом мы с братом довершим дело.

Невольно я ожидал прежних чувств – задора, предвкушения схватки, ощущения, что план составлен верно и исполняется в точности (и, значит, мои прогнозы верны), – однако вместо них остались одна только пустота с усталостью. Сколько мы дали таких вот битв. Иные больше, иные меньше. Иногда мы даже проигрывали – сражение, но войну – никогда.

Радужное мерцание крыльев неудачливого посланца давно скрылось за изломанной чертой укреплений. Интересно, на что ещё надеются защитники? Неназываемый уже призван в наш мир. Ничего более страшного не могло представить себе даже моё воображение. Хаос, пытающийся поглотить Упорядоченное с самой первой терции его существования, ограждают надёжные барьеры. Да, было дело, мы сами не гнушались воспользоваться сугубо запретным источником силы, но то – дела давно минувших дней, Хаос давно растратил полученные тогда преимущества.

Во всяком случае, в это хотелось верить. Боги Равновесия не обладают всезнанием. Иначе Упорядоченному пришлось бы искать кого-то иного на наши места. Существование любого мыслящего, даже Бога, имеет смысл, лишь когда остаётся хоть что-то неведомое.

Когда нет препятствий и врагов, то и жить незачем.

И сейчас, скрестив руки на груди, запахнувшись в чёрный плащ, я холодно наблюдал за разворачивающейся битвой. Брандею не устоять – но кровавую жатву они сегодня соберут. Это, увы, неизбежно.

Со стен и башен крепости навстречу крылатым наездникам потянулись руки Хаоса. Во множестве форм, какие только пришли на ум отчаянно сопротивлявшимся защитникам, некогда звавшимся гордым именем Истинных магов. Серая хмарь у подножий Брандея взволновалась, поглощая моих всадников сотню за сотней.

Я знал, что среди защитников Брандея – не только и не столько бывшие Истинные маги, мои собратья по Поколению. Зловещий остров служил укрытием многим и многим, в разное время и разными путями попавшим на службу Хаосу. Но, разумеется, ещё ни разу за всю свою историю Брандей не получал столько могущественного подкрепления, как в тот день, когда перед его воротами появились чародеи моего Поколения.

Хаос никогда не скупился на Силу для своих слуг. Всё, что только могло протиснуться тайными путями в Упорядоченное, без счёта и меры бросалось на весы нашей почти что вечной борьбы. Не Брандей и не его маги должны были возглавить решительный штурм Упорядоченного, но их долг состоял в подготовке. Долгой, тщательной, рассчитанной на тысячелетия. Силы всегда было с преизлишком. Недоставало талантов, умевших эту Силу использовать. С приходом Истинных Магов Хаос получил искомое.

И потому среди защитников цитадели я почти и не чувствовал других чародеев.

...Однако сказанное посланником всё же жгло меня изнутри. Да, я вытянул тогда Сигрлинн... но лишь для того, чтобы потерять. Она исчезла. Навсегда. И за все прошедшие бесчётные годы мне не удалось отыскать ни малейших её следов.

Под прикрытием сковавших бастионы крылатых всадников двигались к крепости метательные машины – и простые, и огненные, и магические. Над башнями с резкими хлопками раскрывались тёмные зонтики, и мои наездники горели, едва соприкоснувшись с перевозанной силой Хаоса. В глубине серой мглы – чувствовал я – мои полки столкнулись с полчищами бестий, постоянно менявших облик, работали чудовищные челюсти, перемалывая не успевших увернуться, – но и твари гибли одна за другой, потому что штурмующие знали своё дело, как и то, что их ожидает.

Ни одна из сторон не пустила в ход свои главные силы. Но мы с Ракотом намеренно играли роль полководцев, распорядителей сражения; чем меньше будет задействовано нашей с ним собственной мощи, тем лучше. А вот чего ждёт Брандей? Возможностями Хаоса пренебрегать нельзя. Канал, связывающий остров с Внешним Неупорядоченным, необыкновенно прочен. Вздумай мы с Ракотом разорвать его и только его (а не возведённое

благодаря его силе) – и дюжина-другая близлежащих миров обратится в пыль. Пуговина останется, и нам придётся медленно и долго убирать кровоточащий «отросток».

Я едва успел подумать, что пока защитники Брандея не показали ничего экстраординарного, когда над зубцами и шпильями воспарило густое, иссиня-чёрное облако. Стальные иглы шпилей таяли и стекали вниз струями расплавленного металла; всадники, кружившие над стенами, поневоле отхлынули, устремляясь вверх.

– Брат! – услышал я яростный рык Ракота. – Они опускают Покрывало!

– Вижу, – сквозь зубы процедил я. – Сам пускал в ход нечто подобное. На Хединсее...

Мои чародеи уже трудились вовсю, но им-то противостояли Истинные маги. Пусть и отказавшиеся от своей начальной природы, принявшие Хаос, но тем не менее – Истинные маги. В своё время они выиграли битву при Хединсее, когда ещё стояла во славе и величии Ночная Империя.

Несмотря на то, что защищал крепость я сам со своими лучшими учениками.

Эх, и до чего ж давно это было...

Покрывало Хаоса медленно разворачивалось, призрачным куполом окутывая Брандей. Я мог оценить масштаб влитой в это заклинание силы. Завеса, через которую не прорвётся ничто, сотворённое из плоти Упорядоченного. Ни таран, ни ядро, ни меч, ни стрела.

Живая плоть не годилась тоже.

Они сильны, сдавшиеся на милость Хаоса.

– Брат! – гремел в ушах голос Ракота. – Брат, мы не...

Да. Верно. Покрывало Хаоса – вещь, в чём-то подобная Неназываемому, пожирающему всё на своём пути сквозь Упорядоченное. Конечно, оно не покатится подобно Ему через всё Сущее, но вот наши полки может прорядить весьма изрядно.

– Брат, твои маги спят?! – бесновался невидимый Ракот.

Нет, мои маги не спали. Можно сказать, они дрались, как львы, вот только противник им достался совершенно непобедимый.

Я в бессильной злобе сжал кулаки. А ведь мы наносили удар не вслепую! Сколько разведчиков, сколько заклятий! Мне казалось, мы знаем всё, чем может встретить нас Брандей, – и ошиблись.

Его Маги не стали тратить время на обмен булавочными уколами. Они сразу пошли с туза.

Крылатые сотни послушно отхлынули от бастионов. Если бы имелся шанс, пожертвовав ими, прорвать смыкающуюся завесу – я не стал бы колебаться. Но такого шанса не было.

Пехота и тяжёлые метательные машины тоже остановились. Пока Брандей в силах удерживать Покрывало, он почти что неуязвим. Почти что – ибо в бой не вступали мы с Ракотом.

– Почему ты ничего не сказал мне о Покрывале?! – ревел мне в самое ухо невидимый Ракот. – Я отвожу своих... Какое... какое... – кажется, он захлёбывался от гнева, не в силах найти сколько-нибудь достойное определение. – Почему ты не взял Читающих?

– Потом все вопросы, брат, потом, – процедил я сквозь зубы.

Мои чародеи тем временем сумели разобраться в происходящем. Две дюжины их сбились в плотную, из-под чёрных плащей внезапно сверкнуло яростное голубое пламя. Маги опрометью кинулись врассыпную – а из разожженного ими огня поднималось нечто вроде громадного кристаллического клинка, сверкающего множеством отполированных граней.

Всё правильно, подумал я. Что является самой, пожалуй, упорядоченной структурой в пределах Упорядоченного? Правильно, кристалл. Математическая правильность, неизменность, порядок. Высшая степень порядка. Волшебники моего войска создавали нечто в противовес Покрывалу Хаоса, своего рода таран, готовый ударить в сотворённые врагом преграды.

Голубой клинок... Губы мои против воли дрогнули, складываясь в сухую и горькую усмешку. Южный Хьёрвард... Бог Горы... И зачарованный меч в руках Хагена – победоносного, молодого, молодого...

Покрывало тем временем медленно разбухало, вспучивалось, словно надувающаяся жаба. Повинуясь спешно отдаваемым командам, колонны моих войск отступали от Брандея.

И я почти не удивился, когда над зубчатой линией стен вновь взмыло всё то же радужное существо – искристая вспышка на фоне блёклой, грязно-серой завесы, которой оградил себя Брандей.

Вторая попытка. Неправильно. Это знак слабости. Они понимают, что против нашего совместного удара им не устоять, несмотря ни на какие покрывала и прочие премудрости. Им очень трудно принять в расчёт, что мы с Ракотом отчаянно пытаемся сейчас не просто выиграть бой, а выиграть его с наименьшими потерями, какие только возможны. Войска на поле битвы могут погибать. Это закон войны. Тем более, что посмертием их мы могли распорядиться. Кто-то отправился бы в сверкающие Залы Героев пировать с достойными воителями и проводить время в иных достойных бойца забавах – прежде чем наступит Час Конца и придет Последняя Битва (всё-таки Старый Хрофт тщеславен – вот и вновь стали верить кое-где в некое подобие Валгаллы и приближающего Рагнаради). Кого-то ждали бы девственницы и гурии, кого-то – вечная Великая Охота, Вечный Гон; семьи погибших получили бы столько, что до конца дней своих купались бы в роскоши – разумеется, если бы не пропили полученное.

Так вот – войска на поле битвы могут погибать. Но близрасположенные миры – нет. А раз так, наши мечи должны оставаться в ножнах. И Покрывало моим чародеям придётся прорывать самостоятельно.

Голубой клинок наклонился, целясь прямо в серую завесу. Посланец Брандея изо всех сил работал крыльями; теперь ему то и дело приходилось уворачиваться от нацеливающихся со всех сторон стрел, дротиков и огнемётных труб.

Я не препятствовал. Если ему повезёт – значит, маги Брандея и в самом деле хотят сказать мне нечто очень важное.

Ему повезло.

– Сигрлинн, Познавший Тьму! Мы принесли тебе её голос! Можем и явить её дух! Ты – Бог, тебя не обманешь. Отведи войска – мы вернём её тебе.

...Начальствующие над чародеями ждали команды.

«Начинайте».

Голубой клинок бесшумно воспарил вверх, устремляясь прямо к крепости.

– Остановись! – взвыл посланец. Я вздрогнул – давно знакомый голос. Но сколько ж эонов я его не слышал!

– Остановись, Хедин, – умоляюще проговорила невидимая Эстери. – Остановись. Мы просто хотим жить. Мы отдадим тебе её. Чего ты ещё хочешь знать? Каверны, имена *гопотов*, каналы?

– Вы всегда слишком хотели жить, – не сдержался я.

– А кто в этом виноват? – истерически взвизгнула она. – Не ты ли? И не из-за тебя ли эта безумная шлюха Фелосте...

Я слегка повёл рукой – существо закрутило в воздухе, словно оно угодило в бешеный водоворот.

Разговоры закончены.

Ещё мгновение – и голубой кристаллический клинок вонзился в серое распухшее брюхо Брандея.

А-аа-ргх! – казалось, вздохнуло само сущее. Там, где соприкоснулись голубое и серое, возникла ослепительная искра, сперва крошечная, не больше булавочной головки, но она

стремительно росла, и спустя неразличимый чувствами простых смертных миг между моими войсками и Брандеем яростно пылало новое солнце. В его блеске исчезли и сам остров, и его укрепления, и окутавшая их серая завеса. И – я знал – в десятках миров мудрые очень скоро ощутят эхо чудовищного удара.

Однако мгновения сгорали одно за другим в великой топке Времени, огонь пылал, но справа и слева ползли новые извивы серой пелерины Хаоса.

– Брат, мы не хотели рубить пуповину, но без этого, похоже, никак, – донесся рык Ракота.

– Погоди, брат.

– ... Ты убиваешь её! Ты убиваешь всех нас!.. – визжала, захлёбываясь, Эстери. – И мы... И нам... не... остаётся...

Это было как удар огненного бича. Над Брандеем раскрывалось нечто вроде ярко-рыжего треножника, длинные лапы вытягивались, и там, где они касались незримой «земли», по которой ступали мои войска, тотчас вспухали клубы яростного огня. Я не столько видел, сколько чувствовал – одна из пеших колонн не успела рассыпаться, и на её месте мгновенно остался лишь пепел. Пламя было не простым огнём.

– Отходить! И рассыпаться! – ревел Ракот, отдавая приказы своему крылу.

Треножник успел обратиться каким-то жутким пауком, мои маги работали, но пока следов их усилий видно не было. На учениях, как обычно, всё шло гладко, а здесь...

– Брат, ломаем их! – не выдержал Ракот. – Брат, другого выхода нет! – миг спустя, потому что я не отозвался.

...А не отозвался только потому, что пытался увидеть, что вызовет меньше вселенских катастроф, потоков, огненных ливней и вторжений каких-нибудь демонов, подобных козлогим. Сколько потребуется открыть порталов, сколько отправить мессий местного разряда, куда выводить несчастные толпы...

Потому что понял правоту Ракота. Без нас Брандея не взять. Несмотря ни на какие пушки.

– Давай, брат.

– Тренога и Завеса?

– Да. И больше ничего! Понимаешь, брат?

– Я что, маленький совсем? – обиделся Ракот. – Ну, давай... раз, два, три!

Быть Богом – это совсем не то, что магом. Ты имеешь свой предел, но пока его не достиг – совершенно не надо думать, где взять достаточно сил.

Я ощутил последний истошный вопль Эстери – за миг до того, как наш собственный удар не смёл все до единого защитные барьеры Брандея.

...Обратился облаком летучего пепла огненный треножник. В единую секунду исчезло зловещее Покрывало. Остров висел нагой и беззащитный, нелепо парящий над бездной, но на его шпилях по-прежнему развевались красные боевые стяги и спускать их никто не собирался.

И мы уже собирались отдать приказ о последнем натиске, когда...

...Когда по стенам, куполам, крышам и фундаментам зазмеились бесчисленные трещины. С сухим треском отламывались зубцы башен, рушились переходы и галереи, и каждый сорвавшийся камешек, словно зачарованное копьё, пробивал плоть самого острова. Красные утёсы с тяжёлым, надсадным звуком раздались, неведомая сила крошила и дробила неприступные скалы, и мы с Ракотом не успели и глазом моргнуть, как вся чудовищная крепость Хаоса рассыпалась в пыль прямо перед нашими ногами.

...А мой слух вспороли отчаянные вопли тех, кого я когда-то считал единственной семьёй, достойной быть у Истинного мага...

Но последним шоком стал прорвавшийся сквозь какофонию голос, не узнать который я не мог. Точнее, его носительницу.

...Я ещё не пришёл в себя, когда рядом оказался ликующий Ракот на своём кошмарного вида драконе.

– Победа, брат!..

– Победа, победа, – желчно усмехнулся я, стараясь стереть из памяти последний голос и произнесённые им слова. – А теперь поторопимся. Если я не ошибся в своих вычислениях, срочно спасать нам придется всего лишь только четыре мира. Насколько я помню, у тебя хорошо получалось с порталами, брат, не правда ли?..

Ракот нахмурился. Спасение преследуемых пламенными цунами беженцев не относилось к числу его любимых занятий. В отличие от битв.

– А потом займёмся пуповиной. Нельзя допустить, чтобы она так и осталась тут болтаться...

– Брат, погоди... они что – все погибли? Все до одного?

Я досадливо поморщился. Отчего-то не хотелось говорить Ракоту, что я слышал голос гибнущей Сигрлинн и её проклятие. Обращённое ко мне.

– Займемся порталами, – повторил я. – Времени, если я только не ошибся, у нас не слишком много.

Ракот понял. И больше не задал ни одного вопроса.

Часть первая

Глава первая Эвиал. Северный Клык

Над Северным Клыком безумствовала вьюга. Полярная ночь простёрла свои совиные крылья над заснеженными просторами морей, в отчаянии прикрывшихся торосистыми ледяными щитами. На красноватом утёсе, высоко вознесясь над вздыбившимися ропаками, над прибрежным ледовым хаосом застыла башня Сим. Казалось, древнее строение с ужасом смотрит через пролив, туда, где на недавно поднявшемся из моря островке гордо чернела ещё одна, вторая, Башня: высокая и тонкая, точно рапира.

Чёрная башня.

Она сильно изменилась. Выросла. Стала похожа на исполинскую, почти что до самых небес ель, покрытую блистающей антрацитовой броней. Сейчас Чёрная башня больше всего напоминала остроконечный конус или даже наконечник копья, грозно нацелившийся в темные, бессолнечные небеса. К поверхности главного конуса хаотично лепились башенки поменьше, и вся Башня была покрыта разбросанными тут и там бойницами, словно муравейник входами. У высокой стрельчатой арки ворот застыли изваяния стражей-грифонов из чистого агата.

Никогда в бойницах не промелькнуло ни единого проблеска света. Никогда. Ни разу. Сколько бы ни вглядывались в них осаждающие.

А осаждавших здесь собралось немало. Наверное, эти места никогда ещё не видели такого множества людей. Впрочем, не только людей.

Чародейка Мегана, хозяйка Волшебного Двора, устало опустила подзорную трубу. Здесь, вблизи от Чёрной башни, с трудом удавались, пусть и самые простые, заклятья. Даже её, вторую по силе волшебницу Эвиала, боль отката почти что парализовывала. Конечно, думала Мегана, когда мы пойдем на штурм, будет уже не до нежностей, но... Она невольно поёжилась. Как мы прорвёмся через этот заслон? Собрать всех в один кулак, как предлагает Этлау, и завалить Башню трупами? Трупами и магов, и инквизиторов, рассчитывая, что вдали от своих коренных владений Тьме трудно будет помочь своему наймиту, проклятому Разрушителю, все-таки воплотившемуся, несмотря на все усилия и Академии, и Волшебного Двора, и святых братьев?

Резкий и злой ветер пробивался даже сквозь пушистую рысью шубу. Мегана зябко поежилась. Никогда ещё столь страшный враг не противостоял в открытую светлым магам Эвиала. Никогда ещё чародеям Ордоса и Волшебного Двора не приходилось браться за дело, чреватое столь большими жертвами. Все прочее, случавшееся в истории – войны, набеги, восстания, – никогда не угрожало всему миру. Даже вторжение Клешной в Арвест и гибель города, даже смутные и страшные события в далёком Скавелле, на берегу Кинта Ближнего, казалось чародейке, не идут ни в какое сравнение со случившимся. Мегана не сомневалась, что корень бед крылся именно в воплотившемся Разрушителе. Без него не случилось бы и сотой доли обрушившихся на Эвиал бед и напастей. «Анналы Тьмы», бесспорно, говорили правду. Как говорится, это есть наш последний и решительный...

Она потрясла головой, отгоняя настойчивые видения.

Что ещё мы можем сделать? Собрать сюда всех чародеев Эвиала, которых только можно, не ослабляя до крайней степени оборону тысячелигового побережья, где теперь в любой миг могли возникнуть чёрно-зелёные галеры Империи Клешной, оставившие по себе

столь долгую память и там, где стоял гордый Арвест, и в Кинте Ближнем? – сделано. Взять за горло королей и правителей, добиться того, чтобы были подняты все полки, чтобы застоявшиеся имперские корпуса Эбина скорым маршем двинулись бы на север окружить проклятую Башню кольцом плотной осады? – сделано.

Впервые заговорить языком угроз со своенравным Салладором, слишком уж уповающим на свое красное золото вкупе со древним зловещим искусством пренебрегающих Ордом наследственных магов? – сделано. Салладорский эмир дал часть своих наемников.

Отправить послов в Синь-И, в Халистан, на далекие-предалекие острова крайнего Юго-Востока, у самого Восходного Предела Тьмы, где есть очень сильные, своеобразные, с собственным, ни на что не похожим стилем чародеи? – сделано. Но не ждать же многие месяцы, пока они прибудут!

Бросить горячее слово ко градам и весям Семиградья, поднять тамошний народ, так чтобы за оружие взялись все от мала до велика? – сделано.

Нанять все силы Лесных Кантонов и Вольных Рот, не жалея казны и не останавливаясь ни перед чем? – сделано.

Обложить тяжелой данью Мекамп и Эгест, Семиградье и Эбин, Салладор и Аррас, чтобы прокормить и согреть все собравшиеся на краю света, в ледяной пустыне войска? – сделано.

Что ещё? Что?

Только одно – отдать приказ о штурме.

И тогда швырнут каменные ядра с великим трудом доставленные сюда катапульты и требушеты, поползут неповоротливые тараны, по наведенным поверх предательского льда мостам ринется на островок пехота... А мы, маги Эвиала, задыхаясь от боли отката, будем стараться взломать неподатливую черную броню. Не ведаю пока ещё, как мы это сделаем, но, клянусь Светом, мы должны это сделать!

Или все-таки нет? Не бросать сотню за сотней, тысячу за тысячей в бесплодные атаки, сжимая зубы в тоске и отчаянии при виде валящихся тел, выждать, вызнать всё, что можно – и лишь потом ударить, поймав тот единственный момент, когда Разрушитель станет уязвим, когда он, наконец, выйдет из Башни, но ещё не успеет собрать вокруг себя ту кошмарную Армию Тьмы, о которой в таких подробностях сообщали «Анналы», истинность которых никто теперь не ставил под сомнение?

Разум говорит подождать. Чутье мага твердит – атакуй. Не считай жертв, не считайся ни с чем, положи всю с таким трудом собранную армию, но сотри Чёрную башню с лица земли.

Разумеется, вместе с затаившимся внутри неё Разрушителем.

Сомнения, сомнения, сомнения. Нет ничего хуже сомнений для решившего встать на тропу войны мага.

Мегана вздохнула. Уже предприняты все мыслимые и немыслимые разведки. Люди подбирались почти к самому острову – правда, по строгому приказу Белого Совета и отца Этлау, никто пока ещё не ступал на проклятую землю.

В то же время Чёрная башня успешно противостояла и магическому наступлению. Многочисленные заклятья, долженствующие по крайней мере явить магам Ордоса и Волшебного Двора все ловушки и западни на ближних подступах, не показывали ничего. Просто ничего. Казалось, Башня надёжно защищена от всех и всяческих магических воздействий.

Конечно, теоретически в арсенале Белого Совета оставалось последнее и наиболее могущественное оружие. Магия Крови. Её секреты охранялись особенно тщательно, и на её применение требовалось получить полное и единодушное согласие всего Ордоса вкупе с Волшебным Двором. Даже когда в западной столице магии свирепствовала непонятная эпидемия, Белый Совет не рискнул пустить в ход страшную жемчужину своих арсеналов. Тогда

удалось справиться, надо признать, не без помощи тех же Даэнура и его молодого ученика. Быть может, позвать дуотта сюда не оказалось бы такой уж ошибкой? Едва ли декан факультета малефицистики, вновь оставшийся без единого студизуса и проводящий время в угрюмых штудиях, так уж жаждет сделаться лёгкой добычей Разрушителя. А ведь Даэнур учил некроманта, знает его сильные и слабые стороны – он мог бы оказаться полезен. Решение оставить единственного тёмного мага в Ордосе под строгим и неусыпным надзором отсюда, с Северного Клыка, не выглядело таким уж правильным. Мегана с досадой подумала, что на ближайшей же «встрече троих» – она сама, милорд ректор Анэто и преподобный отец Этлау, – ей придётся поднять этот вопрос. И опять выдерживать этот немигающий взгляд уже кажущихся ей нечеловеческими глаз инквизитора... но что поделать, надо. Штурм Чёрной башни запросто обернётся полным и всеобщим уничтожением с таким трудом и потерями собранной армии. Эвиал мог позволить себе только одну попытку.

Или всё-таки магия крови? История Ордоса и Волшебного Двора сохранила считанные единицы примеров, когда это поистине *последнее* средство пускалось в ход. Последний раз – во время войны Волка, когда с помощью невиданных гекатомб удалось остановить наступление победоносной армии дуоттов. Война Волка. Когда дуотты, накопив силы, постигнув многие тайны магии, предприняли попытку взять реванш за поражение в Войне Быка.

Да, то было поистине Время Волка. Век Волка. Дни беспросветного отчаяния, перемежавшиеся редкими мгновениями надежды. Армии дуоттов, небольшие числом, но грозные и боевым, и колдовским умениями, наступали с востока через Мекамп и с запада, из Кинта Дальнего. Змеиные леса их не остановили. Аррас тогда был маленьким городком, но его защитники понимали – если крепость падёт и погибнет стоящий там флот, закатная армия заклятых врагов рода человеческого запросто переправится на южный берег Изгиба, и тогда под ударом окажется уже сам Ордос. А с падением Ордоса и гибелью западной цитадели магии судьбу людского племени можно уже считать решённой.

И пока в замекампских степях летучие конные отряды людей пытались сдержать натиск неторопливо (но неумолимо) надвигавшегося войска дуоттов, несколько чародеев в Аррасе задумали и привели в исполнение поистине нечеловеческий план.

...Сохранились лишь обрывки той давней истории. Немногочисленные свидетельства выживших очевидцев да рабочий журнал Фадара, главного мага «аррасской четвёрки». Волшебник скрупулёзно записывал все свои действия, все ощущения, он понимал, на что идёт и что его ждёт – как в случае успеха, так и неудачи. Он и его товарищи (вместе с палачами-добровольцами) предали мучительной смерти свыше трёх сотен невинных дев от четырнадцати до шестнадцати лет. Высвободив чудовищную силу, маги ударили всё сметающей огненной волной по наступающим боевым порядкам дуоттов, от их заклятья осталась мёртвая, выжженная полоса без малого в пять лиг шириной и пятьдесят – длиной, где погибло всё живое. Закатная армия дуоттов исчезла с лица земли, их чародеи ничего не смогли противопоставить неистовой человеческой ярости и предсмертной муке, принявшим облик пламенного облака.

Фадар и его товарищи погибли в страшных мучениях. Откат оказался поистине ужасным. Лёгкие чародеев оказались пробиты их собственными рёбрами, внезапно начавшими расти с невероятной скоростью, пронзая плоть, точно когти неведомого хищника. Вместе с магами смерть настигла и почти всех обитателей Арраса, победе смогли порадоваться немногие. После этого на Кинт Ближний и Эбинский полуостров обрушились неисчислимые бедствия. Землетрясения, опустошительные эпидемии неведомых болезней, появившихся неведомо откуда и потом ни разу не повторившихся, нашествия крыс и саранчи, пожары, штормы, ураганы, страшные засухи, почти обратившие в пустыню весь полуостров, как следствие – голод... Время Волка оставило по себе долгую память.

Однако усилия и жертвы не были напрасны. Именно под Аррасом людская воля превозмогла напор дуоттов, гибель западной армии словно ужасом парализовала восточную, и та принялась в панике отходить обратно, намереваясь, очевидно, укрыться в тайных убежищах на восходе. Люди преследовали отходивших. Выжигали на пути траву, отравляли колодцы, устраивали засады. Из кольца вырвалось лишь несколько десятков дуоттов – многие тысячи так и остались лежать в степях на поживу хищным птицам...

Так, может, замирая, думала Мегана, невидящими глазами смотря на точёный антрацитовый конус Башни, острым, смертоносным копьём вонзённый во плоть Эвиала, так, может, стоит попробовать магию крови и здесь? Да, нам уготована будет страшная гибель. Но что такое наши жизни по сравнению со всем миром?..

Это получилось у неё несколько театрально. Словно бы она, как и в юности, вновь стояла на театральных подмостках, исполняя роль Тархии, Себя Поразившей Магессы в античной трагедии. Мегана поморщилась. Слишком пафосно. На жертву так не идут. Да и хватит ли у неё силы повторить подвиг чародеев прошлого? Магия Крови такая вещь, что, раз начав обряд (или, как говорят Тёмные, «гримуар», хотя на самом деле это слово означает сборник заклинаний), уже не остановишься и не повернёшь назад. Тебя всё равно ожидает смерть, но на сей раз – бессмысленная и оттого стократ более мучительная.

Анэто, конечно, не откажется помочь, думала Мегана, чувствуя, как по спине бегут ледяные мурашки. Он ни за что не откажется, потому что для магии крови надо самое меньшее два исполняющих обряд аколита. А Этлау... на самом деле хорошо бы, чтобы присоединился и он. Где-то это даже лучше – старые соперники уходят, а с ними – и вражда, и неприязнь... Для Эвиала будет лучше, если раз и навсегда прекратится соперничество между магами и Церковью Спасителя, если священник и чародей рука об руку станут врачевать бесчисленные раны и язвы несчастного мира...

То есть выбор невелик, однако он всё-таки есть. Штурм – или магия крови. Ни одно из средств не гарантирует успеха. Одно не исключает другого. Но кто знает, чем обернётся приступ, потерпи неудачу с самоубийственным ритуалом лучшие, сильнейшие волшебники Белого Совета, и кто знает, уцелеет ли вообще хоть один человек, если рати Эвиала дерзнут взять проклятую Башню на меч.

Чародейка вздохнула, покачала головой. Насколько ж было легче в старые времена... когда ещё существовал обычай передачи посохов... А теперь она стоит на самом краю Сущего, смотрит на чудовищное оружие злой Тьмы, пробившее её родной Эвиал, и не знает, что делать. Только и остаётся, что молиться Спасителю...

И Мегана действительно опустилась на колени.

За спиной слышались мягкие шаги. Анэто. Его аура. Не прячется, хочет, чтобы его заметили. Деликатен.

Волшебница с досадой поднялась. Вот так. Только сердце твоё созреет для настоящей искренней молитвы – непременно помешают. Не вовремя ты, милорд ректор, прости, но не вовремя.

Надлежит заметить, что когда-то Академия Высокого Волшебства и Волшебный Двор соперничали, и дело порой доходило до стычек. Во всяком случае, ни милорд ректор, ни хозяйка Волшебного Двора не упускали случая посадить друг друга в лужу перед коллегами, обвинить перед всем Белым Советом и в неправильном использовании магии, опасных экспериментах или вручении посоха недостойному носить оный. Сейчас всё это если и вспоминалось, то лишь с горьким смехом. Не знали настоящего врага да настоящей беды, забавлялись, подпуская друг другу шпильки. Как говорится, и смех, и слёзы. Общая опасность сплотила, заставила забыть все и всяческие раздоры. Это раньше, что называется, «посохами мерялись», всё пытались выяснить, кто ж сильнее, ночей не спали, переживали, втайне подуськивая молодых учеников к дуэлям... Сейчас и вспомнить-то стыдно.

Мегана вновь вздохнула и повернулась навстречу вошедшему.

Милорд ректор осунулся и похудел. Не жалея ни себя, ни других, он мотался по изогнувшимся дугой позициям от одного крыла до другого, вытянувшихся далеко на торосистые льды и охвативших плотным кольцом весь проклятый остров. Ни один воин Света ещё не ступал на поднятый тёмными силами из глубин океана остров. Даже колдуны и чародеи. Разведка доходила только до края, не дерзая его перешагнуть. Никто не знал, чем может ответить зловещая Башня, на что она окажется способна, и, чтобы хоть как-то подготовиться к отпору, пришлось перетряхнуть все архивы, мобилизовать всех до единого хоть сколько-нибудь сведущих волшебников, не исключая и знатоков архаичной рунной магии (в том числе из небытия вытащили самого старика Парри, с чьей недоброй руки все это началось), адептов магии ритуальной, и так далее и тому подобное.

Побережье и льды покрылись частой сетью сооружённых из камня скрин, где на тщательно расчищенной земле были выведены замысловатые магические фигуры. Там, где под скринами залегал матёрый лёд, не жалея сил, натаскали с берега почвы.

Фигуры устанавливали связь со всеми мыслимыми формами стихий и магических энергий. Они должны были если не уберечь собравшуюся здесь армию, то, по крайней мере, предупредить о начавшемся прорыве. Подобно тому, как выполнили свой долг наблюдатели (даже и в той же башне Сим), когда Тьма на самом деле начала продвигаться в пока ещё свободные от неё области Эвиала.

Все было готово. Кажется, они не упустили ничего. Ничего?..

– Почти ничего, – хмуро бросил Анэто, развязывая тесёмки подбитого мехом плаща. – Прости, Мег, ты размышляла вслух. Мы не упустили ничего, кроме четырёх возможностей.

– Четырёх? Мне, если честно, в голову пришли только три, – призналась Мегана. – Глентвейна, Ан? Промёрз ведь. Я распоряджусь.

– Спасибо, Мег, я ценю, – устало улыбнулся чародей, справившись наконец с оледеневшими завязками. – Марица у тебя настоящая волшебница по части глентвейнов. Вино-то небось своё?

– Конечно...

– Откуда только такой виноград берёте?

– А ты побывал бы у нас в гостях, в Волшебном Дворе, мы б тебя ещё и не так угостили... Марица! Марица, милая, две чаши глентвейна, да погорячее! Поторопись, пожалуйста.

– Не извольте беспокоиться, миледи, – невысокая сероглазая девушка поспешно скрылась.

– Ну, так что за возможности? Не томи, Ан, видишь, умираю от любопытства!

– Хорошо тебе, если только от любопытства... – Анэто не принял шутливого тона. – Наверняка ты сама обо всём этом думала. Возможность первая, напрашивающаяся, за неё горой стоит наш преподобный отец-расчленитель... то есть отец-эксекUTOR какого-то там ранга.

– Штурм, – закончила Мегана. И невольно поёжилась.

– Правильно. Штурм. Легионы ложатся трупами, маги гибнут от чудовищного отката, а Башня стоит как ни в чём не бывало.

– Ну отчего же, нельзя ведь так...

– погоди! – Анэто раздражённо вскинул руку. – А, вот и мой глентвейн. Спасибо, Марица... Твоё здоровье, Мег.

– Твоё здоровье, Ан... Да, благодарю, милочка, только отчего ты бледная такая? Опять заклятьем пользовалась, чтобы разогреть быстрее?

– Простите, миледи... Но милорд пришли с холода... ему требовалось...

– Спасибо ещё раз, Марица, – Анэто поднялся, приобнял зардевшуюся служанку. – Но, право же, не стоило так себя мучить...

– Ладно-ладно, не лапай тут моих девочек, не то приревную, – в шутку погрозила Мегана. – Мари, дорогая, ты свободна.

– Как будет угодно миледи, – девушка церемонно присела, метнув на прощание поистине обожающий взгляд на ректора. Анэто поперхнулся глинтвейном и поспешил отвести глаза.

– Так о чём это мы? – с подозрением в голосе осведомилась Мегана.

– Гм... ну да, конечно. Штурм. Дрянное средство. Никуда не годное средство. Но... кое-кому очень даже выгодное.

– Это кому же?

– Брось, Мег, – поморщился ректор. – Да... м-м-м... превосходный глинтвейн... передай Марице моё восхищение.

– Перестань! Совсем девчонке голову вскружишь. Дело говори, старый ловелас!

– Дело... Ну, Мегана, рассуди сама. А то ты словно маленькая, честное слово. Ты так до сих пор и не поняла? Этлау и Аркин собираются убить двух зайцев разом. Разрушитель – ну это понятно, хотя бы из простого инстинкта самосохранения. Но есть у них и ещё одна задача. Ещё одна цель.

– Какая это?

– Не догадываешься? Само собой, избавиться от нас, свободных магов Эвиала, – сумрачно и зло проговорил Анэто. – Для этого даже не надо никаких особенных хитростей. Достаточно пустить нас в первой волне атакующих. Я уверен, Чёрная башня встретит нас так, что от людской крови расплавится вековой лёд. Тьма зла, но отнюдь не глупа. Она не оставит своего питомца беззащитным. И сам Разрушитель уже давно не тот, с кем когда-то играючи могли справиться и ты, и я. Он вырос. Очень вырос. Ясно ведь, что он не из нашего мира...

– Давай только не будем начинать ещё и этот спор, – вздохнула чародейка. – Я помню твою теорию. И я помню всё сказанное Кларой. Я считаю Неясыть созданием Тьмы, но это...

– Ты права, это не отменяет того, с чего я начал, – перебил ректор волшебницу. – Этлау, говорю тебе, хочет уничтожить нас. Для этого он и притащил сюда всех магов, кого только смог. Все под прекрасными и благородными лозунгами! Чтобы жил Эвиал! За наше общее небо! Негодяй... а теперь он только ждет, когда мы окажемся настолько глупы, что сами полезем на этот проклятый остров, чтоб ему провалиться в ту самую преисподню, откуда его подняла воля Тьмы!

– Ты считаешь, что мы не должны атаковать?

– Ни в коем случае, Мег. Ни в коем случае. Я не остановлюсь перед тем, чтобы всадить арбалетный болт в спину этого проклятого фанатика. Если ему так неймётся, а его святые братья так горят рвением и готовы расставаться с жизнями во имя Эвиала – пожалуйста! Пусть идут на штурм хоть сейчас. Я и пальцем не пошевелию, чтобы им помешать или отговорить. Но я не пошлю за ними ни одного мага. Из тех, кто подчиняется мне, разумеется. Адептами Волшебного Двора ты имеешь полное право пожертвовать, если, конечно, твоя совесть, о светлая Мег, стерпит это пятно на снежной своей белизне.

– Ан, Ан, давай поменьше громких слов, хорошо? Я забочусь о Волшебном Дворе не меньше, чем ты – об Академии...

– Но такая идея о том, что маги – просто расходный материал на пути Этлау, не приходила тебе в голову?

Мегана обиженно поджала губы и ничего не ответила.

– Значит, не приходила, – отрывисто бросил Анэто.

– Ты предлагаешь отказаться от штурма Башни? Я правильно тебя поняла? Несмотря на то, что мотаешься от скрины к скрине, не зная отдыха?

Анэто кивнул.

– Я не поведу своих магов на верную смерть. Тем более, когда я не имею убежденности, что их смерть поможет спасению Эвиала.

– Ты не веришь, что мы...

– Я не верю, что мы прорвемся в Башню, Мег.

Волшебница воззрилась на Анэто широко раскрытыми глазами.

– Что ты говоришь, Ан, что же нам тогда...

– Вторая возможность, – перебил её Анэто, прихлёбывая дымящийся глинтвейн, – это притащить сюда Дазнура. И дать ему возможность доказать, что он не зря занимает должность декана факультета малефицистики, сиречь злоделания. Только не говори мне, что и это не приходило тебе в голову!

– Приходило, – кивнула Мегана. – Но что Дазнур может здесь сделать? И... ты не боишься, что наш доблестный дуотт прямиком отправится за своим любимым и единственным учеником? Не опасаясь, что после этого в Башне окажутся два Разрушителя?

– Наши соглядатаи не раз доносили, что Разрушитель и так проделал путь от Скавелла до Чёрной башни не в одиночестве, – заметил Анэто. – Девчонка, которую он где-то подобрал. Так что там, возможно, и так уже *не* только Разрушитель. Нет, упомянутого тобой исхода я не слишком опасаюсь. Если бы Дазнур хотел, он уже давно бы *ушёл*, слился бы с Тьмой по испытанному методу Салладорца. Он этого не сделал. Несмотря на... гм... не слишком радостное существование в стенах вверенной моему попечению Академии. Значит, скорее всего, не уйдёт и сейчас. «Анналы» в этом отношении не допускают различных толкований – Разрушитель может быть только один, и только одному Разрушителю Тьма окажет всю свою поддержку. Так что возможное бегство дуотта меня не слишком пугает, тем более что я в это не верю.

– Но что он может сделать?

– Не знаю. И никто не знает. Но, во всяком случае, я считаю риск оправданным. Возможно, Неясыть впустит своего старого учителя в Башню. И если Дазнур сумел бы нанести удар... или капнуть яда... или... ну, ты понимаешь, трансформа Разрушителя ещё не завершилась, физически он очень даже уязвим, собственно говоря, поэтому и нужна Чёрная башня – подобно кокону для вылупляющейся бабочки. Откуда, собственно говоря, следует третья возможность...

– Магия крови, – опередила Мегана.

– Магия крови? – милорд ректор так и замер с чашей глинтвейна в руке. – Гммм... признаюсь, я об этом не подумал. Значит, пятая возможность. Обсудим её чуть позже. Нет, я имел в виду нечто другое.

– Например?

– Попытаться выманить его оттуда. Или...

– Выманить! – фыркнула Мегана. – Интересная мысль! А может, предпочтём дожидаться, пока тут, на Северном Клыке, случится землетрясение, которое и похоронит Башню вместе с Разрушителем?! Честное слово, Ан, за кого ты меня принимаешь?..

– Ты закончила? – спокойно спросил Анэто, дождавшись, когда чародейка выдохнется. – Можно мне продолжить?

Мегана скорчила гримаску и нехотя кивнула.

– Мысль отнюдь не обязана быть свехоригинальной. Разумеется, об этом думали все, кто хоть что-то понимает в происходящем. Вся хитрость в приманке. Надо предложить такую, чтобы рыбка клюнула наверняка.

– И у тебя есть такая приманка?

- Такая приманка есть у святых братьев. Во всяком случае, так утверждает Этлау.
- Что ж за приманка? – удивилась волшебница.
- Его друзья, Мег, его друзья. Те самые – гном, орк и девка, с которыми он полез в Эгест.
- Ты думаешь, что они живы? Никто ведь их не видел...
- Я намерен поставить вопрос ребром. Или Этлау выдаёт их нам, или...
- Или что?
- Или он раскрывает себя. В том смысле, что его целью, как я уже сказал, является уничтожение свободных магов Эвиала.
- Предположим, Этлау говорит, что у него нет пленников. Скажем, умерли в темнице. Скоропостижно, – Мегана поморщилась. – Что тогда?
- Неясыть дважды насмерть дрался с Клешнями. Это признаёт даже отец Этлау. Думаю, будет логично предположить – он может покинуть своё убежище, узнав о вторжении Империи Клешной, скажем, в пределы Семиграда.
- Как же он об этом узнает?
- Я не побрезгую отправиться с посольством, – со скромной гордостью заявил Анэто.
- И ты надеешься, что он выйдет?
- Ну, не «выйдет», конечно же, постарается выскользнуть незамеченным. Но ради такого случая можно рискнуть, снять осаду, отвести войска лиг на десять-пятнадцать. Только бы он ступил на берег!.. А потом уже – Неясыть в наших руках.
- Гм... ну, согласна, одна из возможностей. А четвёртая какая?
- Четвёртая, признаюсь, мне нравилась больше всего, – усмехнулся милорд ректор. – Поскольку требовала с нашей стороны лишь денежных расходов.
- Уже немало, – хозяйка Волшебного Двора отличалась рачительностью и бережливостью.
- Так вот, Мег. В наших обстоятельствах нельзя пренебрегать никакой возможностью. И никакими союзниками. Или – наёмниками. Я хочу обратиться за помощью к Храму.
- Кажется, на сей раз ему удалось удивить норовистую волшебницу. Мегана не смогла скрыть своего удивления.
- Храм? Ты имеешь в виду Храм Мечей? Старца Горы?
- Я предпочитаю называть его более древним именем: Cruatt-et-Gar, Стоящий во Главе на языке дуоттов. Хотя, конечно, и это не его настоящее прозвание.
- Неважно! Ты хочешь обратиться к ассасинам?
- Хочу, Мег. Что же тут такого уж странного? В наших обстоятельствах нельзя отказываться ни от чего.
- Но они же...
- А что ты знаешь о них, Мег? – перебил чародейку Анэто. – Кроме расхожего поверья, что они захватили бы весь мир, если бы только у них возник такой каприз? Ты понимаешь, чем они занимаются, чему служат, во что верят, к чему стремятся?
- Не знаю, – прикусив губу, созналась волшебница. – Просто они никогда особо ни во что не вмешивались. Так, время от времени... Но с Волшебным Двором они никогда ничего общего не имели. Иногда, я знаю, они меняли одного правителя на другого, помогали свергнутым с трона, оттесненным от наследства... брали за свои услуги сумасшедшую плату, но никогда не нарушали взятого слова...
- И ни разу не потерпели поражения, – внушительно закончил Анэто. – Имей это тоже в виду.
- Потому что всегда брались только за выполнимые задания, – ядовито заметила Мегана.
- Возможно. Я не имел возможности уделять их делам слишком уж много внимания и выяснять, есть ли там какая-то система или они действуют от случая к случаю. Но сейчас

мы столкнулись с ситуацией, что сам их Храм тоже может оказаться накрыт тёмной волной. Едва ли они останутся к этому совершенно равнодушны.

– Допустим, не остались, – Мегана по-прежнему нервно покусывала губу. – Допустим, тебе удалось с ними договориться. Чего ты от них хочешь?

– Только одного, Мег. Проникнуть в Чёрную башню. Да, да, ты не ослышалась – не взламывать броню, не бросать в бой многотысячную армию, а послать одного, двух или трех ассасинов. Лучших бойцов, каких только знает наш мир. Мы, маги, владеем многими боевыми заклетьями, но мне начинает казаться, что с Разрушителем, тем более в пределах Чёрной башни, следует говорить на языке простой и честной стали.

– Простой стали... – проворчала Мегана. – Забыл Эгест? Забыл Агранну? Сколько раз он вырывался из кольца? Иногда мне даже начинало казаться, что он вообще неуязвим!

– Неуязвимых не бывает, – назидательно заметил Анэто. – Это противоречит глобальным принципам организации Природы и Магии.

– Тем не менее с Разрушителем этот замечательный принцип почему-то до сих пор не сработал, – фыркнула Мегана.

– Сработает, – с непреклонной уверенностью заявил чародей. – Рано или поздно, но сработает. Потому что в противном случае нам пришлось бы признать, что солнце теоретически способно в один прекрасный день взойти на западе.

– И ты решил, что нашим инструментом на сей раз должны стать ассасины Храма?

– Почему бы и нет? Не понимаю, как такая простая идея не пришла доселе в голову никому из чинов Инквизиции, – саркастически пожал плечами Анэто. – Конечно, посылать на штурм магов Ордоса и Волшебного Двора куда легче и безопаснее. Да и выгоднее во всех отношениях. Но мы-то, мы-то, Мег!

– А что «мы-то»? – огрызнулась чародейка. – Храм Мечей гораздо ближе к моему Двору, чем к твоей Академии. Поверь, я знаю о них больше. Хотя, как и ты, тоже никогда не занималась ассасинами специально.

– Знаешь больше чего? Слухов?

– Хотя бы. Слухи порой оказываются надёжнее шпионов. Потому что, бьюсь об заклад, чертежей Храма не найдёшь даже в твоей прославленной библиотеке, Ан. Ручаюсь, ни одна из твоих птиц-разведчиц не вернулась, что тебе не удалось заглянуть хотя бы за кольцо внешних стен, не говоря уж о том, чтобы проникнуть во внутренний двор. Верно?

– Верно, – нехотя кивнул ректор Академии. – Но это не меняет сути дела. У меня есть два плана. Один – без участия ассасинов Храма. Второй – точнее, второй и третий, – с ними. Третий предусматривает выполнение ими разведки. Разведки внутри, что само по себе уже дало бы нам неоценимые знания.

– А почему ты не хочешь послать в Чёрную башню, так сказать, смерть-команду? – медленно проговорила Мегана. – Смерть-команду убеждённых, стойких бойцов... и из твоих, и из моих, и из серых. Мы ни разу не попытались проникнуть в Чёрную башню, ты прав. Но, быть может, стоит попробовать? Перед тем, как идти на приступ?

– Повторяю, я против штурма, Мег. Это ничего не даст, кроме моря крови и гор трупов. Мы положим всю армию и ничего не добьемся.

– Не об этом речь. Мы боимся Башни, и ты, и я чувствуем заключённую в ней поистине грозную силу, но при всем при том – кто может помешать нам просто подойти к ней и постучаться в ворота? Такой вариант не приходил тебе в голову?

– Представь себе, приходил, – заметил Анэто. – Только я не хочу посылать на смерть никого из своих. Лучше я оплачу услуги ассасинов. В конце концов, Башня – ценнейший артефакт, самый значимый из всех, когда-либо существовавших в Эвиале, если, конечно, исключить наследство титанов. Было б отлично, попади Башня в наши руки неповреждённой. Без штурмов, пожаров... и тому подобных, гм, превратностей войны.

– О! – Щёки Меганы порозовели. – Понимаю тебя, старый лис. Конечно же, Башня. Лакомый кусочек для всезнаек из Ордоса. Для твоих молодых «предельщиков». Ради этого можно рискнуть и союзом с ассасинами.

– Мы ничем не рискуем, – с нажимом проговорил Анэто, игнорируя замечание чародейки об ордосских всезнайках. – Мы всегда можем приступить ко второй части моего плана и выманить Разрушителя без чьей бы то ни было помощи, правда, тут придётся делиться с серыми.

– А этого ты бы постарался избежать любой ценой, – Мегана не спрашивала, она утверждала.

Анэто кивнул.

– Да. И ещё одно, Мег, я не хочу и не могу действовать у тебя за спиной. Ты упомянула ещё одну возможность, магию крови, и я склоняю голову перед твоим мужеством и готовностью пожертвовать собой. Но никто не может сказать, какие шансы на успех имеет наше с тобой жертвоприношение. Допустим, мы повторим успех Фадара. Но откуда ты знаешь, что пламя может причинить Башне хоть какой-то вред? Тогда, в Кинте Ближнем, дуоттов накрыло в полевых лагерях и на марше. А здесь?.. Что, если огонь просто пронесётся над?.. Конечно, если у нас не будет другого выхода, если мы окажемся загнаны в угол... Но не раньше. Поэтому предлагаю сегодня же отправить гонца в Храм Мечей. Как ты думаешь, сумеем мы общими усилиями открыть ему дорогу, чтобы путь не занял бы много месяцев?

– Тяжело, – с сомнением покачала головой чародейка. – Если только отправиться мне самой...

– Я бы тоже не отказался, – хмыкнул Анэто.

– Тогда – вместе?

– Прямо сейчас? – загораясь, маг сжал кулаки.

– Чего тянуть? – бесшабашно махнула рукой Мегана. – Рисковать, так рисковать. Не думаю, чтобы в Храме нас встретили невежливо или неучтиво. Силы уйдет очень много, но если мы поторопимся, вернуться сюда можно будет уже через несколько часов. Конечно, я бы предпочла путешествие верхом, не люблю оставлять следов, а Этлау наверняка сумеет вычислить, куда мы направились...

– Ничего не поделаешь, придется рискнуть, – мрачно заметил чародей. – Хорошие мысли всегда приходят не вовремя. Не сообразили, когда надо... ладно, Мег. Давай и в самом деле за работу. Никому только ни слова, ладно?..

...Заклятие заставило их скорчиться от боли. Откат вблизи Чёрной башни был очень, очень силен. У Меганы носом пошла кровь, Анэто на миг вообще потерял сознание. И только когда вокруг раскинулось привычное мерцание Тайных Путей, они смогли перевести дыхание.

– Дай... кровь промокну, – потянулся Анэто. – Голову запрокинь...

Мегана невнятно всхлипнула.

– Дорогу знаешь?

– Вы... сейчас выведу, – чародейка без стеснения рукавом стёрла кровь с лица. – Как говорится, хаживали, знаем...

Глава вторая

Эвиал. Чёрная башня

Кап, кап, кап. И снова – кап, кап, кап. Тишина такая, что слышно, как потрескивает фитилёк свечи на противоположном конце громадного зала. Никаких иных звуков. Только падающие капли да потрескивание фитиля. Внутри исполинской клепсидры, причудливо украшенной бронзой и серебром, медленно срываются капли – зримое напоминание о том, что время не остановить и что его остается всё меньше и меньше. Странно – капли падают за толстыми хрустальными стенами, а слышно чуть ли не во всем громадном зале. Есть там, видать, какая-то хитрость, скрытый воздушный ход... Это важно, это очень важно, потому что некроманта с некоторых пор одолевают упорные мысли – клепсидру, исполинские водяные часы, надо остановить. Не сломать, не уничтожить – а именно остановить, тихо и аккуратно. Тогда он, Фесс, получит чуть больше времени, пока его всезнающая хозяйка, Сущность, прикрывшаяся именем Западной Тьмы, не вернёт им ход.

Отчего-то Фесс ни на йоту не сомневался, что клепсидра отсчитывает время, оставшееся до его *преображения*, трансформы в истинного Разрушителя, что явится смести с лица земли всё и всяческие преграды, открывая своей повелительнице дорогу и на запад, и на восток Эвиала.

Да, сломать бы её... Впрочем, что за детские мысли? Эти часы понадобились Сущности исключительно как напоминание ему, Фессу. Сама-то она ни в каких клепсидах, конечно же, не нуждалась.

Кап. Кап. Кап...

Некромант стоял у высокого стрельчатого окна. Черный морион рамы покрывала тонкая резьба, множеству мастеров-камнерезов потребовались бы долгие годы на её создание – а Сущность овеществила, облекла её в плоть единым своим желанием. В саму же резьбу Фесс предпочитал не вглядываться. пытки, казни и зверства, зверства, пытки и казни. Чудовища, пожирающие детей и взрослых, люди, забивающие своих же братьев, и так далее, и тому подобное. Фесс считал себя крепким человеком, он не падал в обморок при виде крови, в конце концов, он получил зачёт по предмету «ритуальное мучительство», однако эти сцены всякий раз ранили его сердце и привыкнуть к ним у него никак не получалось.

Хорошо ещё, что Рысь просто не обращает на них внимания. Отвратительные сцены для неё словно бы и не существуют.

Он поймал себя на мысли, что вновь думает о маленькой драконице, точно о простой человеческой девочке, которой ещё пока рано смотреть на многие вещи из жестокого мира взрослых. Некромант усмехнулся про себя и вздохнул. Рысь, маленькая Рысь, никогда не задававшая вопроса, почему её зовут именно так, похоже, знала уже всё сама и наперёд. Составлявшие её сущность Магия и Познание были так же неотделимы от неё, как земля неотделима от неба. Рысь отличалась абсолютным, совершенным бесстрашием. И ещё – она всегда говорила, что думала. Не всегда думала, что говорила, это верно, но понятие «кривить душой» было ей совершенно не знакомо. Она принимала мир таким, каков он есть, впитывала его в себя, словно губка, всю его многокрасочность, всю его бесконечность, ибо Чёрная башня, как ни странно, предоставляла для этого все возможности.

Тьма не поскупилась. Она не хотела, чтобы заботливо взращиваемый Разрушитель скучал в ожидании трансформы.

Фесс досадливо потряс головой – он опять назвал своего врага именем той силы, цвета которой он носил. Украденным именем...

Впрочем, это не отменяло главного. Сущность – будем именовать ее так – и в самом деле не поскупилась. Чтобы пройти библиотеку из конца в конец, требовалась по меньшей

мере неделя. Похоже, Сущности было легче раздвинуть пределы Башни в каком-то ином измерении, чем сделать так, чтобы нужная книга сама возникала из ниоткуда.

Здесь было собрано все, чем был богат Эвиал. И не только он. Сущность, похоже, основательно пошуровала в вивлиофиках иных миров. Оставалось только гадать, какая судьба ожидала те места, откуда неведомая сила выхватила эти мрачного вида фолианты.

Фесс не сомневался – вся эта прорва манускриптов собрана здесь с одной-единственной целью – сделать его переход на сторону Сущности окончательным и бесповоротным. Мир страшен, ужасен и отвратителен. Он есть юдоль скорби и горя. Никому и никогда не удавалось там ничего улучшить, исправить или хоть как-то повернуть его к добру. Так не лучше ли попробовать радикально иное средство? Привести мир на грань Великой Трансформы, столкнуть его в тёмную бездну, когда миллиарды живых чувствующих созданий сольются с Западной Тьмой и тогда...

В этой библиотеке ничему доверять Фесс не мог. Он не поручился бы, что исторические хроники не подделка, рвущие душу описания зверств «воинов Света» – самая обычная выдумка или, того хлеще, приписывание Светлым содеянного абсолютно иными силами.

Например, той же Сущностью.

Хотя, разумеется, многое *казалось* правдой. Ну, к примеру, только тут Фесс прочёл наконец полную хронику войны титанов с пятиногами. В основном она соответствовала услышанному в подвалах дворца Старшей, однако некроманта не оставлял немудреный вопрос – кто, собственно говоря, перевёл эти фолианты на общепринятый, современный эбинский?

Были, конечно, и другие книги, в которых он не мог разобрать ни единой строчки. Здесь приходила на выручку Рысь. Она читала свободно любой язык, любые каракули. Наверное, это было прирожденным свойством дракона – познавать.

Но, в отличие от всех прочих драконов Эвиала, Рысь щедро делилась всем, что узнавала.

Так, некромант ещё больше услышал о титанах и пятиногах. О пришедших им на смену и захвативших Эвиал дуоттах. О том, как змеелюди сошлись в смертельном бою с только-только вышедшими из дикости примитивными племенами, обитавшими в южных землях. О том, как в Эвиале стали появляться иные люди. И не только. Гномы, эльфы, гоблины и все прочие расы, что, судя по всему, расселялись по мирам, исходя из какого-то одного центра. Или нескольких, но не слишком многочисленных.

Он узнал, как поднимались первые государства, первобытно-жестокие, как набирали силу Древние Боги, имевшие все основания прозываться Темными. Они любили человеческие жертвы. Однако поклонявшимся им они платили настоящим покровительством. И не раз случалось так, что в жестоком бою сходились друг с другом сами боги, принимавшие жертвы от враждовавших племён.

Он узнал, как первые союзы и королевства сменились могущественными империями. Как началось почитание Молодых Богов, а Боги Древние обратились в гонимых и преследуемых. Торжествующие победители добились рати Древних, и на время воцарился мир.

Потом всё начиналось сначала.

В общем, Эвиал был самым обычным миром. До тех пор, пока на страницах летописей и хроник не появляются упоминания о Кристаллах, возникших словно бы из ниоткуда и словно бы пребывавших здесь от века. Ни один источник не упоминал о Хранителях. Драконы словно бы тоже возникли из ничего.

И ни в одной хронике не говорилось о пришествии Западной Тьмы. Или Сущности, как теперь предпочитал называть её некромант.

Можно было утонуть в море повествований о мнивших себя великими завоевателях, о вечных державах, что не могли пережить собственного создателя; о кровавой резне между

сторонниками давно забытых вер; Фессу приходилось откладывать в сторону целые пирамиды томов.

Похоже, Сущность приняла необходимые меры предосторожности.

Собственно говоря, после того, как за некромантом и его юной спутницей захлопнулись чёрные ворота Башни, Фесс и Рысь оказались предоставлены сами себе. Сущность более не говорила с ними, не искушала их. Очевидно, не усматривала в этом нужды. Фессу оставалось только ждать – неведомо чего. Приступа окруживших Башню войск Белого Совета и Святой Инквизиции? Сущность рассчитывает, что я обрушусь на них всей обрётённой силой, потянусь к запретному, и мой *переход* наконец-то завершится? О, если бы я мог позволить себе роскошь самоубийства, бегства в последнюю неприступную крепость, извечный оплот проигравших, но не сдавшихся!.. Но нет, не могу. Не могу. Это слишком просто. Это удел слабых. Кто не понимает, что в собственной бессмысленной гибели нет и не может быть никакой доблести. Он, Фесс, должен выполнить то, ради чего явился сюда. И привёл ни в чём не повинную Рысь...

Он усмехнулся. Отошёл от окна-бойницы. Сущность очень хотела бы, чтобы на него ополчился весь мир, и теперь, наверное, думает, что её цель достигнута.

Конечно, если начнётся штурм, у Фесса просто не останется никакого выхода. Магия Чёрной башни сильна. Некромант ощущал заложенные в основании разрушительные заклятья, смутно представляя себе их действие, но тем не менее ощущая.

Сомнений нет, именно на такой исход Сущность и рассчитывает. Надо сказать, достаточно незатейливый план. А если я бы всё-таки решился вскрыть себе вены? Неужели Она могла полностью игнорировать такую возможность? Пусть маловероятную, но всё-таки – возможность?

Спокойно, Кэр, спокойно. Ты далеко от стен так и не оконченной Академии, но попытайся всё же чётко сформулировать задачу.

Сущности нужен Разрушитель. Похоже, Она видит в этой роли меня. Мечи, Алмазный и Деревянный, Её либо не интересуют, либо Она ими пренебрегает, ощущая себя неуязвимой. Она решила, что я принял Её дар там, в Скавелле, чтобы справиться с Червём. Сущность утверждала, будто это страшилище – не Её создание, но я не очень-то этому верю. Чтобы создать истинного Разрушителя, Она с радостью пожертвует целым легионом подобных чудовищ.

У меня остаются Мечи. Мечи, за которыми безуспешно гонялись приснопамятные Маски, изо всех сил старались, чтобы я вспомнил всё – я вспомнил, но и тут оказался вне пределов их власти. Что они придумают теперь? Эти двое не похожи на тех, кто легко отступает от своих планов. Чёрная башня, бесспорно, – надёжное укрытие, но только до той поры, пока маски не столкнутся с Сущностью, если, конечно, такая сделка вообще возможна.

Некромант прижал пальцы к вискам. Голова наливалась тупой ноющей болью, временами преследовавшей его с того самого мига, когда он переступил порог своего нынешнего убежища. словно навязчивое неотступное напоминание – ты здесь не только чтобы прятаться.

*Я знаю, Сущность. Я помню. Я не забываю об этом ни на один миг. Мне неведомо, как глубоко способна ты читать в моей душе (если до самого дна – то Ты или очень глупа, или донельзя самоуверенна). Я твёрдо, непоколебимо уверен только в одном – что мой план был единственным и другой возможности не существует. Мне не ведомо, когда, как и при каких обстоятельствах оказался нарушен тот хрупкий баланс, что сдерживал Тебя, хранил от Твоего натиска земли древнего Эвиала. Не так уж важно, **что** именно там случилось. Важно, что **случилось**, и ты медленно поползла на Восток. Думаю, что и на Запад тоже, так что не исключено, что мы столкнёмся вскоре и со вторым фронтом – там, на*

границах Синь-И и Камруджи. Кто знает... и это велит мне спешить, спешить сугубо и трегубо, не терять ни одного дня. Однако я бездействую. Дни проходят за днями, а некромант Неясыть пребывает в странном покое, укрывшись, точно рак-отшельник, за неприступными стенами Чёрной башни. Я жду штурма?.. Быть может. Не знаю чего. Знака. Видения. Вести...

Ведь есть же кому подать её мне в этом мире! Сфайрат, Страж Кристалла, – чем занят он сейчас? Неужто гибель одного из братьев (точнее – сестры дракона-матери Рыси), взрыв в Козьих горах оставили оставшихся восемь Хранителей равнодушными? Ни за что не поверю. Я не знаю, плоть ли они от плоти этого мира, но нельзя же сейчас прятать голову под крыло, ожидая, что всё решится само собой, как-нибудь и где-нибудь!

Клара. Тётушка Клара Хюммель. Что ей стукнуло в голову с этими Мечами?.. Нетрудно соотнести слова масок, что, мол, если ты не отдашь Драгнир и Иммельсторн добром, мы обратимся к услугам других. Маски могущественны, с них станется отыскать Долину и...

Мысль обожгла внезапным ужасом. А что, если они на самом деле нашли Долину и возьмут в заложники, к примеру, тётю Аглаю? Или просто явятся ко мне, угрожая полным и всеобщим уничтожением Долины, моего дома, как ни крути? Что я отвечу тогда?.. А может, они бы уже готовы были это сделать? И только защита Сущности помогла мне избежать их загребущих жадных рук? Это ведь тоже не исключено.

Впрочем, неважно. Мечи обладают огромной мощью. Мощью, которую можно высвободить только один раз. Что там говорилось в мельинском предании о Двух Братьях, встреча которых разрушит мир? Мне не надо разрушать мир. Мне надо лишь выжечь очистительным огнём разъедающую его злокачественную язву. Опухоль. Канцер. И здесь уже все средства хороши. Что потом станется со мной, уже не важно. Только бы Рысю спасти. Достаточно уже гибли тех, кто любил меня и доверял мне. Достаточно! Большие – никогда. Ты – некромант. Ну так и пользуйся отпущенной тебе силой, поднимай мёртвых, разупокаивай кладбища – с живыми тебе не по пути. Не по пути – прими это. Ты – острое чёрного копья, нацеленного в грудь ещё более страшной опасности, нависшей над Эвиалом. Наверное, точно так же погибал твой отец, Витар Лаэда. Горько лекарство, но болезнь ещё страшнее. Ничего не сделаешь. Принцип меньшего зла в чистом виде.

Некромант потрянул головой. Боль из тупой тяжести в висках превращалась в горящий под всем черепом пламень. Надо звать Рысю. Только она тут способна помочь...

Интересно, а предусмотрела ли всеведущая Сущность, что я явлюсь в Чёрную башню не один?.. Или высокомерно проигнорировала? Или это с самого начала входило в Её планы?..

Не ломай себе голову, Неясыть. Пришло время вспомнить всё, чему тебя учил Дазнур. Ведь не напрасно же ты тащился в эту проклятую Башню! Не просто так ведь держался за данное Сущности слово! У тебя ведь был выбор... А так – ты здесь. Ты в Чёрной башне. Ты в роскошной мышеловке, приготовленной для одной-единственной мыши в целом мире – для тебя. Ты выполнил поставленное тебе условие. Выполнил обещанное. Фесс, воин Серой Лиги, конечно же, никогда бы не сделал такой глупости. Уж он-то не поволокся бы так далеко на север. Ведь от погони ты оторвался. С грехом пополам, но все же оторвался. Мог бы свернуть в Семиградье или податься на весёлые, незаконные Волчьи острова. Как там в песне поётся...

«На весёлых, на суровых,
Вольных Волчьих островах
Нет такого, что заставит
Наши души вспомнить страх!»

Боевой маг твоего опыта был бы там в чести. И даже длинная рука Этлау дотянулась бы туда не сразу...

*Нет, тотчас подумал он. Эта хитрость хороша для Серого. Но не для Кэра Лаэды. И это связано не только с его планом. Нет. Тут нечто большее. Чтобы одолеть Западную Тьму, сгодится любое оружие, и нечего надеяться, что руки твои останутся чистыми. Но... пока есть надежда, что он сам не превратится в точное Её подобие. Доводилось ему читать подобные сказания – когда рыцарь побеждал злобного змея, стража проклятых сокровищ, побеждал лишь для того, чтобы самому обратиться в такого же точно змея и возлечь на тех же грудах золота в ожидании **своего** дня, когда явится новый герой...*

Нет. Я не змей. И мне не нужно золото. Путь Меньшего Зла, путь принятия на себя ответственности – не путь вседозволенности, не череда пусть формально и бессмысленных убийств. Это скольжение по самому краю мрачной бездны своих собственных страстей, своей собственной Сущности, своей Западной Тьмы. Каждый человек, гном, эльф или любое другое мыслящее создание встретит Её в один прекрасный день. Кто-то в ужасе обратится в бегство. Кто-то примет – хотя бы ради того же презренного золота. И лишь немногие постараются оседлать шторм. Встать к штурвалу корабля-призрака и повести его к неминуемой гибели. Не думая, что станет с ними самими...

Помнится, Дазнур говорил что-то о «негибкости» Светлых. Ты уподобился им, некромант? Возможно, но надо чувствовать разницу. Есть предел, до которого можно согнуть лук. Растянешь в меру – и тяжёлая стрела на полтора-два шага пробьёт пластинчатый доспех панцирника, растянешь сверх меры – только порвёшь тетиву. Есть некий стержень внутри каждого человека, сгибать который, подобно луку, можно лишь до определенной степени. Казалось бы, что тут такого – солгать; ведь не другу, не любимой, не отцу или матери – солгать врагу, смертельному врагу, который только и ищет способа подчинить тебя себе, поставить себе на службу, превратить тебя в послушную марионетку – с тем чтобы низвергнуть себе под ноги весь мир. Как можно считать себя связанным словом, данным такому? И ведь, некромант, совсем недавно ты тоже почитал свое слово нерушимым. Однако же ты трижды нарушил его, и...

...И сам оказался почти на самом дне. Сущность знала, когда обратиться. Нет. Хитрость сейчас поведет его кривой и окольной тропой. Пусть все думают, что он встал именно на неё.

Так что не только безысходность привела его в Чёрную башню. Не только и не сколько. Вот только до чего ж голова-то болит...

Способен ли он был создать какой-то альтернативный план? Едва ли. Ведь нельзя забывать и о милейшей Кларе Хюммель. Она не из тех, кого так уж легко стряхнуть с плеч, сбить со следа, особенно в наглухо закрытом мире, наподобие Эвиальского. В Межреальности у него ещё оставались шансы. Здесь, увы, нет. Таково, как ни крути, истинное положение дел. Не слишком приятно сознавать это, но что поделаешь. Конечно, та странная противница, собственно говоря, и подарившая Фессу шанс уйти – некромант даже не знал, что и думать о ней. Холодно и отстранённо рассуждая, Клара стала врагом, следовательно, враг моего врага – мой друг. Но... с другой стороны...

В этом твоя слабость, некромант Неясыть. Кэр Лаэда слишком хорошо помнил всё добро, сделанное Кларой. Как мог бы он теперь повернуться против неё, начать войну по всем правилам магической дуэли? Архимаг мессир Игнациус Коппер был бы весьма недоволен, весьма, – вдруг прорезалась странная мысль из далёкого и почти забытого прошлого. Сами дуэли среди обитателей Долины стали в последние десятилетия величайшей редкостью. А последняя из таковых и вовсе обернулась фарсом – две медички повздорили из-за некоего молодого мага приятной наружности и, недолго думая, скрестили – нет, не мечи, а то,

что попало под руку – различные атрибуты своего ремесла. Весьма забавно получилось. Тогда драчуний примчалась разнимать сама Ирэн Мескотт, и ей тоже досталось, прежде чем она сообразила пустить в ход нечто посерьёзнее увещеваний.

Ты слишком слаб для задуманного, некромант. Тебе казалось, что ты прошёл через всё. Наверное, это не так. Мало ещё шрамов на шкуре, мало тошнотворных воспоминаний, если ты до сих пор цепляешься за какие-то эфемерные понятия, ничего не значащие, когда дело доходит до края, когда надо одержать победу любой ценой, даже пожертвовав собственной честью.

Но у Эвиала нет другого оружия. Нет другого защитника. Отец Этлау? Этот безумец скорее сам обратит Старый Свет в сплошную пустыню своими экзекуциями. Так что Империи Клешной останется только прийти на готовое. Значит, пойдём дальше. Так, как считаем нужным. Прочь сомнения! Другого выхода нет, как нет и другого выбора. И ждать нам осталось недолго.

Падают тяжёлые капли внутри клепсидры...

Он медленно шёл через громадный зал. Внутри Башня оказалась много просторнее, чем могло показаться снаружи. Чародейство Сущности сделало свою твердыню поистине необъятной – по её запутанным лабиринтам впору было совершать самые настоящие путешествия. Чем последнее время и увлекалась его Рыся. Рыська, Рысичка, Рысь. Девочка-дракон. Самое удивительное существо, когда-либо встреченное Фессом во всех его странствиях. Которая зовет его отцом, будучи прекрасно осведомлена о своём собственном происхождении. Зовёт так по своему свободному выбору.

А вот и она, легка на помине. И хорошо, потому что голова болит все сильнее, так что уже нет мочи терпеть.

– Папа! Пап, ты здесь?

Человек. Человечек. Дракон. Дракончик. Всё вместе. Странные свои жемчужного цвета блестящие волосы она отрастила чуть ли не до колен (само собой, тут не обошлось без магии), чёрное переливающееся платье с волочащимся шлейфом (увы, не *настоящее*, из ткани, а всего лишь созданное чародейством), чёрные же туфельки – Рысь нарядилась, словно направляясь на королевский приём.

– Здесь, кролик.

– Сколько раз я тебя просила – не называй меня кроликом! – в притворном гневе топнула она изящной ножкой. – Я дракон! Стр-рашный, уж-жасный и огнедыш-шаший!.. Все падите ниц!.. Ой, – она резко осеклась, забыв об игре. – У тебя опять голова болит. И ты, как всегда, молчишь. Меня не зовёшь. Гордо мучаешься тут один.

Она уже бежала через зал, почти что летела, словно бы и не касаясь пола. Чёрное платье даже начало складываться в некое подобие крыльев. Всего несколько мгновений – и Рысь уже рядом. Смотрит укоризненно, словно и впрямь – любящая дочь на непутёвого отца. И сразу же начинает командовать.

– Повернись ко мне. Наклонись. Стой спокойно. Сейчас... обожжёт. Но это быстро...

– Я знаю, Рыся.

– Всё равно. Не мешает напомнить, – заявила она с уморительной серьёзностью. Прохладные пальчики коснулись пылающего невидимым огнём лба.

– Раз... два... три!

Вспышка. Фесс едва подавил крик. Ожог и в самом деле стремителен и молниеносен, словно укол пламенной стрелы. И – всё. Больше ничего нет. Боль сгинула бесследно. Жаль только, что она вернётся – и достаточно скоро.

– Уф-ф-ф... – Рыся вытерла со лба честный трудовой пот. Она умела становиться человеком до самых мелких деталей. Хотя драконы, конечно же, не потеют. И им не может быть

жарко – при их-то внутреннем огне!.. – Всё сильнее и сильнее, папа. Надо что-то делать. Я тебе давно уже твержу...

Фесс в шутиливой панике вскинул руки.

– Помню-помню. Помню, Рыся.

– Так когда же?! – она вновь притопнула.

– Как только мы будем готовы.

– Готовы... – проворчала она, скорчив ехидную гримаску. – Сколько уж я это слышу...

– Но это правда.

– Правда, правда... Пойдем обедать тогда. Я гуся запекла. Не знаю, как получилось.

– И ты небось воспользовалась собственным пламенем? – улыбнулся Фесс.

Рыся потупилась. Последняя ее попытка зажарить нечто в собственном огне закончилась капитальным пожаром на кухне.

– Но я ничего не сожгла, папа!

– Разве я тебя ругаю? – удивился Фесс.

– Но ты должен!

– Должен что?

– Должен меня ругать. Хотя бы изредка, – выдала драконица.

– Да ты что? – поразился Фесс. – За что же?! И для чего?

– Каждый отец должен ругать свою дочь, – изрекла Рыся. – Хотя бы изредка. Так заведено.

– Ни один отец никогда не имел лучшей дочери, – сказал Фесс. – Честное слово. Все отцы и матери мира должны мне свирепо завидовать.

Рыся засмеялась, совершенно девчоночьим, человеческим движением сдула со лба непослушную чёлку. Откуда, как в ней возникло всё это – Фесс мог только гадать.

– Пап, ты гуся попробуй. Я старалась. Он с яблоками, вку-у-усный!

Некромант положил в рот кусочек и причмокнул, зажмуриваясь. Было действительно очень вкусно.

Они ужинали на сервизе, за который короли и императоры, не задумываясь, выложили бы годовой доход своих государств. За каждую ложку или вилку можно было приобрести средних размеров замок где-нибудь в Эбине или в герцогствах Изгиба. Они купались в роскоши.

До срока.

Неумолимое время не остановить. Внизу, в большом холле, как раз напротив входа, словно статуя в нише стояла большая клепсидра в два человеческих роста. Подкрашенная индиго, вода медленными, ленивыми каплями сочилась по капиллярам, хитроумная система зубчатых колес передвигала тонкие стрелки. Сколько ни искал Фесс способа вновь заполнить постепенно пустеющий верхний резервуар, так и не нашёл. И кто знает, что случится, когда вытечет последняя капля и часы остановятся?

Рыси он, само собой, ничего не говорил. Еще разнесет несчастные часы на кусочки.

– Ну, пап, ну что же ты молчишь? – капризно проворковала Рыся в ожидании комплиментов своей стряпне.

– Изумительно. Чудесно. Восхитительно, – совершенно искренне ответил некромант с набитым ртом. – Такого не делала даже моя любимая тётушка. Честное слово!

Рыся немедленно покраснела до ушей от удовольствия.

– Правда? Честное-пречестное слово?

– Честное-пречестное. Честнее не бывает, – поклялся Фесс, расправляясь с гусем.

– Я послезавтра тогда утку сделаю. Запеку с угольями...

– Запеку в угольях, – машинально поправил некромант. – Стой, стой, ты что, решила их своим огнем запекать? На самом деле с угольями?..

Рысь потупилась.

– А что, неправильно?

– Конечно, неправильно! Надо сделать совсем не так. Помню, тётушка в таких случаях...

– А ты меня возьмешь? Туда, к тёте?

Рысь задавала этот вопрос по десять раз на дню. Она не слишком интересовалась, что они собираются делать в этой Башне или как долго пробудут здесь. Но зато никогда не забывала поинтересоваться, отправятся ли они вместе в ту сказочную Долину, где живет тётушка Аглая, где правит мудрый и, гм, справедливый Архимаг Игнациус. Где круглый год лето, где журчат сбегаящие с гор к круглому озеру ручьи, ручейки и речушки, где можно встретить самые разные и удивительные создания из множества миров, нашедших наконец-то в Долине покой. Отчего-то Рыси очень хотелось там побывать. И не просто побывать – остаться там насовсем.

– Конечно, дорогая. Неужели ты думаешь, что я оставлю тебя?.. Только если ты так решишь и предпочтешь следовать путями твоего народа...

– Папа, – поморщилась девочка. – Драконы – не мой народ. Я – Рысь. Твоя дочь. И больше никто. А что я умею превращаться в дракона... так, наверное, архимаг Игнациус и похлеще умеет.

– Он-то наверняка...

– Так и не будем об этом, пап. Расскажи лучше мне ещё про Долину!

Фесс не старался допытаться, отчего же юной драконице стал так немил её собственный Эвиал. Впрочем, быть может, не имеющей Кристалла Хранительнице и впрямь нечего делать здесь. Может, сам мир указывает ей дорогу. Может быть, именно с ней, Рысью, ему, Кэру Лаэде, удастся наконец выбраться отсюда и самому?

И он послушно стал – в который уже раз – рассказывать замершей девочке о Долине. О небольшом круглом озере в самой её середине, о густых предгорных лесах, опоясывающих городок магов, о деревнях арендаторов, о чистых улицах, дважды в день их тщательно метут и даже моют гоблины-дворники. О садах и парках, о беседках и фонтанах, о зверинце – замечательном зверинце! – где собраны самые удивительные существа из всех концов Упорядоченного, куда только ни заводили тропы магов Долины.

Рысь прижалась к нему. Слушала заворожённо, словно самая простая человеческая девочка, волшебную сказку – она, сама будучи этой сказкой!

А когда он выдохся и умолк, она вдруг спросила – впервые за всё время их жизни в Чёрной башне:

– Папа. Почему ты ушёл из Долины?

– Думаешь, я поступил неправильно? Но тогда я не нашёл бы тебя, моя дорогая. И не знаю, как бы я тогда жил, – Фесс привлёк ее к себе, поцеловав в пахнущие жасмином нежные шёлковые пряди, отливающие жемчугом.

– Но там так хорошо. Такие добрые люди. Там никто никого не мучает и не убивает, – Рысь содрогнулась.

– Верно, – согласился Фесс. – Но некоторое время назад мне эта жизнь казалась донельзя пресной и скучной. Мне хотелось приключений, понимаешь, Рыся, приключений, чтобы ветер в лицо, чтобы свистели стрелы и чтобы я сражался...

– И ты ушёл? Стал сражаться?

– Да, девочка. Я ушёл. Недоучился в Академии, бросил. Ушёл. Сбежал, если быть совершенно точным. Потом, конечно, дал знать тёте...

– Не понимаю, как ты мог её так огорчить, – вдруг вздохнула Рысь. – Она наверняка плакала, когда ты пропал!..

Негодная драконица попала в точку.

– Я был не прав. Я поступал так, считая, что моя свобода превыше всего, а если кому-то что-то не нравится, то пусть убирается куда подальше.

– Так нельзя, – осуждающе покачала головой Рысь. – Ты не должен так больше делать, папа.

Некромант усмехнулся. Если бы Рысь была обыкновенной девочкой, он знал, что отвечать. Но, к сожалению, *эта* девочка обыкновенной никак не была.

– Да, я знаю, – он вновь провёл ладонью по льющемуся шёлку её волос. – Я знаю... теперь. Но иногда нам приходится причинять горе близким, потому что никто кроме нас не сделает того трудного и опасного дела, которое... которое просто обязано быть сделано, и вся недолга. – Я понимаю, – тихонько сказала Рысь. – Настанет день... и нам придётся выйти. То ли в поле, то ли... – она неопределённо качнула головой, – *туда*.

– Верно. Но пока нам надо оставаться здесь. Не сомневайся, дорогая моя, драк на нашу с тобой долю хватит.

– Уж конечно, – с совершенно серьёзным видом заявила Рысь. – Уж ты-то, папка, просто обожаешь всякие неприятности!..

Глава третья

Эвиал. Кинт ближний, руины Скавелла

Клара Хюммель, боевой маг по найму, до недавнего времени глава древней и славной воинствующей Гильдии, рожденная в Долине, прошедшая обучение в Академии у Архимага Игнациуса, и Сильвия, внучка главы Красного Арка, одного из семи мельинских магических орденов и дочь того, чье имя до сих пор оставалось непроизносимым в ее родных землях, молча смотрели друг на друга. Битва под Скавеллом заканчивалась. Чудовищный Червь был мёртв, скрылись драконы, дымились развалины, уцелевшие защитники Арраса начали собирать раненых. Мало кто видел странную схватку двух более чем странных противниц, а кто видел, тот скорее поспешил уверить себя в том, что ничего не видел и не слышал.

Настало время действовать, Сильвия. Архимаг Игнациус хотел разыграть беспроигрышный вариант, используя тебя как маленького *стрельца* в больших stokлеточных тавлеях, – оставим его до срока в блаженной уверенности, что старик в очередной раз обманул всех и вся. Прикинемся выполняющим его приказ. Обезвредить Клару Хюммель? Нет ничего проще. Хотя ты не имеешь ничего против неё, – в конце концов, она спасла тебе жизнь, Сильвия, – но своя голова дороже и потом когда ещё может предоставиться такой шанс?! Судьба сама сдаёт тебе полную руку козырей. Только глупец не разденет при таком раскладе всех дерзнувших сесть с ним за стол. Тем более, что у тебя нет ничего, а у них – богатства, которые не представить никакому воображению.

Правда, за Клару скорее всего вступится Кицум. Двух других спутниц чародейки Сильвия не боялась. Райна – великолепный боец, но не более того, а Тави, избежавшей мельинского костра самоучки, можно и вовсе не принимать в расчёт. Кицум же – дело другое. То, что клоун не так прост, Сильвия заподозрила ещё в Мельине и когда старый циркач остался странно спокоен на том островке в Межреальности, куда их выбросило бурей, поднявшейся от столкновения Алмазного и Деревянного Мечей. Она, Сильвия, долго не могла прийти в себя от ужаса, долго не могла понять, где же они оказались, пыталась что-то сделать, сплести какие-то заклинания – Кицум же сразу уселся на корточки, усмехнувшись странной усмешкой и посоветовав ей «не дёргаться понапрасну». Что-то крылось в этом человеке, сейчас Сильвия чувствовала это совершенно отчётливо. Не хотелось бы, чтобы он вмешался. Это не его бой. Во всяком случае, надо постараться, чтобы он не сделался таковым.

В правой руке Сильвия держала чёрный фламберг, в левой, скрытым до поры остриём к себе, – магический нож Архимага Игнациуса. Клара Хюммель, уже оправившись от неожиданности, аккуратно чертила в воздухе перед собой какие-то фигуры остриём рубиновой шпаги. Ничего-ничего. Пусть чертит. До времени...

– Кицум! – громко окликнула клоуна Сильвия. – Кицум, друг, это наше... девичье. Прошу тебя, не вмешивайся.

Циркач хмыкнул и покачал головой.

– Вам двоим вообще совершенно необязательно драться. Сильвия, девочка, послушай старика. Неважно, что тебе сказали или пообещали...

– Предлагаешь мне сдаться? – скривилась Сильвия.

– В твоём положении это был бы наиболее разумный выход, – развёл руками клоун, – но ты ещё слишком молода, чтобы поступать разумно.

Сильвия выразительно пожала плечами.

– Кицум, она права, – не поворачивая головы, бросила и Клара. – Это наше с ней личное дело. Ведь верно, девочка?

– Не стоит именовать меня так, – задрала нос юная чародейка.

– Что же мы стоим?! – проворчала валькирия Райна. – Госпожа Клара в опасности. У этой соплячки...

– Такие артефакты, что у меня голову ломит, едва только на них взглянуть пытаюсь, – подхватила Тави. – И с магией тут что-то не так... как будто кто-то всё подчистую высосал.

Кицум промолчал. Только поднял руку, словно говоря: «Ждём!» – и отчего-то ни Тави, ни Райна не рискнули вступить с ним в спор.

– И держитесь к ним поближе, – добавил циркач озабоченно. – Под мечи даром лезть не стоит, а вот если они... – он осёкся и замолчал.

– Кто тебя послал? – выкрикнула тем временем Клара, обращаясь к своей молодой противнице.

– Его высокое волшебническое достоинство, Архимаг Долины, мессир Игнациус, – сладким голосом записной стервы пропела Сильвия. – Мессир был очень, очень разгневан твоим неповиновением, Хюммель. Настолько разгневан, что оказал мне честь, дав задание найти тебя – и обезвредить.

...Злись, боевая чародейка Долины, злись. Эвон как покраснела.

– Обезвредить – это как? – сквозь зубы поинтересовалась Клара.

– Мессир был настолько любезен, что предоставил мне *на месте* выбрать соответствующие моменту способы, – Сильвия растянула губы в подобие улыбки.

– И что же ты выбрала, неблагодарная тварь? Так-то ты платишь за спасение!

– Не трать зря слова, Хюммель, я только выполняю приказ. Мессир Архимаг нашёл тебя крайне опасной и, ради блага всех ведомых и неведомых миров, облёк меня доверием положить конец твоим бесчинствам. А выбрала я – поединок с последующим твоим разоружением, пленением и доставкой пред светлые очи его высокого волшебнического достоинства мессира Архимага.

...Ерунда. Старый лис Игнациус приказал мне убить тебя, Хюммель, хотя и не произнёс вслух этого слова. До поры до времени мы будем следовать этому плану. Ты мне ещё понадобишься, глупая Клархен, ты и твои глупые спутники. Разумеется, эпитет «глупые» не относится к старику Кицуму.

– Да как она смеет! – взорвалась Райна. – Как она смеет так говорить с кирией Кларой!

– Спокойно, – негромко произнёс Кицум. – Пусть болтает. Послушаем. Слова пусты, это не копыя и стрелы, ранить могут только глупцов. А вот выболтать эта девчонка может куда больше, чем на допросе.

– Моим бесчинствам? Это, интересно, каким же? – прищурилась Клара.

– Мессир Архимаг едва ли похвалил бы меня, вздумай я отвечать на этот вопрос, – прежним сладким голосом пропела Сильвия. – Мне приказано сыскать тебя и, сыскав, представить. Что я и намерена проделать, по возможности, без членовредительства.

Теперь дёрнулась Тави – и вновь замерла, наткнувшись на сдерживающий Кицумов взгляд.

Ждать, говорили глаза старого клоуна. Жди, ещё не время. Мы ещё не поняли, что за игра тут идёт.

Ну, похоже, пора и в самом деле кончать. Клара уже краснее свёклы. Её рубиновая шпага хороша, спору нет, но в твоей руке, Сильвия, оружие куда более страшное. Мало кто пока догадался об этом, как и о золотой овальной пластинке с непонятными ни для кого, кроме тебя, письменами, пластинке, что ты взяла с тела Хозяина Ливня, и в этом – твоя единственная надежда выбраться живой из учинившейся переделки. И не только выбраться – но и взять приз. Единственный и неповторимый.

Сильвия, вперёд! Мельин и Люди!

Сильвии, судя по всему, прискучило перебрасываться пустыми словами. Девчонка сжала зубы и рванулась в атаку. Бешено закрутился тяжеленный, неподъёмный фламберг,

словно лёгкая зелёная трость – Райна только присвистнула. Сильвия легко держала громадный меч одной рукой, крутила его, как хотела, немисливо выгибая кисть, и эфес словно прилипал к её ладони. Законов инерции и человеческой анатомии для Сильвии словно бы и не существовало. Вторую руку – с коротким кинжалом – противница Клары по-прежнему держала согнутой возле живота, словно готовя внезапный удар.

Клара левой рукой тоже выдернула из ножен недлинную дагу. Встала в позицию, уступая Сильвии право первого удара.

Всё-таки она уж слишком спокойна. И слишком уверенна, думала Клара. Она ведь не дура, к сожалению. Далеко не дура. Она меня знает. Ей известно, что я способна... на многое. Неужели артефакты Игнациуса могли настолько вскружить голову? Хорошо б, если так; остаётся надежда просто обезоружить, после чего как следует выдрать (никогда не имевшая детей Клара оставалась привержена старым проверенным методам воспитания); в противном же случае дурочку придётся обезвреживать иными способами. Об убийстве Клары сейчас старалась не думать. Всё-таки перед ней ещё почти что ребёнок. Девчонка из вполне заурядного мира, пусть даже и богато одарённая природой. Взяться б за неё как следует – дурь вышибить, научить правильно пользоваться Силой, – из Сильвии получилась бы неплохая чародейка, вполне достойная места в Долине.

Клара встряхнулась. Ей сейчас самоуверенность тоже ни к чему. Девчонка опасна, а загадочный фламберг в её руках производит впечатление оружия с более чем изрядными возможностями. Таким не пренебрегают. Магические клинки, оказавшись в руках чародеев-самоучек, не владевших всеми тайнами боевой магии, зачастую выкидывали такие коленца, что кровь заливала всё вокруг на несколько дней пути. Кларе один раз довелось видеть подобное. Давным-давно, в далёком мире, забытом и магами, и богами, появился некто, прозвавший себя Мессией. И в руки ему тоже попал некий магический меч...

...Когда кончилась последняя битва, поле на десять лиг в обе стороны покрывали кровь и обрубки человеческих тел. Пятьсот тысяч воинов пали в течение нескольких мгновений. Зачарованный клинок словно бы размножился, перед каждым из наступавших воинов появилось по его призрачному двойнику, нанесшему один-единственный удар, стремительный и неотразимый. Не выжил никто. Мессия стоял на холме и дико хохотал. А по скользкому от крови склону поднималась она, Клара Хюммель, то и дело наступая на вывалившиеся из распоротых тел внутренности...

Мессия не дожидаясь вечера, его клинок ничем не помог своему хозяину. Зачарованное оружие распалось чёрным пеплом, и даже Архимаг Игнациус, весьма благоволивший тогда к Кларе, не смог сказать, кто и при каких обстоятельствах выковал это лезвие. Тайна так и осталась тайной, занесённая в анналы Гильдии боевых магов, среди десятков и сотен других, также неразгаданных...

Сильвия наступала, всё убыстряя и убыстряя вращение фламберга. Чёрный клинок обратился в бешено крутящийся серый диск, в котором не различишь отдельного движения. Миг – и девчонка прыгнула вперёд, тёмная молния ударила и тотчас разлетелась облаком огненных искр, столкнувшись с поднявшейся для защиты рубиновой шпагой. Однако Клару Хюммель удар отшвырнул назад на добрых пять шагов, у боевой волшебницы вырвался стон – правая рука со шпагой едва не повисла бессильно от боли.

Вот это да, потрясённо подумала Клара, кое-как восстанавливая свои защитные порядки. Сила, великая Сила, как, наверное, у десяти приснопамятных Мессий. Ты выросла, Сильвия, ты очень выросла. Но в магическом поединке недостаточно одной только мощи. И сейчас ты в этом убедишься.

...Она поплыла. После первого же удара. Я могу убить её в любой миг. Если бы мне это требовалось, Хюммель уже бы умерла. Но сегодня мне нужно совсем другое...

Сильвия мягким кошачьим шагом стлалась вокруг Клары. Боевая чародейка приходила в себя после первого сокрушительного удара; заклятья уже сминали, обрывали боль, правда, гораздо медленнее обычного – словно здесь что-то противодействовало магии. Правая рука вновь становилась прежней.

Почему она не атаковала?– неслись смятённые мысли. *Она ведь могла прикончить меня. Совершенно запросто. Вторым ударом, я даже не смогла бы поднять клинок для защиты. Она не хочет меня убивать? Хочет показать свою силу? А желает пленить и, «сыскав, представить» его высокому волшебническому достоинству мессире Архимагу? Перетопчется, яростно подумала Клара. Однако пора бы мне и самой что-нибудь попробовать. А ну-ка...*

Волшебница крутнула привычную «мельницу». Ослепительно блеснула рубиновая шпага, ожили дремавшие в ней силы... и мгновенно угасли, словно их никогда там и не было, словно вместо зачарованных камней оружие Клары украшали простые стекляшки. Что-то жадно пило саму суть магии, не давая заклятьям обрести силу и мощь.

Игнациус, молнией мелькнуло у Клары. Ну конечно, кто же ещё. Старый лис хорошо подготовился к этому столкновению. Негатор магии, причем, судя по всему, управляемый. Маги древних лет тратили годы и десятилетия жизни, чтобы только создать такой; теоретики Долины исписали горы пергамента, в стенах Академии отгремело множество яростных дискуссий на тему природы и свойств «возможности контролируемой локально-неабсолютной магоизоляции объекта»; потом интерес к негаторам поугас, нашли способы преодолевать их действие; но один из таких артефактов, причём совершенно неодолимой силы, который не обойдешь и чьё действие не перебежьшь, преспокойно ждал своего часа на дне какого-нибудь потайного сундучка в доме мессира Архимага, такого уютного, гостеприимного, ласкового и внимательного к ней, Кларе, дома...

Выпад Клары Сильвия отбила играючи. И – вновь не воспользовалась возможностью для губительной атаки. По-прежнему крутила невероятную круговорот неподъёмным на вид фламбергом, не выказывая и малейших признаков усталости.

Что, она предлагает мне померяться силами в простом фехтовании? Ну что ж, так тоже можно. Как бы споро ни крутила ты свою железку, девочка, я встречалась с мечниками и покруче...

Клара кривила душой, стараясь подбодрить саму себя. Никогда ещё ей не противостоял настолько могущественный противник. За узкими и по-детски худыми плечиками Сильвии возвышалась тень Архимага, а с ним не удалось справиться никому из более чем многочисленных врагов, посягавших на покой Долины за последние примерно три тысячи лет.

Сильвия, словно дав противнице достаточно времени на осознание реалий их поединка, атаковала вторично. Аккуратно, сильно и губительно. Серый смерч фламберга свистнул возле самой Клариной головы; чародейка парировала с огромным трудом и лишь в последний момент. Сильвия тотчас ударила вторично, и вновь Клару отшвырнуло назад к самым зарослям, так что она оказалась рядом со своими спутниками.

– Кирия Клара! – бросилась к ней Райна.

– Госпожа, – шагнул вперёд и Кицум. Тави промолчала, однако обе её обнажённые сабли говорили лучше любых слов.

– Спокойно, – процедила сквозь зубы чародейка. – Девочке вздумалось потешиться. Посмотрим, во что она станет играть по-настоящему!

Кицум хмыкнул, неопределённо покачав головой. Но глаза старого клоуна полнила тревога.

...Они вновь сошлись. Фламберг закружился, но теперь Клара видела, как говорят мастера, его «путь». В принципе, ничего такого уж сногшибательного. Восьмёрка, переворот, обратная восьмёрка, два косых проноса, раскрут над головой (лезвие рубит и перед

Сильвией, и за её спиной). Повтор. Очень быстро, невероятно быстро, но и мы не лыком шиты. Атака!

На сей раз первым рванулся кинжал в левой руке. Столкнулся с фламбергом, впился в него, обвился, сцепился с чёрным лезвием. Свободная правая рука выбросила вперёд рубиновую шпагу, острие нацелено в правое плечо Сильвии, и...

И было отбито. Девчонка крутнулась змеей, немисливо изогнувшись, отдернулась.

Она опасна. Надо кончать, Сильвия. Это была случайность, но неудача – сестра Случайности, а неудачи не должно быть.

Фламберг рванулся в атаку, крест-накрест клядя удары. Клара едва успевала уворачиваться, с трудом отклоняя чёрное лезвие. Ни мига промедления, ни малейшей паузы – Сильвия не давала именитой противнице ни одной возможности для контратаки. Рубиновая шпага взметнулась раз, другой, но в третий она уже не поднялась.

Сильвия торжествующе взвизгнула и наотмашь ударила левой. Той рукой, что сжимала нож Игнациуса. Она ни на йоту не сомневалась в победе. Больно много говорили об этой Хюммель, а на поверку оказалось – слабачка. С одного маху завалили. Гонору-то было...

Зачарованное оружие Архимага извергло из себя шестифутовый призрачный клинок, сотканный из языков прозрачно-алого пламени. Острие клинка вспорол плечо Клары; чародейка вскрикнула, дернулась, лицо исказилось болью. Края разреза задымилась, кровь стремительно пропитывала одежду. Левая рука боевой волшебницы тотчас повисла, пальцы разжались, кинжал выскользнул. Сильвия гортанно вскрикнула, словно коршун, утащивший курицу.

...На лице Кицума появилось недоумённо-встревоженное выражение. Похоже, он не ждал столь стремительного успеха Клариной соперницы; в тот же момент он резко взмахнул рукой, и валькирия вместе с ученицей Вольных ринулись на помощь Кларе. Кицум последовал за ними, в руке бывшего клоуна что-то зловеще посвистывало – как бы не та его любимая стальная петелька, которой он, помнится, с легкостью резал и доспехи, и оружие воинов-Дану...

Завидев порыв друзей, Клара хотела было вскричать «не надо!». Гордость боевой волшебницы оказалась жестоко уязвлена. Как же так, над ней, опытной чародейкой, бывшим чемпионом Гильдии, играючи берёт верх какая-то соплячка, пусть даже и с благословением Игнациуса! Клара в отчаянии попыталась атаковать, однако рубиновая шпага со звоном отлетала от мгновенно возникавшей почти из ничего защиты. Силы Сильвии явно не убывали, проклятая девчонка крутила свой фламберг все быстрее; и Клару вдруг прошиб холодный пот ужаса. Она понимала, что столкнулась с противником, на голову выше её по силам и что сейчас очень возможно придётся умирать; как знать, сражайся они на обычных тренировочных рапирах, и Клара не оставила бы от соперницы даже мотка рваных ниток, но сегодня игра шла без правил, и в этой игре Сильвия явно преуспевала.

...Тави и Райна ударили разом, яростно, атаковали, не щадя себя и почти не думая о защите; их товарищ, их предводитель погибала, и было уже не до правил чести. Меч валькирии и пара коротких сабель Тави – они били наверняка. Так, чтобы сразить, а не только ранить.

Они ударили – и их отбросило. Оружие натолкнулось словно на глухую стену. Сотканная из агатово-чёрных росчерков завеса: меч Сильвии крутился с невообразимой скоростью, он оказывался повсюду, и, несмотря на тысячелетний опыт Райны, несмотря на школу Вольных Тави, они ничего не могли сделать с этой живой, шелестящей, смертельно опасной воздушной бронёй. Не могли, даже нападая с разных сторон, пытаясь ударить одновременно, так, чтобы Сильвия, блокируя один выпад, точно не смогла бы защититься от другого.

Однако же проклятая девчонка смогла. И не один раз. А магия не действовала, как назло, совершенно не действовала, непонятно почему, но заклятья не работали. Спутникам Клары оставалось уповать только на мечи.

Клара же стояла, тяжело дыша и схватившись за пробитое призрачным клинком плечо. Левая рука бессильно висела, по кисти бежали алые струйки, тяжелые капли крови срывались с пальцев; лицо чародейки покрывали бисерины пота. Силы уходили, ранение оказывалось куда тяжелее, чем на первый взгляд, и нечего было уже хорохориться. Невольно чародейка обернулась к Кицуму, однако именно в этот миг старый клоун досадливо кашлянул и решительно шагнул к сражавшимся.

– Тави, Райна – назад. Давайте, давайте. Вы тут ничего не сделаете. А вот ты... послушай, дева, – он надвигался, обманчиво-нелепый, без меча, копья или булавы в руках; лишь изредка луч света вспыхивал на свисавшей из его руки стальной петле. Губы Кицума были плотно сжаты; он не собирался шутить.

– Четверо на одну, да?! – выкрикнула Сильвия, яростно отмахиваясь фламбергом. Это было не так, Клара уже вышла из боя, Кицум не вступил, но как же не крикнуть-то?!..

Он куда опаснее, чем кажется. Он не тот, за кого себя выдаёт! Уничтожить, как можно скорее. Никаких разговоров!

– Назад, вы, все! – гаркнул Кицум. – Райна, Тави – позаботьтесь о Кларе! Она ранена! Я справлюсь сам!

Смертоносная пляска фламберга на время приостановилась. Ворча, словно побитые псы, валькирия и Тави отступили. Сильвия застыла, изогнувшись и подняв меч высоко над головой так, чтобы он мог в любой миг низринуться вниз сокрушительной молнией.

– Поговорим, дева, – Кицум оставался спокоен, но движения его обрели странную мягкость и плавность, точно у змеи перед броском.

– Кицум, а тебе-то тут что надо? – фыркнула Сильвия. – Уже говорила сегодня и ещё раз скажу, коль сам просишь. Чего ради ты полез? Твои это дела, что ли? Или забыл, как вместе на островке спасались? Как вдвоём Мечи пытались вытащить? Как вместе через весь Мельин тащились?

– Я-то ничего не забыл, в отличие от некоторых. Я-то всё помню, а вот у тебя в голове явно ветер. Заигралась ты, девочка, – голос Кицума изменился, стал низким и непередаваемо грозным. – Ты заигралась, в тебя сейчас вливают слишком много сил; но если мех худ, он не выдержит полного груза. Так что лучше б тебе перестать размахивать руками, а спокойно со мной поговорить, прежде чем тут случится непоправимое. Которого лично мне бы очень хотелось избежать именно потому, что, как ты правильно заметила, мы вместе шли, мы дрались плечом к плечу и сидели вдвоём на одном островке между проклятыми мирами. Опустить меч, и мы поговорим. К драке всегда успеем вернуться.

Опасно! Очень, очень опасно! Нельзя подчиняться! Ни в коем случае нельзя подчиняться. Нельзя! Но... кто же он такой? Ясно ведь, что не клоун странствующего цирка, жалкий бродяжка, которому приличный храм отказал бы в праве молитвы. Сильвия! Поздно отступить! Вперёд! Ты победишь! Ар-аххх!..

...Проклятая девчонка если и заколебалась, то лишь на одно мгновение. Конечно, Кицум уже не тот, что в Мельине. Изменилось всё. Осанка, взгляд, даже голос. Но...

– Ну, девочка?

– А пошёл ты! – по-змеиному прошипела Сильвия, и чёрный фламберг рассёк воздух там, где только что находилась голова старого клоуна. Как Кицум успел уклониться, не поняла даже Клара; чародейку уже поддерживали под руки Тави с Райной, а валькирия уже что-то делала с кровоточащей раной.

– Большая ошибка, Сильвия, – вздохнул Кицум. – Ну что ж, придётся с тобой по-плохому.

Он не сдвинулся с места. Просто рука его внезапно и резко очертила в воздухе восьмёрку, послышался свист стальной заговоренной нити; петля захватила рукоять чёрного фламберга, только чудом не разрезав Сильвии кисти. Кицум рванул странное своё оружие, однако диковинный меч юной наследницы Красного Арка и не подумал распадаться надвое. И клинок, и петля старого клоуна внезапно покрылись тысячами крошечных язычков зелёного пламени. И Кицум, и Сильвия разом застонали от непереносимой боли, словно прилипнув друг к другу; чёрный меч и петля старого клоуна оказались достойны друг друга.

С криками ужаса бежали прочь последние случайные свидетели поединка. Невольно вытаращила глаза Клара. Невольно попятилась – вместе с ней – поддерживавшая раненую чародейку Тави. Райна гневно сощурилась; казалось, валькирия вспоминает что-то недоброе, раз виденное в невообразимо седой древности. И она, эта память, отнюдь не сулила Кицуму лёгкой победы. Совсем наоборот.

Сцепившиеся Сильвия и Кицум оба тянули оружие в разные стороны. Оба, скорее всего, не слишком понимали, что же именно происходит. Шипела и рычала Клара; валькирия накладывала повязку ей на проколотое плечо. Зелёное пламя с фламберга и петли меж тем текло на землю, словно дождевая вода, – холодное пламя, от которого не веяло теплом. Райна с ругательством рубанула по подступившим языкам – те ловко, словно змейки, вцепились в пронёсшийся сквозь них клинок, заплясали на лезвии, извиваясь, поползли по кровостоку, всё ближе и ближе к эфесу.

– Брось... меч! – прохрипела Клара. Райна не послушалась, от души махнула клинком, капли зелёного пламени срывались и летели во все стороны, оставляя на блестящей стали уродливые тёмные пятна и полосы. Клара забилась в руках Тави, норовя чуть ли не силой вырвать эфес из рук упрямой валькирии; Райна скорее рассталась бы с жизнью, чем бросила оружие на поле боя.

Сильвия и Кицум меж тем кружили, сцепившись, словно две боевые галеры во время абордажной схватки. Ни тот, ни другая не уступали. На лице Кицума – видела Тави – всё явственнее читалось небывалое изумление: как если бы взрослый в шутку забавлялся «боем» на деревянных мечах с семилетним мальчишкой, а паренёк вдруг стал бы демонстрировать всю мощь школы Вольных. И Кицуму, и Сильвии приходилось уворачиваться от летящих во все стороны зелёных искр, что щедро разбрасывало их намертво впившееся друг в друга оружие.

Кларе меж тем явно становилось всё хуже и хуже. Голова чародейки бессильно запрокинулась, плоть вокруг раны стала горячее, словно под кожей развели самый настоящий костёр или насыпали пригоршню горячих углей. На губах закипала пена, речь стала совершенно бессвязной.

Архимаг Игнациус знал, что вручить своей подручной.

– Уводим её! – прорычала Райна. Валькирии наконец удалось стряхнуть с клинка последний язык зелёного пламени. – Уводим, тут что-то гасит к йотунам всю магию!

– А Кицум?! – заорала Тави. – Его бросать?

– Он справится без нас, дурёха! Не знаю, кто это, но силы ему не занимать. Давай, Тави, давай! Все расспросы потом! Всё потом! Поддержи кирию! Шевелись!.. Шевелись же, будь оно всё проклято!

Тави повиновалась. ...Однако далеко уйти им не удалось. Растекшееся по земле зелёное пламя замкнуло круг, и сейчас его призрачные языки поднимались всё выше, словно чудовищные змеи, головы их соединялись, отсекая Тави, Райну и впавшую в беспамятство Клару от остального мира. Этот огонь словно обладал разумом, он предусмотрительно обтёк трёх спутниц Кицума, взял их в кольцо, преграждая все дороги к бегству. К счастью, пламенная ловушка пока не сжималась, оставляя достаточно места для отступления.

Вдобавок, после всего лишь полутора десятков шагов Тави ощутила, что магия словно бы возвращается, слабо, неверной струйкой, как вода, сочащаяся сквозь песчаную плотину. Можно было попытаться взглянуть, что же там с Кларой. Или... помочь чарами Кицуму?

Валькирия бросила на Тави гневный взор, сдвинула брови. Мол, чего мешкаешь?

– Магия, – только и выдохнула выученица Вольных. – Возвращается...

Райна на миг сощурилась, потом решительно тряхнула головой.

– Сперва – рана кирии. Потом – Кицум. Ну, давай же, давай!..

Тави с Райной осторожно уложили чародейку наземь – здесь прошёлся зеленый огонь, не оставив ничего, кроме пепла. Валькирия швырнула свой плащ, на него опустили Клару; Тави склонилась над пробитым плечом. Кровь уже не текла, запеклась сама, да и рана казалась неглубокой и неопасной – не задеты ни жилы, ни суставы, ни кости, – однако под кожей ощущалась горячая опухоль, настоящий пузырь, наполненный огнём. Тави с трудом могла держать там пальцы. Она помнила, что не так давно её, раненую и беспомощную, спасал весь отряд Клары. Настала её очередь возвращать долги.

Райна поминутно оглядывалась, но там Сильвия и Кицум всё продолжали свой непонятный танец, молча, сосредоточенно, словно исполняя неведомый ритуал. Никому из них, казалось, не осталось никакого дела до трёх женщин, одна из которых вдобавок стояла на самой грани жизни и смерти.

– Что с ней?! – рявкнула Райна. – Можешь определить, девочка?

Тави покачала головой. Слабый ручеек доступной ей Силы – против совершенно неведомого зачарованного оружия, пред которым оказалась бессильна сама Клара Хюммель, – а к ней Тави относилась с огромным пиететом, чуть ли не как к высшему существу. Казалось, для Клары вообще не существует ничего невозможного, однако же вот она лежит, хрипло и с трудом дыша, а на губах вскипает кровавая пена, словно у неё уже размолоты лёгкие.

– Сейчас... – пробормотала Тави. – Сейчас... потерпи, госпожа Клара, ну, пожалуйста, потерпи...

Тактильный контакт издревле считался Вольными одним из самых действенных. И сейчас Тави приказала себе представить, что вокруг нет этого непонятного и чужого мира, что она вновь дома, в сумрачном, но родном Мельине, что вокруг – строгие лица друзей-Вольных, наставников, спасителей, защитников... Она пришла к ним, принесла свой странный дар – и они помогли развить его, стать той, кем она стала.

Боль вливалась в её сознание, непереносимая горящая боль. Неотвратимо обходя заслоны, по жилам Клары Хюммель тёк неведомый яд; ещё пыталась вмешаться собственная магия вошебницы, наложенные ею самой на себя заклятья, однако отравы оказалась слишком уж сильна. Не ровня Кларе был тот, кто сотворил пламенный клинок, никак не ровня. Он знал, что делает.

Тави застыла с закрытыми глазами. Пальцы – по обе стороны раны. Бьётся, словно сердце, опухоль, расталкивает в разные стороны волны горячего яда; в уме девушка строила боевые порядки из формул исцеления. С куда большей охотой она прибегла бы сейчас к надёжной и привычной ритуальной магии, но все её припасы давно сгинули. Оставалось лишь обратиться к урокам Акциума, великого мага, что пожертвовал собой, спасая несчастный Мельин от нашествия козлоногих; как жаль, что ей, Тави, выпало так мало побыть его ученицей! Сегодня от неё было бы больше толку.

Формулы тем не менее выстраивались. Тави действительно многое почерпнула на уроках Акциума. Клара училась у Игнациуса и других авторитетных магов Долины; но, как теперь смутно догадывалась Тави, чародей Акциум принадлежал к гораздо более высокому рангу. Оставалось только гадать, к какому.

«Человеческое тело, – учил Тави в своё время Акциум, – и совершенно, и несовершенно в одно и то же время. Не прикрытая сталью или могущественным чародейством плоть

крайне уязвима. Не нужно даже никаких мечей, простой камень, подобранный на дороге, способен отнять жизнь. Но в то же время человек и очень хорошо защищён. Он – часть великого потока магических сил, слепых и бездушных, пронзающих весь миропорядок. Ты можешь не преуспеть со своими собственными заклетьями. Но вот сделать так, чтобы вся эта катящаяся мощь оказалась бы у тебя на службе, – в этом задача Истинного мага».

И тогда Тави показалось, что слова об «Истинном маге» Аксиум произнёс с какой-то непонятной тоской. Может, он сам и был им – непонятным, неведомым Тави «Истинным магом», перед которым ничто вся сила и гордость Долины?

Во всяком случае, учил он её действительно хорошо. Не формулы и заученные жесты, не слова и даже не мысли – чувства, естественные и непреходящие. Вот ключ к успеху.

И Тави постаралась представить пышущую жаром опухоль в плече Клары как камень, тупой, мёртвый камень, упавший в спокойный поток. Камень разбил и изорвал листья кувшинки, измочалил лепестки нежной водяной лилии, однако после этого всё, что он может, – лишь только утонуть. И даже пусть этот камень источает злую отраву, от которой умирают жуки-плавунцы, лягушки, тритоны и мелкая рыбёшка, – воды Великой Реки всё равно сильнее любой отравы, они унесут её далеко-далеко, растворят в себе – жизнь всё равно сильнее смерти, надо только *уметь побеждать* ...

В висках стало тепло-тепло, волны этого тепла побежали вниз по щекам, по шее, перекинулись на плечи, влились в руки – и выплеснулись наконец из пальцев. Тави не знала, что это. Просто – тепло. Но вокруг ногтей вдруг задымился, закурился жемчужного цвета ореол, и Тави словно наяву ощутила – её руки раздвигают плоть раненой Клары, пальцы обхватывают опухоль (та кажется раскалённой, словно кусок железа из горна), тянут её на себя – и пульсирующий тёмно-алый шарик поднимается, за ним тянутся одна за другой, лопаясь, багряные нити; сквозь транс доносится истошный вопль Клары, и в следующий миг могучая рука Райны отбрасывает Тави в сторону, словно котёнка.

Оглушительная вспышка боли. Теперь уже не чужой, своей. Откат ударил в Тави крепостным тараном, сметая защитные барьеры и силу воли. Девушка опрокинулась навзничь – во всём мире не осталось ничего, кроме этой боли.

...Валькирия Райна ничего этого, само собой, не видела и не чувствовала. Одним глазом она следила за раненой кирией Кларой, вторым – за сражавшимися насмерть Сильвией и Кицумом. Тави казалось, что прошли уже часы её нескончаемого транса, хотя в реальности не минуло и тридцати секунд. Валькирия видела, как Тави внезапным и резким движением *погрузила* руку в тело Клары, выхватывая оттуда какой-то истекающий кровью содрогающийся комок, за которым тянулись нити сосудов. Клара забилась, задёргалась, каблуки скребли землю, вздымая облачка серого пепла. Лицо чародейки стало смертельно бледным, дыхание спустя миг пресеклось – Райне почудилось, что она уже чувствует отлетающий последний вздох, что Тави своим «лечением» убивает кирию – и тогда Райна сделала единственное, что могла: отшвырнула девчонку прочь.

Тави кубарем покатила по земле, однако вырванную из раны опухоль так и не выпустила. Прокатила и застыла в странной позе, среди сухого пепла; на фоне вздымающихся за ней стен зелёного пламени чернела поднятая рука, пальцы сомкнуты на кровоточащем комке, словно на величайшей драгоценности.

Райна рывком нагнулась к Кларе, однако щёки кирии уже розовели, дыхание выровнялось. Чародейка пребывала в глубоком обмороке. Валькирия подняла взгляд – Кицум и Сильвия каким-то образом расцепились, с фламберга и стальной петли уже не текло наземь зелёное пламя. Чёрный меч неторопливо чертил перед и над Сильвией каскад сложных фигур, восьмёрок, кругов, и так далее; Кицум держал петлю за концы обеими руками, точно верёвку. Ни Сильвия, ни клоун не пускали в ход магию. И ни один из них уже не замечал ничего вокруг – ни отгородившего их от мира изумрудного огня, ни неподвижной Клары, ни бес-

помощно упавшей Тави... Их словно поглотил какой-то совместный обряд, как будто не врагами они были вовсе, а союзниками, участниками тайной мистерии на пути постижения соккрытой истины.

И валькирия Райна, сражавшаяся в бесчисленных битвах задолго до того, как прашуры прашуров всех ныне живущих вступили в области Упорядоченного, поняла, что на самом деле видит небывалое: не Сильвия и Кицум сошлись на этом поле, не люди и даже не личности. Бились Силы: очень древняя и новая, молодая, жестокая. Молодая Сила, пришедшая в этот мир, подобна тому, как новая розоватая кожа покрывает собой заживающую рану. И тогда старой корке из запекшейся крови, под чьей защитой и вызревала эта новая кожа, — старой корке приходит время отпасть и обратиться во прах. И ничто в целом мире не способно остановить это, ибо всякое рождение есть в то же время и чья-то смерть.

Валькирии Райне казалось, что контуры двух фигур смазываются, расплываются, на фоне зелёных стен огня остаются лишь тёмные силуэты, словно в древних теневых театрах. И воительница, Дева Битв, чудом уцелевшая в страшной резне на Боргильдовом Поле, вдруг ощутила, что вновь, помимо собственной воли, вспоминает тот день, когда на приснопамятной равнине, на проклятом рубеже вздымался густой туман — стояли морозы, и пролитая кровь исходила паром, словно спеша отдать сохраняемое в ней тепло жизни. И точно так же тогда на фоне волн зелёного пламени шли в наступление бесчисленные отряды врагов, а за ними смутно виднелись гигантские силуэты, нечёткие, размытые — и оттого ещё более пугающие.

Конечно, Сильвия и Кицум не могли иметь никакого отношения к Древним или Молодым Богам, чьи рати сошлись много зонов назад на Поле-Между-Мирами, на Боргильдовом Поле, когда рухнуло Пророчество Вэльвы и история изменила течение своё — Рагнаради так и не наступило, вернее, наступило совершенно не так, как толковали предсказания...

Наверное, это был общий принцип. Великая Битва продолжается до сих пор, вдруг подумала Райна. Просто ныне Боргильдовым Полем стало всё Сущее, которое кирия Клара и её сородичи именовали Упорядоченным.

Сильвия решилась первой. Горяча, подумала Райна. В поединке таких мастеров (а Сильвия оказалась именно *мастером*, неважно уже, свою ли силу и умение она пустила в ход или же заёмную), как правило, проигрывает нанёсший первый удар — как и в поединке искусных магов.

Свистнул чёрный фламберг. Сильвия обрушила его сверху вниз, волшебнo-лёгкий в её полудетской руке клинок, однако, оборачивался полновесным двуручным чудовищем для тех, кому выпадало несчастье подвернуться под его удар. Райна не успела и глазом моргнуть — даже она, Дева Битв, не сумела бы отразить этот выпад. Девчонка нанесла его поистине с быстротой молнии. Чёрный сполох, застонавший воздух — и всё.

Кицум не отступил. Что сделал старый клоун, Райна не поняла. Стальная петля вновь обвилась вокруг тёмного клинка, но на сей раз никакого зелёного пламени не появилось. Напротив — окружавший сражавшихся огонь сгустился и почернел. Отделявшая их от мира завеса стала ещё непроницаемей.

Станным движением заваливаясь набок, Кицум увлекал за собой и чёрный меч, и его хозяйку. Сильвии ничего не оставалось, как падать следом. Она вскрикнула, и теперь это был крик смертельно раненной птицы; она ни за что не выпустила бы из рук чёрного фламберга. Райна успела заметить, как левая рука Кицума выдернула откуда-то из складок одеяния короткий нож; клоун, похоже, собирался покончить с этим одним ударом.

...Что уберегло проклятую девчонку, понять не смог бы никто. Сильвия изогнулась в воздухе, словно кошка, падающая на все четыре лапы. Чёрный меч едва не проткнул опрокинувшегося на бок Кицума; острие фламберга распороло клоуну плащ. Сильвия ещё попыталась наотмашь полоснуть врага зачарованным тёмным лезвием, но промахнулась, и земля

рядом с головой Кицума вспухла изнутри пламенеющим ярко-рыжим пузырем, увенчанным короной чёрного дыма. Ещё миг – и противники вновь стояли друг против друга как ни в чём не бывало.

Ничья. Райна видела, как потряс головой Кицум, словно втолковывая себе – да нет, нет, я, наверное, сплю, такого просто не может быть! Почему он так удивляется, подумала валькирия. Он хороший боец, очень хороший – но ведь нет и не может быть непобедимых! А этой девчонке, будь она семижды семь раз неладна, явно помогает какая-то очень могущественная магия – вот и всё объяснение. Чему же тут удивляться?

А Тави по-прежнему неподвижна, а Клара так и не приходит в сознание... Признаться, Райна растерялась. Инстинкт Девы Битв подсказывал ей, что вмешиваться в поединок Кицума и Сильвии – безумие, это не её бой и она ничем не поможет своему товарищу. Этому инстинкту Райна привыкла доверять. Он ни разу не подводил её за все долгие тысячелетия бурной жизни валькирии, ни в одной битве, где сходились многосоттысячные рати, ни в одной стычке, когда бой шёл один на один.

Воительница метнулась к Тави. Неужели я шлёпнула девочку слишком сильно, дура старая?

Нет, её удар был тут ни при чём. Тави тоже оказалась в глубочайшем обмороке, но вызвало его, похоже, её собственное волшебство. Валькирия с невольным страхом покосилась на истекающий тёмно-багровой слизью комок в пальцах Тави. Всё-таки она вырвала из кирии эту дрянь... молодец девочка. Вот только что делать теперь? Будучи сама волшебным существом, Райна никогда не практиковала магических штудий. Жизнь Девы Битв была подобна древку копья – прямая и ясная. В давным-давно забытые времена, пока ещё стоял Асгард, она носилась по поднебесью, даруя победы в битвах тем, кого счёл достойными Один, и не терзалась сомнениями. Потом, когда она – из числа единиц, что чудом выжили на страшном Боргильдовом Поле – разом утратила всё, превратившись в странствующую воительницу, наёмницу (ибо ни к чему иному призвания она не имела), ей тоже было не до магии.

– Тави! Тави, очнись. Очнись, очнись... дочка, – вдруг вырвалось у Райны совершенно необычное и непривычное для неё слово. – Очнись! – Валькирия затрясла Тави за плечи, однако та лишь бессильно моталась в её руках, словно тряпичная кукла.

Воительница оглянулась – Кицум и Сильвия продолжали изощряться в искусстве фехтования. Казалось, так будет продолжаться столетия. Враги нашли друг друга. Дела ни до чего в мире им больше не было.

Окружавший группу зелёный огонь мало-помалу обратился в чёрно-зелёный. Над их головами сомкнулся призрачный купол, словно несчастный мир Эвиала тщился отгородиться от дерзких возмутителей спокойствия. Закрытый мир, тёмная бездна – каким он представлялся «извне», когда отряд Клары Хюммель только приближался к нему, следуя тропами Межреальности.

Райна застыла, потерянно уронив руки. Не в её силах было привести в чувство кирию Клару или молодую воительницу Тави. Валькирии оставалось только смотреть на вечное движение, нескончаемую череду отточенных поз Кицума и Сильвии.

Глава четвёртая

Мельин. Окрестности разлома

Император стоял на самом краю глинистого рва. Рядом – дрожащая, скорчившаяся Тайде, которую он вырвал из лап неведомой Силы, не Смерти, но чего-то, стоящего даже над этой зловещей старухой. Они не помнили обратного пути. Заклятье просто швырнуло их в ту самую – или всё-таки другую? – точку, откуда невесть сколько дней назад по времени Мельина Император сам шагнул в бездну.

Они вернулись. Неведомо как и неведомо когда. Однако же – вернулись. Фесс оказался прав. Заклятие подействовало, хотя и совсем не так, как они рассчитывали. Их вырвало прямо из самого пекла битвы, когда её весы застыли в неустойчивом равновесии – доведётся ли им узнать когда-либо, чем закончилось то сражение? Император вёл в бой повиновавшихся одному его взгляду местных ополченцев, тотчас узнавших в нём настоящего вождя. Такое не забывается. Если бы только Фесс был рядом... хотя нет, раз маг остался там, в странном Эвиале, ему, Императору, будет чуть легче. У защитников того мира появился могучий союзник.

Вокруг царила зима. После тепла тропических болот Императору и Сеамни холод показался просто нестерпимым. Пронзающий ветер. Колючий, секущий снег, хлещущий по лицу, словно туча мелких острых стрел. Тайде, дрожа, прижалась к Императору. А у них ни тёплой одежды, ничего. Правителю Мельина легче – у него толстая стёганая рубаша, надетая под латы. А Тайде... в легком кургузом плащике.

– Гвин... мы вернулись? Неужели?..

– Мы вернулись, – нежно произнес Император, обнимая Дану свободной рукой. – Это наш мир. Всё кончилось. Всё позади. Мельин ждет нас.

Она зябко передернула плечами, ещё теснее вжимаясь в его бок и пряча голову от порывов ледяного ветра. Тяжелые доспехи Императора были сейчас холодны, словно сама смерть, но Тайде этого словно не замечала.

Сразу за их спинами тяжело колыхался маслянистый белый живой туман Разлома. Туман жил своей собственной жизнью, и плевать он хотел на двух жалких двуногих, неведомым образом вырвавшихся из его цепких объятий. Разлом не был хищником. Он не ведал, что такое «поражение». Он просто жил – и ждал. Уверенный в конечной своей победе, если только к залитой белесым студнем бездне применимы подобные слова. Он словно усмехался в спины двум случайно спасшимся. От меня вы всё равно не уйдёте, казалось, говорил он.

Вокруг расстилались выбеленные снегом валы, хаотичное нагромождение смерзшихся до крепкости камня земляных глыб, кое-где ещё торчали скелеты мертвых деревьев. Разлом не признавал вблизи от себя никакой иной жизни, кроме своей собственной.

– Идём, Тайде, идём, – Император осторожно потянул Дану вперед. – Нам тут нечего делать. Идём, надо добраться до легионеров...

– Он нас так просто не отпустит, – прошептала Сеамни, оглядываясь и с испугом глядя на чудовищную пасть пропасти. – Он пойдёт за нами... и в один прекрасный день настигнет.

– Почему бы ему не сделать этого прямо сейчас? – усмехнулся Император. – Честное слово, не стоит ждать так долго. Эй, Разлом! Слышишь меня? Не трать даром время! Посылай своих, кто там у тебя есть! Я замерзаю, в самую пору помахать мечом!

– Не смейся, – Тайде по-прежнему говорила шёпотом. – Не смейся над ним. Он могуч... очень могуч. Просто он пока ещё не сознает себя. Но когда осознает...

– Тогда и будем разговаривать, – отрезал Император. И тотчас же одним мягким движением оттолкнул девушку, выхватывая клинок, – о, смотри, кажется, он ответил!

Разлом и в самом деле ответил. Маслянистая поверхность белесого моря заколыхалась. С чмокающим, хлюпающим звуком вверх взметнулся длинный язык, словно притаившаяся в глубине исполинская ящерица попыталась проглотить неосторожную муху.

– Прыгай! – рявкнул Император, размахиваясь клинком.

Язык тумана лопнул возле самой поверхности. Взлетевшая вверх белесая клякса рассыпалась на множество мелких брызг.

– Славно, славно, – прошипел Император, отступая на шаг. – Значит, ты меня всё-таки слышишь. И тебе не нравится, когда обижают. Хорошо, учтём. Тайде! Идём.

И ветер, словно помогая двум измученным странникам, стал как будто бы утихать.

В воздухе густо кружились снежинки, мягкими холодными лапками касались лиц. Двое – человек и дану – шли прочь от проклятого места, туда, где должны были гореть огни и стоять дозором легионеры Империи.

Низкие серые тучи без малейших разрывов затягивали небо. Сеяли и сеяли мелким снежком, словно как могли пытались помочь несчастной, израненной земле. Словно старались хоть так прикрыть страшный и уродливый шрам, рассёкший некогда благодатные земли Мельинской Империи.

Здесь, вблизи Разлома, чудовищная рана дышала теплом и снег таял, не в силах зацепиться, не в силах охладить горячие, словно воспалённое тело, камни. Но тёмная полоса нагой земли относительно быстро кончилась, снег властно распахнул свои белые крылья, укрывая всё вокруг. В былые времена тут уже должна была стоять стража, уцелевшие в бойне с Радугой легионы Империи, не жалея сил, копали рвы и насыпали валы, строили частоколы и возводили сторожевые башни, стараясь хоть так отрезать «тварям Разлома» (как правило – уродливо-ожившим земляным глыбам) дорогу в нутряные имперские земли. Император в своё время придавал этому очень большое значение.

Вал и ров они скоро увидели. Но частокол, что шёл по вершине вала, явно пребывал в забросе и небрежении – завалился набок, исчезли целые заплоты по шесть-семь сажений. Невдалеке смутно виднелся сквозь снежную хмарь и муť нагой скелет сторожевой вышки – без крыши, ограждения и лестницы.

– Легата – разжаловать, – сквозь зубы проговорил Император. – Он у меня пожизненно лагерные отхожие рвы чистить станет. Центуриона – выгнать без пенсии. Манипулу – расформировать и разослать по дальним крепостям. Некому без меня бить стало, что ли?

– Гвин, Гвин, погоди, – как обычно, вступилась Сеамни, просительно кладя ладошку на сгиб его локтя. – Погоди, ну что ты сразу – сплеча рубить? Ты ж не знаешь, что тут случилось. Может, несчастье какое. Погоди. Не гневайся.

– Когда ты просишь, то и гневаться не могу, – сквозь силу улыбнулся Император. – Хотя за такие дела...

– Погоди. Погоди, – уговаривала его Сеамни. – Не горячись. Давай сперва выберемся отсюда. Выберемся, оглядимся... а судить и карать всегда успеешь.

– Ты так же добра, как и прекрасна, и так же прекрасна, как и добра, – улыбнулся Император.

– Нет, – зябко повела плечами Тави, и лицо её на миг сделалось совершенно мёртвым. Император знал – она вновь вспоминает Мельин, свою краткую бытность Thaide, Видящей народа Дану и те поистине ужасные деяния, сотворённые ею в опьянении мощью Деревянного Меча. – Не хочу... чтобы ты потом мучился, как я.

Всё, что мог сказать или сделать Император, – это обнять свою данку и покрепче прижать к себе.

Глубоко проваливаясь в рыхлый, неслежавшийся снег, они двинулись прочь. Их выбросило в мёртвой, безжизненной полосе, отделявшей гноящийся шрам Разлома от незатронутых земель. Нигде – ни одной живой души. В кружащейся снежной мгле – ни огонька, и под

ногами – ровный, чистый снег. На нём не отпечатались даже звериные следы. Не говоря уж о человеческих.

Откуда-то вновь взялся ветер, завыл, закружил поземкой, швырнул в глаза пригоршни секущей снежной крупы. Сгибаясь и прикрываясь плечом, Император почти нёс на себе Сеамни, не слишком представляя себе, куда же он, в сущности, направляется. В *его* время вдоль укреплённой линии проложили самый настоящий тракт; судя по всему, открытое, занесённое снегом пространство между остатками вала и лесом указанный тракт как раз собой и являло; но почему всё в таком забросе?! Тарвус лишился разума и оставил Разлом без охраны?

...Им повезло. Оставив позади примерно пол-лиги, они натолкнулись на полуразрушенную небольшую казарму – по приказу Императора такие возводились через определённые промежутки для отдыха дежурной смены наблюдавших за Разломом легионеров.

Распахнутая дверь сиротливо покачивалась на одной петле. Внутри всё оказалось разграблено – ни припасов, ни снаряжения. Одно хорошо – печка была цела, и под навесом нашлись дрова. На полке осталось огниво и трут; вскоре в закопчённом зеве весело затрещал огонь. Разумеется, сторожка промёрзла настолько, что согреть её по-настоящему удастся только к следующему утру; но, во всяком случае, у них есть крыша над головой.

Император кое-как забил распахнутые окна, в ход пошли обломки тяжёлых деревянных лавок.

Сеамни свернулась клубочком у печки, чуть ли не обвиваясь вокруг неё.

– Что здесь могло случиться, Тайде?

Дану покачала головой. На агатово-чёрных волосах медленно таяли слезы последних снежинок.

– Не знаю, Гвин. Но чувствую горе. Горе и беду.

– Это я и сам чувствую, – проворчал Император. – Что-то вырвалось из Разлома?

Он задал вопрос, сам уже понимая, что скорее всего ничего подобного не случилось. Разлом оставался *прежним*, он не изменился, он ещё не набрал достаточных сил. Нет, причина в ином... что-то заставило Тарвуса увести отсюда все войска. Что-то экстраординарное, от чего зависела жизнь Империи, и графу пришлось выбирать из двух зол.

– Хотел бы я верить, что ты выбрал правильно, – невольно прошептал Император.

Тем временем Сеамни взялась за дело. Губы её сжались, щёки с каждым мигом становились всё белее и белее. Император понимал, что Тайде сейчас пытается прочувствовать всё здесь случившееся – трудная задача даже для бывшей Видящей народа Дану.

– Нет, – вдруг обессиленно выдохнула она. – Всё точно во мгле какой-то. Словно и там тоже снег валит. Устала я, Гвин. Вот отдохну... и, клянусь Иммельсторном, всё сделаю.

– Конечно-конечно, – Император постарался укутать её потеплее. – Переждём здесь... завтра двинемся дальше.

Приходилось признать, что это совершенно ломает все планы. Император надеялся встретить своих легионеров сразу же, как только они вырвутся из Разлома, а вместо этого он оказался в самом сердце зимы, посреди безлюдной пустыни. Конечно, холодные месяцы в южных пределах Империи не отличались суровостью, но тем не менее приятного в положении Императора и его спутницы было мало. Они не имели ни малейшего представления, как далеко на север их забросило; если куда-то за Хвалин, морозы могли ударить поистине суровые. Сгущался сумрак, короткий зимний день истаявал, словно снежинка на волосах Сеамни; вырвавшимся из бездны оставалось только ждать.

В свой черед настало утро, морозное и солнечное. Ночная хмарь сгинула; уползли в неведомые логовища низкие серые облака, во всю красу засинело небо; мир словно накрыли исполинской сапфировой чашей. Над заснеженными вершинами недалекого леса поднялось солнце. Засверкал снег: нетронутый белый покров и чуть ли не до середины стен подняв-

шиеся наметы. Император всю ночь не жалел дров, и к рассвету в сторожке стало всё-таки тепло.

Он отвалил тщательно подпёртую дверь, высунулся наружу. Снег полыхал так, что было больно глазам. Разумеется, ни человеческих следов, ни даже звериных. Мёртвая пустыня легла вокруг Разлома, и люди, похоже, страшились теперь чего-то совсем иного – страшились настолько, что оставили *эту* угрозу безо всякого внимания. Как ни странно, тихо вёл себя и сам Разлом; мерно колыхался густой, непроглядный живой туман, заполняя жуткую рваную рану в теле Мельина. Не бежали от него никакие твари, не рождались никакие чудовища; со стороны могло б показаться, что Разлом впал в спячку и теперь пребудет в ней вечно.

Хотелось бы в это верить. Очень бы хотелось. Но Император знал, чувствовал, дважды пройдя безднами Разлома, что на деле всё совсем не так. Сила готовилась к броску, неторопливо накапливая мощь; и в один прекрасный день она сочтёт свои приготовления законченными. Неведомо, случится ли это при жизни нынешнего поколения или следующего, но случится непременно, и вопрос – жить Мельину или умереть – зависеть будет от того, что он, Император, сумеет сделать *сейчас*.

Избушка, где они заночевали, сослужила и ещё одну службу. Теперь Император понимал, что заклятье вернуло их не на то же самое место, с которого он начал свой безумный путь. Их выбросило много севернее, на сторожке выжжены были цифры «XVII» и «136» – охрану участка нёс Семнадцатый легион и до южного конца Разлома было аж целых сто тридцать шесть лиг.

Император прикинул – недалеке Поясной тракт, здесь просто обязаны были стоять гарнизоны; чтобы выйти на большую дорогу, ему с Тайде предстояло спуститься примерно на семь-восемь лиг к югу.

Пустыня для тепло одетого и сытого человека. День пути по утопанной дороге. В себе Император не сомневался – он должен дойти и он дойдёт, чего бы ему это ни стоило, а вот Сеамни... Едва вырвавшаяся из жарких и влажных джунглей, как она перенесёт такой путь? Как бы не свалилась – вот, уже сейчас пошатывается.

Тем не менее Тайде держалась стойко. Лицо её оставалось смертельно бледным, однако она не дрожала от холода и не сгибалась от порывов ледяного ветра. Двойную цепочку следов быстро заметало снегом.

Часы сменялись часами, солнце поднималось всё выше по вымороженному небосклону, а Император и Тайде шли и шли вдоль покинутого вала, встречая на пути лишь завалившиеся плети частокола да порушенные остовы дозорных башен. Легионеры ушли отсюда не один месяц назад.

135-я лига, 134-я, 133-я. Император стиснул зубы – мороз пробирал до костей. Лицо Тайде стало снежно-белым, чёрные глаза то и дело норовили закатиться. Чем держалась Дану – неведомо. Наверное, одним лишь неукротимым духом этой расы...

Время от времени откуда-то из дальней дали доносилось нечто, подозрительно напоминавшее голодный и злобный волчий вой. Значит, не все звери покинули эти края.

Вой накатывался из-за лесных стен, слабый, но чётко различимый, и наполненный какой-то незвериной, почти человеческой злобой. Ибо всем известно, что по способности ненавидеть человек оставит далеко позади любую, даже самую лютую тварь.

Никогда раньше в Мельине не слыхали ни о чём подобном. Император мог ожидать стаи бродячих псов, обычных спутников войны, разорения и бедствий, но здесь были именно волки, и ошибки допустить он не мог. Вой заставлял мельинского правителя то и дело стискивать рукоять меча.

Однако позади оставалась лига за лигой снежной пустыни, к вою путники мало-помалу привыкли, а в конце концов им всё-таки повезло. В одном из покинутых сторожевых постов они разжились несколькими старыми и драными легионерскими плащами, на которые не

позарились даже воры (не поленившиеся притом отвинтить от стен тяжёлые масляные лампы!). Стало чуточку легче. На тракт выбрались к вечеру, голодные и смертельно замёрзшие.

Некогда Поясной тракт вёл далеко на запад, соединяя удалённые части Империи. Теперь он упирался в Разлом, через который так и не удалось перебросить ни одного моста. Раньше здесь помещался главный лагерь Семнадцатого легиона, настоящий военный городок, обнесённый внушительной крепостной стеной. Многочисленные казармы, склады провианта, колодцы, арсеналы, лечебницы и так далее. Разумеется, лагерь располагался на некотором удалении от Разлома; однако, уныло глядя на нетронутое снежное покрывало, Император понимал, что и этот лагерь скорее всего покинут. На миг правителя кольнуло жуткое чувство: что, если какая-то неведомая магическая катастрофа смела с лица земли всех живых? Что, если во всей бывшей Мельинской Империи не осталось вообще ни единого человека?.. Что, если волки...

– Тайде... ты понимаешь, я...

– Гвин, не беспокойся. Живые есть. Я чувствую их. Они только ушли подальше от этих мест.

– Но почему, почему? Как они могли оставить Разлом без охраны?!

– Мы шли вдоль него весь день. Ты заметил хоть одного монстра, появившегося из него? Снег нетронут. Уже много дней. Может, они были не так уж неправы?

– Ну, хорошо, – проворчал Император. – Они могли отвести главные силы легионов. Но бросить такую вещь вообще без всякого надзора? Даже без конных патрулей? Немыслимо. Ни один военачальник в здравом уме и твёрдой памяти на такое не пойдёт.

– Может, у них всё же нашлись дела более срочные? – осторожно предположила Тайде. – Те же волки, например?

– Волки? Ты что-то чувствуешь?

Сеамни покачала головой.

– Пока нет. Слишком далеко. Но это не обычные звери, готова поклясться.

Император угрюмо промолчал.

Они добрались до лагеря. Некогда тщательно отстраиваемая крепостица имела жалкий вид. Двор замело снегом, ворота застыли жалобно-распахнутыми, окна казарм выбиты, двери сорваны с петель, крыши кое-где просели. Разор, заброс, опустошение.

Тем не менее здесь путникам повезло больше. Разграблены оказались не все кладовые. Нашлась тёплая одежда, овчинные куртки легионеров, сапоги, рубахи и так далее. В провиантской среди обвалившихся стропил Император раздобыл бочку солонины и бочку же сухарей, не тронутых крысами, новыми хозяевами этих мест. Удалось разжечь очаг, натопить снега и наконец-то поесть горячего. Тайде, казалось, вот-вот замурлыкает, пригревшись у тёплой печи.

Император решил не торопиться. Разлом действительно дремлет (или же старательно прикидывается спящим). Пока это так, здесь они в относительной безопасности. Слепо рваться сломя голову вперёд им никак нельзя. Никто не может сказать, что же именно стряслось в Мельине. Нельзя исключить, например, и дворцовый переворот. Конечно, на два барона всегда приходится не меньше трёх мнений и четырёх кандидатов на престол; тем не менее глупо совсем уж сбрасывать со счетов такую возможность.

Всю ночь над крышами выл ветер, швырялся в стены снежной трухой. В унисон ему выводили свою песню волки, и отдалённый ненавидящий вой проникал сквозь все преграды.

Наутро путники с трудом отвалили занесённую чуть ли не до половины дверь.

Теперь они шли уже не как жалкие бежане. В арсенале нашлось кой-какое оружие: Император с удовольствием забросил за спину тяжёлый пехотный арбалет, Сеамни,

несмотря на протесты спутника, повесила на плечо длинный лук, нацепила на пояс мигом оттянувший его широкий тесак.

Они двинулись на восток по Поясному тракту; сперва снег оставался девственно-чистым, никаких следов, ни человеческих, ни звериных. Однако путники не миновали и лиги, как поперёк дороги легла настоящая звериная тропа, широкая и утоптанная. Здесь прошёл не один зверь и не одна волчица-мать с детёнышами. Десятки, если не сотни лап оставили отпечатки на снегу, и ничьи иные следы не дерзнули лечь рядом с путём новых хозяев этих мест – и притом отпечатки выглядели куда крупнее обычных волчьих следов.

Идти оказалось нелегко. В былые годы деревенским старостам вменялось в обязанность содержать санные пути в порядке; здесь этим заниматься стало явно некому. Высокому Императору снег доходил до колен, а Тайде – чуть ли не до середины бедра. Впрочем, теперь правитель Мельина едва ли стал бы укорять тиунов и посадских за нерадение. С такими зверюшками, рыщущими по окрестностям, люди хорошо если могли отсидеться за крепкими стенами.

До вечера путь ещё трижды пересекли такие же широкие и уверенные волчьи тропы. Твари явно чувствовали себя в безопасности.

Живой городок показался только к темноте, когда истаивал третий день Императора и Сеамни в их родном мире. Местечко Севадо некогда если и не преуспевало, то, во всяком случае, вполне сводило концы с концами; однако после появления Разлома городок начал стремительно пустеть. Последние обитатели держались только военной дорогой, тем, что через городок шли перебрасываемые к Разлому легионы, скакали гонцы, двигались обозы с припасами. В Севадо как-то сама собой возникла тыловая база армии, державшей оборону вала. Это помогло просуществовать ещё какое-то время; но потом он, Император, очертя голову шагнул в Разлом, а его светлость граф Тарвус предпочёл отвести легионы. Неудивительно, что при таких делах Севадо ожидал только полный упадок.

К несказанной радости Императора и Тайде, в бойнице надвратной башни города горел слабый огонёк. Видно было, что службу тут несут отнюдь не по уставу, требовавшему «чтобы перед воротами освещено было всё на тридцать сажений вправо и влево», но и этот огонёк обнадеживал.

Ворота оказались заперты – хвала силам вечным и заповедным, тут, по крайней мере, были люди, чтобы задвинуть засов изнутри.

Император громко постучал оголовком меча.

Ответа пришлось ждать довольно долго. Наконец окошечко со скрипом приоткрылось и старческий голос прошамкал:

– Кого там на ночь глядя нешёт?

– Императора! – последовал резкий ответ.

– Ашь? Чегошь? – растерялись за окошечком.

– Император у ворот, ты, развалина старая! – теряя терпение, заорал правитель Мельина. – Отворяй, и получишь награду. Твой повелитель вернулся!

– Вернулшя? Гошударь-анператор? – старик-караульщик, похоже, не верил своим ушам. – Голош-то похош... ох, похош... Погодь-ка, факелом пошвечу...

Император молча стоял, подняв забрало шлема, пока старик «шветил» факелом.

– Охти, охти мне... – запричитал караульщик, едва только рассмотрел лицо путника. – Как ешть он, как ешть... шейчаш, милоштивец, шейчаш отопру... не гневайшя на дурака штарого, шделаи милошть... Я ж ышшо батюшке твоему шлужил...

– Я не гневаюсь, мой верный воин, – отрывисто ответил Император. – Ты исполнял свой долг. Сейчас же – отопри и позволь нам войти.

– Шейчаш, шейчаш...

В караулке оказалось тепло, сухо и уютно. Старик-стражник, седой отставной легионер с красноватым, обветренным лицом, на котором резко белели многочисленные шрамы и рубцы, провёл путников внутрь, непрерывно кланяясь и шепелявя извинения.

– Перестань просить прощения, честный страж, – Император коснулся стариковского плеча. – Расскажи лучше, что делается в Империи?

Из угла блестели громадные глаза Тайде.

– Што деетшя, мой анператор? Ражор деетшя, вот што... Ражор и ошкудение... А от волков шпашения шовшем не штало...

И вот что узнал Император:

...Граф Тарвус вместе с командиром Первого легиона Клавдием бились изо всех сил, стараясь удержать вместе распадающуюся, словно карточный домик, страну. И было отчего – едва расползся слух об исчезновении законного правителя, как всюду гнойными язвами вспухли мятежи. Бароны бросились сводить счёты друг с другом и с императорской властью.

Однако главная угроза надвинулась, конечно же, из-за Селинова Вала. Давно отложившиеся провинции, ныне вольные да гордые королевства с княжествами (а в тех королевствах от границы до границы – день доброй скачки, коней, само собой, меняя), полезли через рубеж, точно муравьи на пададь. Урвать! Хоть немного землицы, а урвать! Селинов-то Вал не по-простому насыпан, проведен по хоть и невысокому, а водоразделу, так что наиболее плодородные речные земли долины остались всё-таки к западу от него, в имперских руках. Селинов Вал держали помимо прочих ещё и орки, наделённые там землёй из выморочных баронских владений: то есть тех владений, чьи хозяева имели глупость ввязаться в мятеж против Императора.

Тарвусу пришлось снимать легионы – да что там легионы! Отдельные когорты и центурии! – со второстепенных направлений, перебрасывая их на Селинов Вал. В какой-то степени это помогло, да не до конца. Разлом затишел и улёгся, однако не затишили и не улёглись другие.

Много кораблей бороздит Внутренние Моря, всяких глаз на них хватает: иные, добрые да тороватые, ищут, где честно купить да с прибытком продать, а иные – только б углядеть, что где плохо лежит.

И углядели, само собой, быстро – что наряжённые в береговую охрану легионы уходят, оставляя одних только зелёных новичков да стариков, дослуживающих последние годки и пестующих тех же новобранцев. И, само собой, незваные гости не заставили себя ждать. Как водится, явились на готовенькое.

Пираты. Всякой твари по паре. И большие буканьерские ватаги, настоящие флотилии, по сотне кораблей, и пиннас, и галеасов, и галер; и малые шайки на таких лоханках, что в былые времена поостереглись бы даже отплывать от своего поганого берега; и бродячие маги, прослышавшие, что Радуга повергнута в прах и нескоро ещё поднимется, если вообще возмогнёт; и совсем невиданные чуды, именуемые мастерами зверей, у которых на галерах не рабы кандалные – могучие лесные обезьяны сидят, ручные звери-тигры вместо охраны да всякий прочий страх.

Император слушал витиеватую старческую речь, не прерывая. Всё понятно. Хозяин из дому – крысам праздник.

...Пираты высадились во многих местах. Отбитые в двух или трёх, в десяти других они и в самом деле, как крысы, не боясь никого и ничего, лезли вглубь от побережья, подчистую выметая деревни и малые городки, что не в силах были оказать сопротивление. Пиратов интересовал прежде всего живой товар; ну, и от всего остального они тоже не отказывались.

Какие именно городки и местечки разграбили находники, старик точно не знал. Только и говорил, что, мол, много. Тарвусу пришлось опять объявлять набор, а истощённые войной коренные имперские земли, между Мельином и Северным трактом, рекрутов слали уже

неохотно. Последние соки из земли высосешь – кто потом поднимать станет? Но всё-таки ещё один легион набрался. Бросили его на юг, на самое взморье; и, говорят, бьются мальчишки там что ни день, то всё злее и злее.

Но и этого оказалось мало. Тише воды, ниже травы сидели гномы в своих Диких Горах, Каменный Престол не оправился ещё от разгрома под Мельином и потери целого войска. А тут, как только обезлюдели пограничные лагеря, гномы – то сотня топоров, то тысяча – стали появляться на поверхности. И тоже – хватать людей в полон, чего не помнили никакие, даже самые древние старики. Ни в каких преданиях о таком не говорилось. Зачем гномам пленники, никто не знал; молва решила – наверное, им там под землёй тоже несладко, рук, чай, не хватает, вот и потянули уже и человеков.

А за гномами торопились взять своё и другие. Дикие горные тролли; огры; мелкие гоблины зашевелились, целыми ордами стараясь прорваться на юг мимо западных имперских рубежей; и все кому не лень занялись охотой за рабами. Раб стал донельзя ценен, раб вдруг стал необходим.

– А что Вольные и Дану? – отрывисто спросил Император.

Но о них старик-привратник ничего не слышал. Вроде б выходило так, что ни от тех, ни от других беды пока не приспело.

– И от волков, говоришь, спасения не стало?

– Не штало, милоштивец, гошударь-анператор, не штало. Штаями по шотне голов бегают, людей дерут, и говорят, што ведёт их колдовшкая шила...

– А сам ты их видел, воин?

– В поле-то нет, повелитель, не видел, а то б не шидел бы тут. А отшель, шереж окошко – как не видать. Жуткие твари, гошударь, ну да про то голова рашшкажет лучше моего. Хорошо ещё, что летать не умеют.

– Ладно, – сквозь зубы процедил Император. – А в столице? В Мельине – что слышно?

Слухами, конечно, земля полнится, но не на сей раз. Старик не рассказал ничего особенного, кроме лишь того, что Тарвус вроде бы продолжает восстанавливать город, тем более, что пленные гномы, от которых отказался Каменный Престол, назвав предателями, трудились с отменным усердием.

Старик, наконец, выговорился. Ещё шамкал с усилием беззубым ртом, преданно глядя на невесть откуда вынырнувшего в ночной тьме властелина. Смотрел, смотрел – и вдруг спохватился:

– Гошподин... надо ш тебя к штаршему швешти. К голове городшкому али кому бышло...

– Веди к голове, – кивнул Император.

Севадского голову вытащили из тёплой постели. За малостью городка тут не было совета, обходились одним головой. Старый, тучный, краснолицый, голова некогда был лихим конником, ходил ещё под стягами прошлого Императора, отличился раз, другой, дорос до сотника и после двух с половиной десятков лет безупречной службы получил отставку и осел здесь, в родном городке, откуда много-много вёсен назад румяный, богатырского вида парень ушёл следом за имперскими вербовщиками.

Он знал Императора в лицо. Знал также и то, что Большая Императорская Печать передана графу Тарвусу и Клавдию, теперь уже – консулу и командиру Первого легиона.

На прощание Император сунул пригоршню спешно вытребованных у головы монет в трясущиеся жёсткие ладони старика-караульщика.

Некогда дом у головы был, что называется, полная чаша. В те времена, когда Полуленным трактом сплошным потоком двигались караваны, окрестные поля щедро родили, в недалних холмах добывали мел и белый известковый камень, а в самом городке давили

масло, варили пиво, пекли хлеб, мяли кожи, шили упряжь, ладили башмаки с сапогами и вообще занимались всеми обычными людскими промыслами.

Так было до той поры, пока не началась война с Радугой. И пока не появился Разлом.

Признаки оскудения видны были повсюду. Прохудилось одно, обветшало другое, обшарпалось третье. Голова перехватил взгляд Императора: на потолке расплывалось зловонное жёлтое пятно протечки, крышу починили худо, а перекрывать денег не было – и густо покраснел от стыда.

– Прощения просим, мой Император, обеднел люд-то у нас, податей не собрать, всё его светлости Тарвусу отправляем, себе-то, почитай, ничего и не остаётся.

– Вижу, – отрывисто сказал Император. – А что, бежит народ-то?

– Бежит, – вздохнул голова. – А что ему, народишку-то, делать? Промыслить теперь ничего не можно, торговли никакой, карьеры забросили, гости через нас не ездят, легионы – и те ушли. Вот и разбегаются все кто куда горазд. Едва ли четверть осталась от прежнего числа. Ну да я все ревизские сказки вовремя сдаю, мой Император... Желаете отчёт принять?

– Оставь, – махнул рукой Император. – Хочу тебе спасибо сказать, что город всё же держишь. Караульщик у ворот ночью сидел, как положено... Расскажи мне, что в Империи творится. Вкратце, по слухам... мне уже поведали. Но то был старик-дозорный, а мне надо...

– Повиновение Императору, – и голова, донельзя счастливый, что может вести речь не о недоимках и недородах, а о делах, достойных мужа, сиречь о битвах и войнах, заговорил.

Оказалось, что дед-караульщик если в чём и ошибался, так это в незначительных мелочах. Пираты действительно уже не «пошаливали», а дочиства выметали побережье от полуденного острия Пенного Клинка до башни Солей. И мало того, что выметали, – пытались укрепиться, создать свои разбойничьи анклавы, действуя не только силой, но и хитростью – измученным набегам и хаосом поселянам и горожанам они обещали покой, защиту, мир, если только те повернутся спиной к Империи и помогут находникам закрепиться здесь.

– А кое-где и закрепились, как я слышал, – сипел в ухо Императору голова. – Не менее как в семи местах... – и он перечислял названия приморских рыбацких местечек, особенно страдавших от морской вольницы.

– Что на востоке?

Голова потупился.

– Последние вести пришли, перехлестнули они через Вал. Теперь за них бьёмся, но, мой Император, сами помните – степи там ровные, что твоя тарелка, есть где ихней коннице разгуляться...

– Тарвус и Клавдий?

– Оба там, мой Император.

– Отлично, – холодно сказал правитель Мельина. – Дашь мне поутру эскорт до столицы.

– Всё будет исполнено. Хотя... волки, мой Император... угроза, которой нельзя пренебрегать...

– Ну и что? – Император прожёл взглядом враз вспотевшего голову. – У тебя же нет под рукой полной когорты панцирников, что обеспечили бы мне безопасность? Значит, обойдёмся теми, кто есть. Сорвиголовы, надеюсь, у тебя ещё остались?

– Так точно, остались, государь.

– Отлично, – повторил Император. – А теперь самый главный вопрос, голова: что с Радугой? Ты много говорил о том, кто и где бьётся, но о магиях ни слова не сказал.

Голова снова потупился.

– Что ж про них говорить, повелитель... Стихли они. Как твоя милость им задницу-то надрала... ох, простите великодушно старика, не привык изячным слогом изъясняться...

– Ничего, ничего. Говори, как думаешь, – подбодрил собеседника Император. – Так что с ними случилось?

– Стихи, словно как и не было их, – пояснил голова. – Тише воды, ниже травы. Им бы вылезти, особенно после того, как твоя милость... пропали, в общем. Ан нет. Головы не подняли. У нас тут в городе своих магиков-то нет, обходимся... знахари да ведуны, те, что искусство от отца к сыну альбо от бабки к внучке передавали – они да, проявились. Дождик там вызвать или жуков-тлей поморить – это у них получается. И, по правде сказать, нам иного не требуется. Ну, кроме как болести лечить, конечно. Мы люди простые; нам бы день прожить – и слава Спасителю.

Ну, конечно. Как он мог забыть?

– А Церковь? Иерархи чего?

– Опосля битвы под Мельином, когда они все твердили, что вот-вот конец света наступит, – хохотнул голова, – народ над ними смеялся немало. Мол, сели голым гузном на ежа преподобные отцы. Люди рассказывали, кое-где даже храмы позакрывались, многие отцы святые в побег ушли. У нас, правда, не так. И в лучшие-то времена только одна церковь и имела, а незадолго до беды преставился старый наш отец Никодимус, нового нам прислали. Отец Августин хоть и молод, а к службе рьян, и слово поучения у него всегда найдётся, и слово утешения. Опять же, мелкая магия ему удаётся – как правило, если ребёнок заболит или женщина от тяжести разрешиться не может. Худого про него не скажу. И народ над ним не смеялся. И почтение к вере сохранил. Я так мыслю – по нынешним временам это дорогого стоит.

Император кивнул. Ну что ж, всему нашлось своё объяснение. Он ожидал худшего – большой баронской войны, нашествия из-за моря... а так – справимся. Не можем не справиться. Что через Селинов Вал перебрались – тоже не беда. Войск там немного, а сам вал – сотни лиг. К каждому зубцу по стрелку не приставишь. Так что пусть идут. Мужиков пожгут, пограбят – так оно даже и к лучшему. Если народ поднимется – так, быть может, и никаких легионов не понадобится. Сами находников в клочья разорвут.

– Ну так а всё-таки, что за истории с волками, голова? Мы сюда шли – вой слышали. Потом караульщик твой... Что за новая напасть? Не из Разлома?

– Никак нет, государь. Явились с началом зимы сразу со всех сторон, словно в лесах позародившись. И сладу никакого нет. На них не охотников с флажками, а тяжёлые когорты посылать. Обычного человека, даже если с копьём, в клочья разорвут за секунду. Ворота у нас и день и ночь заперты. Люди только немалыми ватагами путешествовать дерзают. Несколько тварей мы подстрелили – ужас да и только. Против обычного волка больше, пожалуй, вдвое.

Император только скрипнул зубами. Всё равно, сказал он себе. Мы справимся. Не можем не справиться. Потому что мы – люди.

И только большие чёрные глаза Тайде смотрели на него с болью и страхом. Она-то знала, что *можем и не справиться. Даже больше – только чудо поможет нам справиться.*

Разумеется, беда не приходила одна. Вместе с военной грозой на Империю ополчились и стихии. Ураганы сменялись землетрясениями, штормы – грозowymi бурями, и разящие молнии оставляли после себя щедрые россыпи пожаров. Выслушав это, Тайде встрепенулась, пробормотав себе под нос что-то вроде «Хранители?...»²

...Наутро они выступили в дорогу. Несмотря на волчью угрозу, задерживаться Император не мог. Голова послал эскорт, какой смог собрать «по скудным временам нынешним» – шестеро юношей из того, что можно было б назвать местным «благородным сословием».

² Быть может, результат действия заклятья Клары Хюммель? (см. «Странствия Мага», т.1, стр. 266)

Мальчишки были скверно одеты и ещё хуже вооружены; в иные времена Император не спустил бы голове подобного небрежения, но сейчас – ладно.

Оставалось надеяться, что они окажутся именно теми сорвиголовами, которых Император и потребовал у севадского «градоначальника».

На боку у одного из пареньков висел старинный витой рог, оправленный в потемневшее серебро. Священная особа правителя Мельинской Империи не может путешествовать без герольда, оповещающего благородных нобилей о приближении его императорского величества.

Теперь они уже не тащились пешком – ехали верхами. Пустынный Поясной тракт, лишь чуть-чуть тронутый полозьями саней, покрытые снегом чёрные ели по обе стороны дороги – и ничего живого. Вчера голова говорил, что из здешних мест подчистую ушли все звери и птицы.

Все, кроме волков.

– Гвин... – прошелестел голос Тайде. Дану за вчерашний вечер не проронила ни единого слова, просидела, забившись в угол, словно приволочённая из лесу полонянка, а не официальная, всем известная наложница Императора.

– Да, Тайде? Тебе было плохо вчера?

– Большая беда, Гвин, большая беда, а хуже всего то, что я не могу понять, откуда она грянет. – За ночь щёки Сеамни ввалились, глаза покраснели, словно она их так и не сомкнула. – Я стараюсь понять, но пока не получается. Прости...

– Пираты? Мятежники? Нелюдь? Волки? – отрывисто бросил правитель Мельина.

– Нет, – губы Видящей народа Дану едва шевельнулись. – Большая беда, а никакого чёткого источника. Откуда идёт, почему, отчего... я от этого вся больная становлюсь.

– Могу себе представить, – проворчал Император. – Знать – и в то же время *не знать* ...

– Но я стараюсь, – глаза Сеамни непреклонно сверкнули. – Я узнаю. Только... только в себя приду.

– Не сомневаюсь, моя Тайде, – рука Императора коснулась выбившихся из-под мехового капора иссиня-чёрных волос, а про себя подумал – неужели Разлом? Неужели всё-таки Разлом?.. А рядом с ним ни одного legionera. Тут невольно порадуешься и тому, что людей вблизи от Разлома тоже не осталось.

Маленький отряд горячил коней, торопясь как можно скорее добраться до развалин Мельина, где по-прежнему билось сердце тяжело раненной Империи. Сердце билось, но перебои следовали всё чаще и чаще.

Глава пятая

Междумирье. Долина магов

Ласково солнце Долины. То есть, конечно, это не настоящее солнце, не из тех, что согревают бесчисленные миры Упорядоченного. Тысячи лет назад по собственному счёту Долины, годы, дни, минуты или даже секунды по счёту различных миров Упорядоченного, – ибо неодинаково течение Великой Реки Времени, – тысячи лет назад по счёту Долины Учителя-Основатели отделили этот участок Межреальности от остального пространства и обратили его в подобие маленького мира. Они дали ему солнце, поместили его на созданный их стараниями небесный свод с отражениями звёзд; они подъяли горы, окружив Долину широким полукольцом; взрастили на горных склонах леса, очертили ложе круглого озера; со скальных круч, сами собой находя дорогу, побежали говорливые ручейки, на вершинах гор сгустились снеговые шапки. Вокруг озера легли плодородные земли, много земель; они тянулись на несколько дней пути и теперь там жили арендаторы, усердным трудом вновь и вновь подтверждая своё право жить в этом благословенном месте. Диковинные кусты, травы и деревья из самых дальних и удивительных миров распустили свои листья под тёплым небом Долины; крошечный мирок магов и чародеев расцвёл, словно бутон удивительного цветка под заботливыми руками опытного садовника.

Учителя собрали здесь первых магов Долины. Тогда – всего лишь испуганных, ничего не понимающих людей, в которых Наставники почувствовали искру таланта к магии. Ученики попадали сюда разными путями. Самых первых Учителя подбирали сами. Затем за дело принялись уже кое-что освоившие ученики.

Следом за будущими магами шли те, кому предстояло заботиться о Долине. Те, кому предназначалось идти за плугом, мостить дороги и строить мосты, возводить дома и дворцы, шить платья и мастерить башмаки, ковать лемеха с подковами и следить за порядком. Шли обычные люди (и нелюди), уставшие, измученные тяжкой, зачастую страшной жизнью в их родных мирах. Шли, поверив словам странных бродячих проповедников о том, что есть такое место, где всем безземельным достанется обширный надел, всем мастерам, примученным гнётом мытаря, – свобода работать и кормиться трудом собственных рук, книжникам и многознатцам – свобода вольнодумства и необъятные библиотеки, которым потребуется их внимание.

Шли и воины – уставшие от лжи и мздоимства дурных командиров, от того, что приходится сражаться не за правое дело; им обещали веселую жизнь, славную охоту и честные бои с отвратными тварями, куда хуже каких-нибудь простых и честных хищников, убивающих только ради своего пропитания.

Мало-помалу Долина наполнялась обитателями. Поднимались стены Академии, где будущим чародеям предстояло постигать премудрости чародейской науки; воздвиглись выдвинутые далеко вперёд, почти к самым границам Междумирья, сторожевые башни и опорные редюиты. Счастливые арендаторы распахивали плодородную зябь, складывали срубы, заводили скотину; жизнь постепенно налаживалась.

Рядом с людьми селились другие существа. Маги-Основатели строго следили за порядком; отряды воинов пристально наблюдали и за поселенцами, и друг за другом – никто не должен был захватить власть в Долине, опираясь на вооружённую силу. Не могло быть места розни и кровным распрям. Гоблинам не дали бы вцепиться в глотку людям, а оркам задраться с эльфами.

Отцы-Основатели выбирали долго и придирчиво. Миров великое множество, немало и тех, в ком ярко горит искра магического таланта, но им, Истинным, требовалось не только это. Они чувствовали, знали, что их время уходит. На смену уже спешило новое Поколение.

Другое, нежели они. Сильное, свирепое, упорное. Оно умело искать наслаждение в грохоте сражений, обретать радость в борьбе за власть, ликовать при виде поверженного противника.

Старым хозяевам Замка Всех Древних настало время уходить. Они знали и спокойно ждали – нет, не конца, но великой трансформы, как то благоугодно будет свершить Хозяевам Сущего. Всё, что хотели уходящие Великие маги, – это оставить по себе память. Накопленные знания не должны сгинуть бесследно. Молодые расы и народы не должны захлебываться кровью, в смертельной борьбе отвоевывая себе жизненное пространство.

Так возникала Долина.

Четверо Отцов-Основателей в летописях Долины так и остались безымянными. Они не стремились к славе. Увековечивалось дело, не имя. Они стали первыми наставниками, они оставили богатейшие библиотеки на всех ведомых им языках; они учили первые несколько сотен самых способных, самых талантливых учеников, кому предстояло составить костяк будущего ордена смертных магов.

Им предстояло жить долго, очень долго, десятки столетий, потому что мудрость Вселенной бесконечна, и множество человеческих жизней потребны, чтобы познать хоть малую её толику. Им предстояло учить новых магов, старательно искать по мирам наделённых талантом и способностью вливать в себя потоки незримой мощи, из века в век струящиеся сквозь плоть бесчисленных миров. Им предстояло сражаться с чудовищами и безумными колдунами, усмирять возомнивших о себе местных божков, лечить, строить, учить, украшать жизнь и показывать людям дорогу к лучшей жизни из пропастей беспросветного отчаяния и нужды. Так мыслили Предтечи, Отцы-Основатели.

Они предусмотрительно не оставили в архивах Замка Всех Древних никаких упоминаний о созданной ими Долине. И она благополучно пережила оба Восстания Ракота, Владыки Тьмы, а затем – и успешный мятеж Хедина, его Великого брата, не исключая и прорыв Неназываемого.

Новые Боги воцарились в Упорядоченном, и только тогда они с некоторым неприятным удивлением обнаружили буквально у себя под носом творение Древнего Поколения, своих собственных предшественников. Именно тогда в Долине и появился молодо выглядевший человек, прирожденный воин, со временем, однако, превратившийся в почтенного и уважаемого мэтра Динтру, всем известного целителя...

Но это ещё случится очень нескоро, а пока – собранные из многих миров будущие маги и чародейки старательно постигали колдовскую науку; среди них оказался и не обделённый ни талантом, ни упорством, ни настойчивостью юноша по имени Игнациус.

У него была особая судьба, отличная от всех прочих, собранных Наставниками в Долину. Как уже было сказано, время течёт с неодинаковой скоростью в разных частях Упорядоченного. А в мгновения грандиозных магических битв, что порой сотрясали всё Сущее, волны Великой Реки могли действительно разгуляться. Тем более, если в Упорядоченном гремело Первое Восстание Ракота, Владыки Тьмы, Ракота Могущественного, почитаемого его сторонниками непобедимым. Молодые Боги как могли боролись с Восставшим.³ Иногда – весьма и весьма крутыми методами.

Губитель.⁴ Страшное, не знающее отказа оружие Молодых Богов, способное в одиночку обратить во прах целый мир. Очень и очень ценное оружие. Его берегут и ему тщательно подбирают соответствующую цель – ни в коем случае нельзя допустить, к примеру, чтобы Губитель столкнулся в бою с самим Ракотом Яростным. Поэтому на долю могущественной сущности, сотворённой Молодыми Богами (да так, что они и сами потом оказались не в силах повторить свой собственный шедевр) выпало другое – вырывать из Упорядочен-

³ Подробнее см. романы «Гибель Богов» и «Воин Великой Тьмы».

⁴ О Губителе и Возрождающей см. роман «Земля без радости».

ного целые миры, *мятежные* миры, готовые поддержать рати Ракота. Так однажды Губитель пришёл и в ничем не примечательный мирок, в котором выпало несчастье родиться будущему Архимагу Игнациусу.

...Тот день Игнациус запомнил навсегда. Худощавый подросток, живший с родителями, целой оравой братьев и сестёр в скромной хижине приписного серва-углежого. Угодья Великого Дона (в иных мирах его называли бы графом или даже герцогом) тянулись на много дней пути вдоль богатых лесом и дичью предгорий. Влекомые медлительными ящерами (родной мир Игнациуса не знал лошадей), от деревни к деревне тащились тележки сборщиков податей. Сервы трудились на арендованной земле, обязанные господам немалыми оброками. Жизнь, как и повсюду, была тяжела. Утешением служила только вера.

Когда-то давно, говорили жрецы, мир был очень зол и несправедлив. Куда хуже, чем есть сейчас. Молодые Боги, владыки Сущего, не прислушивались к людским молитвам, не внимали их горестям и бедам. Лорды и властители почём зря тянули последние соки из тягловых сословий. Мало того – в капищах Молодых Богов свершались отвратительные обряды, ибо по приходу в мир были этими Богами опрокинуты и повергнуты Боги Старые, милостивые к людям, часто спускавшиеся на землю и неузнанными бродившие по дорогам, чтобы самим всё увидеть и всё узнать.

Но не вечна тирания, не скованы ещё цепи, которые не разорвал бы тот, кто угнетён, принижен, обобран и обманут, говорили жрецы. Ибо жили в высоких надзвёздных сферах Истинные маги. Среди них нашёлся тот, кто восстал против безжалостных Богов-узурпаторов. Имя смельчаку – Ракот, Владыка Тьмы. И с тех пор неустрашимо бьётся он с неисчислимыми ратями Молодых Богов. Уже стала легче жизнь простого люда. В былые времена, когда сооружались исполинские города и капища, посвящённые Молодым Богам, не только оброк платили трудолюбивые поселяне. Тяжкой барщиной угнетали их управители, заставляя рыть каналы, прокладывать ненужные торговле дороги, рубить в дальних горах громадные каменные блоки, из которых сооружались циклопические пирамиды, с которых лживые служители Молодых Богов взывали к своим властителям. Трудно жилось тогда. Голод, болезни, хищные звери собирали обильную жатву в человеческих селениях.

Не так обстоит дело сейчас, говорили жрецы, и пахари согласно кивали головами. Оброки хоть и тяжки, но всё же посильны. Жрецы Ракота-Заступника принесли знания о болезнях, эпидемии отступили. А Великие Доны за всё это обязались службой бесстрашному Ракоту, и доблестно сражаются в рядах его воинства, и уже недалеко победа, а тогда жизнь станет и вовсе райской – никто не будет страдать от бедности и даже последний земледelec сможет иметь не меньше трёх рабов.

Так говорили жрецы Ракота. Впрочем, шёпотом сервы рассказывали друг другу также и иное. Время от времени то тут, то там появлялись странные безумные проповедники, клявшие Заступника и грозившие страшными карами всем, кто не отречётся от Восставшего. Иные Великие Доны гнали непонятных посланцев, иные предавали их огню, а иные, случалось, и прислушивались... Но простых людей эти вещи не касались. Пусть лорды и доны верят во что хотят. Наше дело маленькое – день-набекрень да ночь-перемочь. Наше дело простое – брёвна да уголь, грузы да возы, а о всём прочем пусть владыки думают. Мы им за это десятину платим.

Игнациус был смышлёным мальчишкой, точнее, уже подростком. Ему как-то всё время удавалось устроить так, что работы выпадало поменьше, а та, что выпадала, делалась легко, точно играючи. Удача сама как будто шла ему в руки. Единственному из семьи, ему хорошо давалась сложная храмовая грамота. Жрецы даже поговаривали, что парню светит отправиться в храмовую школу и ждёт его ни много ни мало, как малохлопотная и многоприбыльная должность сборщика податей. Вся семья день и ночь молила небеса о ниспослании такой благодати. Участь сборщика была поистине достойна зависти. Никто в точности

не знал, сколько исчислит мытарь. Кому-то может и скинуть, а кому-то и набавит – Великий Дон высоко, жаловаться на мытаря некому. Только сам Дон может покарать сборщика за мздоимство или иной грех, как воровство, к примеру. Но если кто-то рискнёт тронуть мытаря... Дружина Дона на тяжелых бехимотах, одетых в пластинчатую косяную броню, медленно и неторопливо сотрёт с лица земли всё поселение. Земли будут розданы другим – купленные с рынков рабы будут счастливы получить лачугу, дело и клочок земли.

И потому мытарей боялись. Если же сборщик оказывался, что называется, «честным», то его благославляли всей деревней, а семья его окружалась небывалым почётом.

...В тот день Игнациус вернулся домой окрылённым – младший жрец милостиво принял подношение, ещё раз похвалил старание парнишки и ещё раз заверил, что, *очень может быть*, Игнациус действительно попадёт в заветную школу. Это оказалось бы очень кстати, семья наделала долгов, на приношения храму пришлось пустить долгим трудом скапливаемое приданое старших дочерей. Если Игнациус не попадёт в школу и не станет мытарем... об этом лучше было и не думать.

Игнациус был долговязым, худым подростком с соломенными растрёпанными волосами и большими плоскими ступнями. Из-за ступней он не мог ни бегать, ни особо долго ходить – ноги наливались мучительной тяжёлой болью. При таких делах лучше места сборщика податей для Великого Дона на самом деле ничего не придумаешь.

Он раскрыл дверь и уже приготовился крикнуть «Мама, а ты знаешь...», как в воздухе, высоко над головами, над кронами леса, послышался резкий, режущий свист. Игнациус увидел, как болезненно сморщилась мать, прижимая к ушам ладони, как скривилось личико младшей сестрёнки, словно она собиралась вот-вот заплакать. В следующий миг на их жалкую лачугу словно обрушился замах исполинской косы. Чудовищный клинок прорезал крышу и стропила, воздух загудел и застонал, перед глазами Игнациуса вспыхнула многоцветная завеса, и в следующий миг – миг, растянувшийся для него чуть ли не на столетие, – он увидел, как невидимое лезвие рассекло пополам мать, снесло голову сестрёнке – русая коса мотнулась в воздухе, сама детская головка, оставляя за собой шлейф багряных брызг, полетела в угол. Брызнули крошки кирпича от раздробленной печки; затем незримая секира прорубила стену хижины и понеслась дальше – крушить всё и вся во дворе – амбар, хлев, гумно, овин. Рушащаяся крыша немедля вспыхнула. Огонь голодным зверем метнулся по полу, стремительно охватывая всё, до чего мог дотянуться.

Надо отдать должное юному Игнациусу. Парень мигом сообразил, что уже не спасёт никого из домашних – крыша хижины оседала, всю трещало и гудело пламя, и кроме этого жуткого гуда не слышно было больше ничего – ни криков людей, ни, скажем, скворчания молочной ящеры или стрекота *анака* – сторожа.

Игнациус бросился наутёк. Однако даже в те мгновения наивысшей паники ум его работал с неожиданной холодностью и чёткостью. Он видел пылающую деревню; все дома, все сараи и так далее. Однако среди охваченных огнём лачуг живым оставался только он один; остальные словно погибли все в один миг.

Над головой вновь раздался знакомый уже страшный свист, и Игнациус ничком бросился наземь. Это спасло ему жизнь – незримая коса вновь миновала его, и, осмелившись поднять взгляд, он в оцепенении смотрел, как призрачное лезвие под корень сносит могучий вековой лес, испокон считавшийся гордостью округи. Оставшиеся после расправы широкие пни немедленно вспыхивали.

Подросток по имени Игнациус, как ни странно, при виде этого всеобщего разрушения и смерти тем не менее не растерялся. Он не ругался, не выл и не рыдал. Молча и сосредоточенно он бежал прочь от погибшей деревни, бежал одной-единственной оставшейся ему дорогой – к Храму. К Храму Ракота-Заступника, воздвигнутому не так уж давно даже по людским меркам – на памяти дедов Игнациуса.

...До храма оставалось ещё не меньше часа быстрым шагом, однако Игнациус уже видел густой столб чёрного дыма, поднимавшийся над лесом. Ясно было: туда пришёлся мощный удар, однако паренёк не остановился и не повернул назад. Сцепив зубы, он продолжал попеременно то бежать, то идти; навстречу ему на широкой храмовой дороге не попалось ни одного живого существа. Лес справа и слева пока ещё был цел, свист косы чудовищного косаря слышался где-то далеко за спиной.

На миг Игнациусу показалось, что высоко в небе он видит громадную призрачную фигуру чудовищного воина – с той самой косой в ручищах. Вот он замер, замахнулся – явно метя в притаившийся за лесом храм Ракота.

Игнациус оцепенел, впервые за сегодняшний страшный день. Он вырос, твёрдо веря, что Восставший силён, могуч, необорим; что его облачённые в плащ Мрака легионы идут от победы к победе, и не сегодня-завтра падут последние оплоты Молодых Богов, после чего...

Он, собственно говоря, не очень понимал, что же за распрекрасная жизнь наступит тогда. Наверное, уменьшится оброк, а пахари на самом деле получают рабов – из числа тех слуг Молодых Богов, что сдадутся и тяжёлым и честным трудом станут искупать свою вину. Игнациус не сомневался, что Храм Ракота не зря именуется Храмом Ракота-Заступника. Что же ты медлишь, Восставший, отчего не заступишься за верных своих слуг?

Храм горел, над его куполами и острыми чёрными шпилями поднимался густой дым, однако сдаваться без боя жрецы отнюдь не собирались. Оцепеневший паренёк увидел, как среди клубов огня и дыма сгустилось нечто вроде нацеленного ввысь чёрного копья. Резкая боль вспыхнула слева в груди Игнациуса, и в тот же миг копьё устремилось вверх, туда, где застыл посредине богатырского замаха призрачный воин Молодых Богов (а что он – от них, Игнациус не сомневался).

– Ну же! – завопил Игнациус, прижимая руки к груди. Как хотелось ему оказаться сейчас там, на площади храма среди алых куполов! Влиться в могучую силу жрецов, бьющихся с супостатом!.. И они не могут не победить!

Чёрное копьё пронзило воздух тёмным росчерком. Призрачный гигант, однако, казался лишь рад этому. Гротескное лицо исказило подобие жуткой усмешки. Свистнула исполинская коса, и оружие жрецов разлетелось облаком агатово-чёрных осколков.

Боль в груди заставила Игнациуса скорчиться, упасть на четвереньки. Мир вокруг него разламывался и погибал.

А потом призрачная коса завершила смертоносное полукружье, обрушившись на всё ещё пытавшийся сопротивляться храм. Жрецы его ещё успели поднять над шпилями нечто вроде тёмного щита, но коса Губителя играючи разнесла вдребезги ничтожную преграду. А потом оружие посланца Молодых Богов подрубило под основание самый высокий из храмовых шпилей, и тонкий силуэт подломился, разваливаясь нелепо и жалко, одновременно окутываясь клубящимся чадным пламенем...

Дальнейшего Игнациус не видел. Он просто бросился бежать в слепом и чёрном отчаянии, но – бежал он к храму, а не *от* него.

Боги, великие Боги, никогда не являвшие свои Лики бедному народу этой земли, прогневались. И решили спросить за всё сполна.

Дорога обежала поворот, лесистый холм, поросший змей-древом, остался позади, и Игнациус увидел то, что осталось от некогда гордого храма, владычествовавшего над окрестностями.

Обломками гнилых зубов торчали потемневшие остовы стен. Больше не уцелело ничего, внутренности храма, купола, всё прочее обратилось даже не в груды громогласящих обломков, а в лёгкую пыль. И из самой середины руин поднимался к небу столб жирного и густого дыма, хотя гореть в каменном храме было решительно нечему.

Игнациус остановился. Оцепенев, он смотрел на гибель могущественного храма; только что он бежал сюда, почти уверенный, что найдёт здесь спасение; и вот оказалось – спасения нет и сам храм стёрт с лица земли.

Обычному мальчишке, даже подростку, даже грамотному и обученному аж трём слоям азбуки, только и оставалось, что рухнуть наземь и завывать. А потом побрести куда глаза глядят, потому что привычной ему жизни больше не существовало.

Однако Игнациус никуда не побежал и даже не заплакал. Глаза его оставались сухи, отчего-то он никак не мог повернуться к храму спиной. Словно чувствовал – надо оставаться здесь... надо искать... Само собой, он не знал, что же именно ему следует искать – просто кружил вокруг извергающих непроглядный дым руин, кружил, кружил до тех пор, пока из дыма вдруг не вывалилась, задыхаясь и кашляя, жуткого вида фигура, когда-то явно бывшая человеком.

Жрец храма выжил явно чудом. Левой руки не было, плечо срезало начисто, словно громадной палаческой машиной для обезглавливания – Игнациус видел такие на картинах. На чудовищной ране вздулся черный пузырь запекшейся крови, мальчик подумал, что жрец наверняка пустил в ход какую-то магию, и мысль эта вновь была мыслью спокойного, хладнокровного и много повидавшего взрослого человека, а отнюдь не охваченного паникой подростка.

Тело жреца покрывало жуткое месиво из полусгоревшего одеяния, крови, грязи, обрывков каких-то листов, словно его вывалили в останках растерзанной библиотеки. Жреца шатало, однако глаза его сохранили ясность.

– А... т-ты тоже... м-молодец... – он едва выдавливал слова, точно пьяный. – Молодец, м-мальчик... всегда г-говорил – из т-тебя в-выйдет т-толк...

Свист над дальними верхушками леса. Игнациус, уже кинувшийся поддерживать жреца, и сам жрец повернули головы.

Стремительное, широкое – наверное, сто шагов в поперечнике – сверкающее кружение, в середине которого – пустота. Гибельный призрак мчался, свистя и завывая, в разные стороны летели срубленные вершины, а в обезглавленные стволы тотчас вцеплялся жадный огонь.

И вновь Игнациус прежде, чем понял, в чём же дело, успел броситься на землю, увлекая за собой раненого жреца. Чудовищное оружие врезалось в край холма, начисто снесло покрытую вековыми деревьями вершину и понеслось дальше, оставляя за собой широкую полосу пламени.

– Т-таких много... – шептал жрец, с усилием выталкивая из себя слова. – М-мы... уничтожили д-две... – голова бессильно упала на грудь, однако раненый сумел овладеть собой. – У-уходи о-отсюда... у-уходи, п-пока не п-поздно...

Очень ценный совет. Сами бы мы никак не догадались, зло подумал Игнациус.

Глаза жреца закатились, полураскрытые губы шептали что-то вроде «иди к алтарю, иди к алтарю...» Не колеблясь, юноша опустил раненого наземь и бестрепетно шагнул в клубящийся дым. Непонятно, что тут могло служить его источником, но, во всяком случае, открытого пламени Игнациус не видел. Глаза немилосердно щипало, паренёк едва дышал, однако упрямо брёл вперёд, действительно туда, где должен был находиться алтарь, посвящённый новому божеству Ракоту-Заступнику, так и не сумевшему, однако, заступиться за вставший на его сторону мир.

Двигаясь на ощупь, Игнациус на самом деле вскоре наткнулся на алтарь – куб из необработанного чёрного мрамора, доставленный откуда-то с северных гор. Пальцы юноши тотчас нащупали рассёкшие алтарь во всех направлениях глубокие трещины – сердце Храма выдержало первый удар врага, но устоять перед вторым шансов уже не имело. Тем не

менее Игнациус вцепился в края алтаря, словно утопающий в обломок мачты. Хотя какая-то надежда уцелеть...

Что делать дальше, мальчишка решительно не знал. Раненый жрец остался где-то снаружи, за пределами дымных стен (кстати, здесь, возле самого алтаря, и дышалось почему-то легче, словно и не рвались из-под самых ног жирные чёрные клубы).

То, что происходило с Игнациусом после этого, вообще не поддавалось никакому описанию. Его губы стали сами собой шептать слова – «открывайся, открывайся, открывайся...»; он повторял их на всех трёх выученных храмовых языках, или, как тут говорили, *речах*: Речи Проходящих, Речи Прислуживающих и Речи Вступающих; говорили, что есть ещё Четвёртая Речь – язык жрецов и пятая, особо тайная, для высших посвящённых, но их юноша, конечно, не знал.

Что он стремился открыть – Игнациус не знал. Было только одно – холодное и твёрдое понимание, что *отсюда надо убираться*, и вера, что есть тайная дверь, которую он *может* открыть. Он словно наяву видел: вот дрогнет каменный куб алтаря, неподъёмная громада сдвинется с места, открывая ему проход, залитый тёплой тьмой, там будут тишина и безопасность, покой – всё то, чего он был лишён.

...Боль родилась в темени, поползла вниз по своду черепа, достигла плеч, рук, всё дальше и дальше; боль коснулась камня, и алтарь, казалось, тоже застонал – вместе с гибнущим миром. Юноша увидел – словно птица из небесных высот – огромную картину: море лесов, ограниченное коричневыми горными хребтами, синие нити рек и голубые кругляши северных озёр. Кое-где виднелись игрушечные башенки городов и замков; впрочем, правильнее было бы сказать, что они не «виднелись», а «терялись» в дыму.

Дым был всюду. Длинные, на многие лиги хвосты, настоящие реки в небесах, нерассеивающиеся, словно умерли разом все ветры. Нигде не видно открытого огня. И нигде не видно врага.

Игнациус затрясся. От самого примитивного ужаса. Уйти, бежать отсюда, куда угодно, закрыв глаза!..

«Откройся, Эмдене, Пертеро!» – на всех трёх ведомых языках.

И куб вдруг поплыл. Сдвинулся с места. Игнациус едва удержался на ногах. Под алтарём действительно открылся проход; и юноша, в панике заслышав знакомый уже вой и свист за спиной, очертя голову кинулся в провал...

...И он падал, падал бесконечно, словно в кошмарном сне, когда нет сил проснуться. Чёрный дым сменился непроглядным мраком, непроглядный мрак – белесой мглой, в которой Игнациус плавал, точно рыба в воде. Правда, здесь он мог дышать.

– Хороший мальчик, – вдруг услышал он голос. Чей-то спокойный, довольный голос.

– Да, способный. Надо же, сумел открыть себе путь, – подтвердил второй голос, низкий, женский. – Мне кажется, надо брать.

– Кажется ей! У меня сомнений никаких нет! – заявил мужской голос. – Брать, немедленно!..

– Вот так оно всё и начиналось, Аглая, – тяжело закончил Архимаг. Заскрипело кресло под грузным костистым телом. На столе, аккуратно застеленном льняной скатертью с тонкой алой вышивкой, стыло нетронутое угощение, тётушка Аглая постаралась на славу, едва только получила сногшибательное послание от мессира Архимага, что ему необходимо срочно поговорить с ней и он покорнейше просит разрешения посетить её дом в любое удобное для госпожи Аглаи Стевенхорст время.

Конечно, весь дом мгновенно встал вверх ногами. Конечно, все служанки мигом обрели способность пребывать самое меньшее в пяти местах одновременно. Конечно, сама

Аглая пустила в ход всё своё искусство. Архимаг Игнациус не отличался обыкновением наносить частные визиты.

...Некоронованный владыка Долины долго и церемонно раскланивался, едва ступив на порог. Похвалил уют и аккуратность дома, скинул плащ на руки трепещущей от усердия молоденькой горничной, прошёл следом за Аглаей в празднично разубранную гостиную. Сел, тяжело упёр посох в пол. И начал говорить. Да такое, что бедная Аглая сидела напротив него ни жива ни мертва.

Архимаг Игнациус вспоминал. Говорил о том, что не знал ни один маг в Долине.

– Ты понимаешь, Аглая, *они* уничтожили мой мир. Уничтожили совсем, так что и следа не осталось. То, что я видел, было лишь началом. Потом я узнал, как Губитель действовал дальше, после того, как одолел пытавшихся сражаться с ним жрецов и магов, он сровнял с землей города и замки, выжег поля и деревни... Потом принялся за горы и реки, моря и озёра. Как я уже сказал, ему пытались противостоять многие – чародеи и жрецы Владыки Тьмы, Ракота, они вышли на неравный бой. И пали. А Губитель оставил после себя мёртвый мир, покрытый проплешинами пожарищ – и где не уцелело ни одного человека.

– Ни одного, мессир?

– Мессир я для других, Аглая... Да, ни одного человека. Губитель был опытен в *отыскании жизни*, – губа Игнациуса дрогнула от отвращения. – Омерзительный, ужасный монстр... Сколько я потратил потом сил и времени, пытаюсь разыскать его... но нашёл только имя. Только имя... – он вздохнул. – Имя и ещё то, что он был оружием прежних владык Упорядоченного. Их звали *Молодыми Богами*. Они уничтожили мой мир...

– Но... как же вы спаслись, мэтр? – робко пролепетала Аглая, комкая в кулачке надутый носовой платочек, отделанный кружевами.

– Я тогда ничего не знал о магии, но магом-то был всё равно, – не без некоторой гордости пояснил Игнациус. – Не обязательно знать все без исключения заклятья. Порой в минуту смертельной опасности скрытые способности обостряются... ну да ты знаешь эту теорию. Моё сознание справилось без меня. Так я встретил Наставников... это было самое начало Долины. Точнее, нашли-то меня не Основатели, само собой – их к тому времени уже не осталось в живых, – но их первые ученики. Ах, какие времена... – седой Архимаг покачал головой. – Какие времена... Но прости старика, дорогая моя Аглая, я несколько увлёкся приятной беседой. Нам нельзя ударяться в воспоминания – они лишь наполняют душу печалью, ибо даже сильнейшим из нас не под силу повернуть время и изменить прошлое.

– Да, конечно, мэтр... – трепетала Аглая, от почтения вставая на цыпочки, словно девчонка перед строгим, но любимым учителем.

– И я пришёл поговорить не о прошлом. О будущем. О будущем, в котором оказались, увы, сильно замешаны два близких тебе человека...

– Кэр! – всплеснула руками Аглая. – Ну конечно! Я так и знала! Он, конечно же, успел что-то там натворить!

– Успел, – кивнул Игнациус, всем видом своим выражая искренние скорбь и печаль. Даже благообразная ухоженная седая борода как-то по-особенному поникла. – Но не только он, Аглая, не только он. Набедокурила ещё и твоя сердечная подруга, Клархен. И набедокурила куда как крепко.

– Спаситель... – задрожала Аглая. – Мэтр, но чем... чем же я могу помочь? Я не знаю ни где Кэр, ни где Клара. Не имею от них никаких вестей. Схожу с ума от беспокойства, не знаю, что и думать...

– Я тоже не знаю, что думать, Аглая. И мне нужна твоя помощь.

– Всей душой... всем, чем только могу... только не знаю, чем...

– А вот как ты думаешь, почему я стал рассказывать тебе историю моей юности, историю моего появления здесь? Не знаешь? Качаешь головой? Я тебе отвечу. Те, кто наслал на мой мир Губителя – Молодые Боги, о которых мы уже говорили...

– Да... и я читала хроники, мэтр...

– Отлично. Да, то были так называемые Молодые Боги, Аглая. Молодые Боги, сражавшиеся тогда с Властелином Зла и Тьмы, Ракотом Восставшим. Губитель, как я сказал, был их излюбленным оружием. Не знаю, самым ли сильным, но одним из самых действенных – это уж точно. Потом, много лет спустя, уже полноценным магом Долины, более того, членом молодой тогда Гильдии боевых магов, я отправился обратно, так сказать, на родину, – лицо Игнациуса исказилось гримасой. – Глупая и ненужная сентиментальность... Дом там, где твоё дело, а все разговоры о родном пепелище – не более чем дурная поэзия, собственно говоря, и поэзией-то не имеющая прав именоваться. Так вот, я вернулся. Мною двигало какое-то извращённое любопытство, мне не следовало так поступать. И как ты думаешь, что же я увидел? – голос Игнациуса как будто бы дрогнул. – Что я мог там увидеть? Новые города взамен сгоревших, новые леса, поднявшиеся на удобренных пеплом пожарищах? Нет. Я увидел пустыню, Аглая, пустыню, мертвее мёртвого. Собственно говоря, её и пустыней-то назвать было нельзя. В пустыне, даже в самых жарких и прокалённых, всё равно есть жизнь. А в моём... а у меня... – теперь голос Игнациуса дрогнул уже явственно. – Там нет ничего, Аглая! Вообще ничего! Моря и реки – высушены! Горы – обрушены и рассыпались пылью! Леса – сожжены! Земли – отравлены, и больше там ничего не растёт. Даже небо – даже небо он ухитрился испоганить, Аглая, представляешь себе – даже небо! Там теперь только чёрные тучи, и это не метафора, не гипербола – *чёрные* сплошные тучи, без единого просвета. И вечный полумрак под ними... Я попытался выкопать колодец – он остался сух, подземные жилы убиты тоже. Вот такую судьбу встретил мой мир, Аглая, и я не хочу, чтобы ещё хотя бы один в Упорядоченном разделил бы её.

Само собой, какая-нибудь дерзкая гордячка типа Клары Хюммель не преминула бы поинтересоваться, как соотносится с этими благородными помыслами стремление мессира Архимага любой ценой избежать противоречий с Советом Долины, дружно выступившим против схватки с козлоногими, но Аглая Стевенхорст ею, увы, не была.

– И что же случилось?... Как во всём этом... – начала Аглая, однако Архимаг перебил её:

– И Кэр Лаэда, и Клара Хюммель сейчас волей или неволей помогают тем самым Молодым Богам вновь вернуться к власти в Упорядоченном. И тогда коса Губителя засвистит вновь, можешь не сомневаться.

– Спаситель не попустит... – слабым голоском едва вымолвила Аглая. – Его милосердие беспредельно... он не попустит...

– Один раз уже попустил – или Его тогда ещё не было? Впрочем, неважно, Аглая. Как я сказал, Клара Хюммель впрямую встала на путь служения Молодым Богам. Заключила с ними открытую сделку. Можешь представить себе такую глупость, Аглая, если не сказать больше?

– Н-нет... не могу... Но зачем бы Кларе...

– Этого, боюсь, не знает никто, – с мрачной торжественностью уронил Игнациус. – Никто, даже я не в силах понять её поступка. Если, конечно, Падшие Боги не предложили ей нечто, от чего она не могла отказаться. Как ты думаешь, что это могло быть? Ты, её ближайшая подруга?

Аглая растерянно покачала головой.

– Клара всегда была такой... такой неразговорчивой, когда дело доходило, что называется, до девичьего...

– Ну а всё-таки? Постарайся припомнить. Например, почему она не замужем? Почему не имеет детей? Клара известна, не бесприданница, не замечена в... гм-м-м... противоположных склонностях (Аглая немедленно покраснела) – отчего она одна? Как ты думаешь?

Принято считать, что Архимаг Игнациус знает всё, но в грязном белье чародеев и чародеек подвластной ему Долины не копается. Тем не менее, когда мессир спрашивает, ему лучше всего отвечать, не ломаясь.

– У неё... у Клары был... м-м-м... сердечный друг (Аглая произнесла «сердешный», как было принято среди простых крестьян-арендаторов).

– Так, так, – ласково подбодрил её Игнациус. – Уже лучше. Был сердечный друг. Кто же, не напомним?

– Аветус Стайн, – опуская голову и вновь краснея, прошептала Аглая. Архимаг Игнациус изумлённо вскинул кустистые брови.

– Надо же! Ну кто бы мог подумать! Аветус! Но... он же давно пропал, не так ли? Погиб, если мне не изменяет память, чуть ли не вместе с Витаром Лаэдой во время Восстания Безумных Богов?

– Никак нет, мэтр, – заспешила Аглая. – Восстание Безумных Богов – это только Витар. Аветус предпринял поход, как он говорил, «ко Дну Миров», не знаю, что это значит, мэтр, ведь всем известно, что в Упорядоченном нет ни верха, ни низа и, следовательно, не может быть никакого «дна». Из этого похода он не вернулся.

– Дно Миров... хм, хм... давненько не слыхал я этих слов... – негромко пробормотал Игнациус. Архимаг казался сейчас полностью погружённым в размышления. – Дно Миров... вот ведь как! Что ж, неудивительно, что он оттуда не вернулся. А ты не помнишь, Аглая, с чего это вдруг вполне благополучный член Гильдии боевых магов с именем, положением и репутацией решил заняться *свободным мореплаванием*?

Свободным мореплаванием в Долине назывались путешествия по Межреальности, в которые порой отправлялись молодые чародеи – как говорится, Упорядоченное посмотреть и себя показать. Порой искатели приключений забирались довольно далеко; известны были случаи, когда их приходилось вытаскивать из всякого рода заварух специальными спасательными командами.

Аглая помедлила. В словах Игнациуса ей чудился какой-то подвох. Неужели мессир Архимаг *настолько* не помнит одного из лучших боевых магов, какого только знала Долина?

– Мэтр, нет... то есть да... – с перепугу она путалась в словах. – Мэтр, он ведь всегда рвался куда-то туда... ну... за горизонт, как он говорил. Вечно ему было в Долине тесно и скучно. Последние года два своей жизни он тут и не появлялся почти. Клара его где-то по пути перехватывала.

– Ага, ага, – закивал Игнациус. – Значит, авантюрист, сорви-голова, которому на месте не сидится. Но, насколько я знаю, он не пропал без вести? Были доставлены неоспоримые доказательства его гибели, я правильно помню?

– Могу только позавидовать вашей памяти, мэтр, – поклонилась Аглая.

– Брось, Аля, деточка, лесть тебе не идёт, – отмахнулся Игнациус. – Кто доставил доказательства?

– Ричард д'Ассини, мэтр. И его команда страж-орков.

– Верно-верно, припоминаю... Они нашли...

– Нашли гробницу Аветуса. Местные дикари поклонялись его мощам, считая их чудотворными.

– Ничего удивительного, – проворчал Игнациус, – остаточное действие магического дара... Д'Ассини выяснил, как погиб Аветус?

– Нет, мэтр. И Клара тоже ничего не узнала. Перепуганные дикари только и твердили о великой битве небесных воинов. Ещё они там вроде как видели каких-то тварей навроде драконов, но подтверждения этому так и не нашли.

– Верно-верно... И, если я не ошибаюсь, тело Аветуса распалось пеплом при попытке доставить его в Долину?

– Совершенно верно, мэтр. Дик вернулся только с некоторыми вещами, принадлежавшими Аветусу.

– И, конечно, никаких дневников? Аветус, я припоминаю, имел обыкновение вести подробные записи во время своих странствий. Кое-какие из них читались просто как романы. У него было бойкое перо.

– Да, Аветус писал замечательно, – Аглая не удержалась, всхлипнула. – Нет, мэтр, никаких записей не нашлось. А потом и сам Ричард погиб... при очень странных обстоятельствах.

– «Потом» – это лет через тридцать, верно? Война Ангелов? – Да, мэтр. Война Ангелов, спятивший мир, решивший, что настал последний день Вселенной, и попытавшийся...

– Я помню, – сухо вато остановил Аглаю старый чародей. – Наглядный пример, к чему приводит слепая вера в Спасителя. Аглая немедленно вспыхнула.

– Разве ж это истинная вера, мэтр! Богомерзкие ересиархи извратили подлинное вероучение! Выплеснули на страницы священных книг свою злобу и желчь! Подделали, исказили, подмешали гнусной лжи! Спаситель – это Любовь, а они собирались окунуть в огненную купель все близлежащие миры!

– Оставим это, Аля, прошу тебя, – Архимаг досадливо поднял коричневатую кисть. Длинные узловатые пальцы казались древесными сучками. – Сейчас не время и не место спорить о вере. Ты знаешь – я более чем веротерпим. В Долине есть храм твоего Спасителя, я не препятствую поклоняться ему ни полноправным магам, ни даже последним арендаторам. Но затевать здесь священные войны я никому не позволю. Даже такой милой и замечательной особе, как Аглая Стевенхорст. Я понятно выражаюсь?

– Да, милорд, да, да, конечно, – засмушалась Аглая.

– Вот и хорошо. Значит, Аветус погиб при невыясненных обстоятельствах. Могла ли Клара попытаться оживить его, вернуть из смертных пределов?

Аглая обмерла. Даже посерела от ужаса.

– Но, мэтр... это же высшая некромантия... это глобальное нарушение законов бытия... Вы же сами всегда, когда учили нас... каждый год... никак невозможно... никогда... ни за что...

– Не тараторь, деточка. Я прекрасно помню, чему и как учил вас. Некромантия – табу в нашей Долине, так было и так будет вовеки. Но что если Клара решила обойти запрет?

– Мэтр... – застонала несчастная Аглая. – Это же невозможно... мёртвые не возвращаются...

– Милочка, – сухо сказал Архимаг. – Если бы это было *по-настоящему* невозможно, я не имел бы никакой нужды талдычить об этом год за годом, век за веком.

Аглая в ужасе уставилась на Игнациуса округлившимися глазами.

– Ответь мне только на один вопрос, – медленно и отчётливо проговорил он, – могла ли Клара заключить сделку с Падшими Богами, пообещай они ей оживить Аветуса? Могла ли она?

Аглая судорожно замотала головой, однако под строгим совиным взглядом Архимага движения её становились всё менее и менее уверенными.

– Значит, могла? – полуутвердительно заметил Игнациус.

– Н-нет... не знаю, – лепетала Аглая.

– А я считаю, что могла, – негромко, но с нажимом произнёс Архимаг, и Аглая поспешно кивнула. Всё, что угодно – лишь бы избавиться от взыскующего взора этих немигающих, круглых и впрямь как у совы глаз.

– Вот и славно, милочка, – удовлетворённо заметил чародей. – Я считаю, что мотив у Клары был. Самый что ни на есть настоящий. Конечно, в деле могут найтись смягчающие обстоятельства... но это не главное. Мы должны остановить её безумный замысел. Её и... Падших Богов. Они не должны вернуться к власти. Ибо первое, что они сделают, – это сотрут с лица земли... точнее, Межреальности – нас, Долину магов. А потом возьмутся за все так называемые мятежные миры. Представь себе, сколько тогда прольётся крови, Аглая. Не реки, не моря и не океаны. Боюсь, от такого количества выйдет из берегов даже Великая Река Времени и хранящие её Драконы захлебнутся в багровых волнах. Клару надо остановить, Аля, остановить, пока она действительно не натворила непоправимого.

– Но, мэтр... что же я могу сделать? Вы ведь знаете... я лишена чародейского дара, хотя и родилась в Долине... Кулинария – вот и вся моя магия...

– О нет, нет, не говори так! – Игнациус наставительно поднял палец. – Ты можешь сыграть очень важную роль. Видишь ли, я уже... кхе-кхе, предпринял кое-какие меры, так сказать, к разысканию и Клары, и Кэра. Но этого мало. Нужен кто-то, кто действительно болеет душой за них и кого они сами искренне любят. Я надеюсь посредством тебя установить с ними связь, а ты попытаешься отговорить их от гибельных намерений.

– Я... Я, конечно, согласна... всем сердцем... всё, что нужно Долине... Но что же натворил Кэр? Мэтр, вы подробно рассказали мне о Кларе, а что с Кэром? Он тоже вместе с ней?

– Он? Гм, гм, его роль до конца не ясна даже мне, – как бы нехотя признался Игнациус. – Он явно сделался каким-то центром притяжения, центром возмущения не до конца понятных сил. Но с твоей помощью, милая Аля, мы сможем дотянуться до них. У меня в этом нет никаких сомнений.

Старый чародей поднялся. Вид у него был, как у донельзя довольного кота, только что без помех прикончившего целую крынку сметаны.

– Вот и хорошо, вот и славно, – он не удержался, потёр руки. – Тогда завтра мы начнём над этим работать. Вот прямо завтра и начнём.

Глава шестая

Эвиал. Чёрная башня

Легко сказать – «рано или поздно придётся выйти». Вся решимость куда-то пропадает, стоит только окинуть взглядом бесконечные огни окруживших Башню бивуаков. Армия Старого Света готовится к последнему штурму. Непрístupный оплот Западной Тьмы оборачивался коварной ловушкой. Или дай убить себя – или убивай сотнями и тысячами тех, кто попытается избавить от тебя Эвиал. Это один выбор. Или – постарайся всё-таки выбраться отсюда. Беги. На край мира. К границам Синь-И и даже дальше. На заокраинные острова – и жди там, когда Сущность осильнееет настолько, что и без Разрушителя сломит все преграды. Последнее, впрочем, по здравому размышлению, предстаёт не слишком очевидным. Если Западной Тьме так нужно человекоорудие – значит, сколько бы веков ни протекло, Она не сможет подвергнуть Эвиал трансформе? Захватить – захватит, обратит его в царство мрачного ужаса, где ожившие мертвецы станут пировать на плоти живых, но конечной цели своей не достигнет. Разве не так?

Наверное, всё-таки не так. Владея всем, Сущность найдет себе иное орудие. С куда меньшим трудом. И тогда Эвиал исчезнет. Как исчез Арвест, как исчез Салладорец, как исчезла Атлика. Что возникнет на месте закрытого мира? Кто знает. Мощь Кристаллов велика, драконы-Хранители станут биться до последнего – и последними уйдут из области живых, потому что сдаваться и отступать они не умеют. Язва станет разрастаться, потоками потечёт по Междумирью отравный гной, новые и новые миры подпадут под власть Сущности – и так без конца. Потому что единственной Её целью может служить одно лишь пожирание. Беспредельное, неуголимое, неостановимое. Бессмысленное, если разобраться. Слиться с Сущностью – это положить предел эволюции. Личность может подняться очень высоко по незримой леснице, если верить тем, кто толкует об инкарнациях и перерождениях – от червя до бога; кто знает, но уж от простого смертного до Мага – это точно. Предела нет, а войдя в серые врата Сущности, навеки и навсегда останешься неизменным.

*Для меня, Кэра Лазды, Фесса, Неясыти – это есть зло абсолютное и совершенное. Кто-то, быть может, поднимет меня за это убеждение на смех. Верно, зло у каждого из нас своё, и каждый считает его абсолютным и совершенным, призывая на борьбу с ним все силы Вселенной. У меня зло тоже своё. Никому не предлагаю присоединяться ко мне в компанию. Изгнать Сущность из Эвиала – мой долг. Цена значения не имеет. Слишком много разных сил сплелось в дикой пляске над просторами двух миров. Маски. Сущность. Клара (и наверняка стоящие за ней те же Маски, если не сам Архимаг Игнациус, которому могли и надоесть бесконечные фокусы талантливого, но непутёвого ученика). Здесь, в Башне, мне предстоит совершить финальный выбор. Я могу повторять себе сколько угодно, **что** именно я задумал. Пока с этим не смирится, не свыкнется «нутро» – декларации и намерения останутся, как говорили древние, «словами и голосами». Ничего не значащим сотрясением воздуха.*

И день этого выбора приближается. Сущность ещё не сказала своего последнего слова; и мне на этот случай стоит приберечь пару козырей в рукаве.

Фесс вновь стоял на привычном месте возле обрамлённой морионом бойницы. Голова потихоньку наливалась всегдашней болью, но до пика было ещё далеко.

О нет, он ничего не забыл и не упустил. Маски – чей «заказ» он так и не стал выполнять, они наверняка затаились и просто выжидают удобного момента. Наверное, они теперь смогли бы даже отобрать у него Мечи... так что, кто знает, может, он успел вовремя, приняв, в той или иной форме, покровительство Сущности. А Западная Тьма, похоже, не по

зубам даже этой парочке. Маски притаились где-то там, в холоде и тьме окружающей Башню полярной ночи, они хитры, они знают, когда и как нанести удар. Наверняка им уже известно, *где и как* он, Фесс, скрыл Мечи. И раз они до сих пор не завладели ими, значит, Маскам недостает чего-то ещё. Очевидно, «вспомнить всё» было только первым этапом их плана. Быть может, он, Фесс, должен был сам воспользоваться Мечами, когда из бездн поднимался Зверь, чтобы Маски смогли бы до него дотянуться... Кто знает.

Так или иначе, неумолимо капает вода в клепсидре, громадный резервуар медленно пустеет, и хотя нескоро ещё останутся шестеренки и шкивы, этот день неотвратимо, мерно и неспешно приближается. И ему, некроманту, неплохо бы наконец приступить к выполнению собственного, во всех деталях составленного по дороге сюда плана.

Плана, ради которого он пожертвовал свободой и ради которого, очень возможно, придется погибнуть и ему самому. Ограничение лишь одно – Рысь должна уцелеть в любом случае, даже если станет отчаянно сопротивляться собственному спасению.

Медленно капая капли. Медленно течёт время, и кажется, что впереди ещё целая вечность – только нет ничего более быстро проходящего, чем она. Кажется, с самого сотворения мира стоит он, Фесс, у бойницы этой самой Чёрной башни, стоит, уже зная ответы на множество вопросов, стоит и смотрит в темные глубины своей собственной души и без конца повторяет один и тот же вопрос: сумею ли? И не скажешь даже, что ставки слишком высоки, потому что если ты ставишь в смертельно опасной игре свою жизнь, ты рискуешь только ею, не больше. Фесс сейчас рисковал не только и не столько собой, не только Эвиалом. Он рисковал вообще всем, что знал, всем гигантским Миром, соединенным извилистыми путями Межреальности. Долиной. Родиной. Тетушкой Аглаей, её приятельницами, троюродными племянницами темпераментной госпожи Клары Хюммель, да и самой Klarой тоже.

Даже если его расчёт точен, ни один настоящий боевой маг никогда не пошёл бы на подобный риск. Настоящий боевой маг тщательно подготовил бы операцию. Заручился бы всесторонней поддержкой сильных мира сего, а не ссорился бы с ними. На пузе бы пропахал не один древний некрополь, обстоятельно и неспешно зафиксировал бы все параметры пресловутого «разупокаивания». Сделал бы соответствующие выводы, не торопясь разработал бы систему заклинаний и чар, привёл бы её в действие – в нужном месте и в нужное время. Так поступил бы настоящий боевой маг с дипломом *настоящей* Академии, не этой жалкой ордосской пародии...

И уж конечно, очутившись в Чёрной башне, любой боевой маг начал бы прежде всего с того, что обшарил бы её сверху донизу. Это, пожалуй, было единственное, что они смогли сделать с Рысью.

Они нашли многое. Много интересного. Однако самый главный сюрприз ждал их в сердце Башни.

Спиральная лестница, чьи широкие пологие витки плавно ввинчивались в земную твердь. Мраморные ступени казались только что отшлифованными, словно доселе на них не ступала нога ни одного живого существа. Причудливые перила, балясины в виде поддерживающих небесный свод горгулий. И ничто, сплошной мрак в овальном провале. Не шахта, не ход – нет, словно след, оставленный громадным раскаленным острием. Едва зарубцевавшаяся рана в теле Эвиала. Колотая рана. Не благодаря ли ей, не на её ли боли возникла Чёрная башня?

...И, кстати, почему именно здесь? Если Сущность настолько могущественна, что легко могла говорить с ним чуть ли не в любой точке Эвиала, что стоило ей воздвигнуть свою твердыню где-нибудь поближе, ну хотя бы в том же Кинте? Не вынуждая его тащиться через весь Эбинский полуостров, через враждебные земли империи, Аркина и Эгеста? Или Она просто не могла этого сделать? Ведь не случайно же маги Ордоса давным-давно вычислили места, где по каким-то причинам таинственная *защита* была слабее и где скорее всего

следовало ожидать *прорыва Тьмы*. Не случайно ведь торчал в своей башне Сим бедолага Парри! Значит, так сошлись незримые линии Силы, может, и в самом деле в другом месте Она просто не могла воздвигнуть ничего подобного?

Спираль мраморной лестницы. Она сгодилась бы любому дворцу, и ни один архитектор не погнушался бы позаимствовать её для своей постройки, сколь угодно помпезной. Чернота провала неудержимо притягивала Фесса – и, как оказалось, не только его одного.

Как-то Рыся призналась, что тоже частенько выходит на площадку лестницы. Она и Фесс жили на одном этаже, самом обустроенном; выше и ниже (по другим, обычным спускам) тянулись отдельные книгохранилища, алхимические лаборатории, арсеналы, кладовые и тому подобное.

Вот и сейчас ноги сами вынесли Фесса к тёмному бездонному провалу. Оскалены пасти горгулий, бестии поддерживают тяжелую каменную балку перил. За перилами – ничто. А у края, задумчиво облокотившись, застыла Рысь. Жемчуг волос свободно рассыпан по спине и плечам, под ним почти теряется грубая чёрная кожа куртки, которую девочка-дракон именovala не иначе, как «боевой».

– Папа, – она не обернулась. Чтобы почувствовать присутствие Фесса, Рыси не требовалось глаз.

– Что ты здесь делаешь?

– Смотрю... – девочка повела рукой, словно поглаживая ладошкой притаившегося в бездне громадного кота. – Здесь страшно – но и хорошо.

– Хорошо? Отчего же?

– Веришь, что отсюда есть другой выход.

– Другой выход? – Фесс подошёл поближе, встал рядом. Коснулся пальцами льющегося шёлка невообразимо тонких, тоньше паутины, волос. Тонкие – и могут становиться по желанию Рыси то лёгкими, словно пух, то тяжёлыми, точно из железа.

– Конечно. Эта лестница – куда она ведёт? Мы ведь никогда не пытались по ней спуститься. И это не та, что шла от входа, верно?

– Верно, – Фесс осторожно глянул вниз. – Но... мне отчего-то не кажется, что таким путём можно выбраться на свободу. Да и, по правде говоря, рановато нам ещё убираться отсюда. Мы ведь шли в Чёрную башню не просто так.

– А почему мы не можем выйти тем же путём, что вошли? – наивным голоском осведомилась Рысь.

– А как ты сама думаешь, Рыся?

Девочка-дракон помолчала.

– Тем путём, что мы вошли, Башня нас не выпустит. Её ворота, наверное, можно разломать снаружи, но перед нами они не откроются, а вот сумеем ли мы их выбить?

– Верно, – кивнул Фесс. – Я как-то ходил к ним...

– Ты?! – чуть ли не обиделась Рысь. – Ходил – и не сказал ни слова?

– Кому ж приятно признаваться в неудачах? – криво усмехнулся некромант. – Мы тут наглухо замурованы. Я так полагаю – до срока. Пока не истечёт время, пока не опустеет клепсидра. Или – пока Башня сама не решит, что нас *можно* выпустить.

– Папа, – Рысь резко повернулась к нему. – Спускаться нам всё равно придётся. Рано или поздно. Этот выход нам оставлен специально.

– Это значит, само собой, что пользоваться им нельзя, – Фесс пожал плечами.

– Это значит, что тут и надо будет прорываться, – с нажимом возразила девочка. Сейчас, впрочем, она говорила совершенно как взрослая. Глаза воинственно сверкали, волосы встопорщились, словно раздуваемые неощутимым для других ветром.

– Я думал о другом лазе...

– Откуда он возьмётся? Папа, Башня – застывшая мысль, больной бред Сущности. Здесь всё, как Она пожелала. Не ищи ошибки строителей или забытого подземного хода. Уходить придётся прямо здесь. Сквозь Её зубы. Знаешь, что бывает, когда крокодил гонится за мелкой рыбёшкой? Она просто проскальзывает у него меж зубов. Так и мы. Мы проскочим. А сеть останется.

– Боюсь, что ячейки этой сети кроили как раз по нашей мерке...

– Разрежем! – воинственно посулилась Рысь.

– Ну, поглядим, поглядим, – Фесс вновь коснулся дивных пушистых волос. Сейчас они казались легче даже окружающего воздуха – начинали плавать вокруг Рысиной головы, образуя нечто вроде нимба.

Девочка-дракон покачала очаровательной головкой.

– Нет, папа. Ты не чувствуешь. А у драконов это всё равно что видеть собственными глазами. Я смотрю вниз... и там ничего. Нету дна. Вообще. Папа, это выход! Пусть даже с ловушками!

– Но зачем Сущности устраивать подобное представление? – Фесс недоумённо развёл руками.

– Только если ты... мы... выйдем отсюда тем, что Ей потребно, – отозвалась Рысь, свешиваясь через перила и чуть ли не зависая над пропастью. У некроманта разом перехватило сердце.

– Не бойся, папа, – Рысь молниеносно почувствовала его тревогу. – Я не упаду. А если и упаду, то взлечу, – она шаловливо хихикнула. – Или ты забыл, что я не простая девочка?

– Признаться, временами это начисто вылетает у меня из головы – настолько хорошо ты притворяешься.

– Я не притворяюсь, папа. Это на самом деле так. Мама говорила со мной...

– КТО? – опешил Фесс. До этого момента Рысь никогда не говорила о своей погибшей матери-драконице, хранительницы Кристалла Магии в Козьих горах.

– Мама, – спокойно повторила Рысь. – Она стала говорить со мной. Из... из моей крови.

– Ты уверена, – медленно проговорил Фесс, – что это именно мама, а не, скажем, к примеру...

– Уверена, – длинные пушистые ресницы сомкнулись и разомкнулись. В глубоких глазах юной драконицы мелькнуло что-то совершенно неуловимое – но притом и совершенно нечеловеческое. словно солнечный блик на мгновение проник в потаённые глубины океана, высветив изрытое хребтами и провалами морское дно и диковинных рыбчуд, обитающих там. Нечто, донельзя совершенно *чужое* мелькнуло в глазах той, что упорно называла себя его, Фесса, дочерью – и по спине некроманта прошла ледяная дрожь. Эта *чуждость* могла бы испугать любого, сколь угодно неустрашимого духом.

И вновь она почувствовала.

– Пап, не бойся, – Рыся мгновенно оказалась рядом, положила ладошку на сгиб локтя, уткнулась лбом в предплечье. – Я... я ведь и дракон тоже. Сколько б от этого ни отказывалась. Точно так же, как и ты никогда не перестанешь быть магом Долины. Хотя бы и утверждал обратное.

– Когда ты так говоришь, сразу веришь, что ты – дракон...

Рыся покачала головой.

– Я та, кем ты хочешь меня видеть, папа. Без тебя я навсегда бы осталась только драконом, не больше. А так – я и человек. Человек – это огромный мир... вселенная. Страсти, ух! – она вдруг совсем по-детски тряхнула чёлкой.

– И ты говоришь, что надо идти вниз? Что-то у меня аж мороз по коже, едва только туда взгляну.

– У меня тоже. Но я чувствую – там или выход, или ещё что-то. А ловушки... меня, знаешь, не так-то легко поймать.

Фесс вздохнул. Нет, он уже не тот, что прежде. Эгест многому научил. Вернее, заставил научиться.

– Ну, я всё-таки думаю, что бросаться туда немедленно нам не придётся. Я хочу ещё раз обойти Башню.

– Папа! – Рысь притопнула. – Что ты хочешь там найти?!

– То, что могла просмотреть Сущность. Она ведь не всемогуща, так?

– Так, – кивнула юная драконица.

– Значит, и не всеведуща. А невсеведущие тоже могут ошибаться. Я надеюсь отыскать эту ошибку.

Рысь состроила недовольную гримаску, но, как послушная дочь, тотчас взяла Фесса под руку.

– Я с тобой.

– Конечно, дорогая. Разве я смог бы обойтись без тебя?

...По правде говоря, Фесс и сам не знал, зачем он затевает этот новый обход. Они не обшаривали Башню от шпиля до фундаментов, это так; но нижний этаж с парадным залом при входе, где брала начало обычная лестница, которой они всё время и пользовались, был прочёсан вдоль и поперёк. Здравый смысл и логика подсказывали искать *что-то* именно там. Глубокие подвалы Башни они обыскали тоже. В самом начале Фесс надеялся, что там отыщутся (или, вернее, *могут отыскаться*) какие-нибудь катакомбы, подземные ходы – хотя, само собой, трудно было вообразить, что Сущность допустит такую вопиющую небрежность.

И Она её, само собой, не допустила. В подвалах некроманта ожидали только глухие стены. Рысь в чём-то права – тут больше вроде как нечего искать.

Нечего, нечего – а он, Фесс, всё равно скорее попытается попросту выпрыгнуть из бойницы и, вспомнив старое, школу воина Серой Лиги, проскользнуть мимо дозорных постов, чем вот так вот, очертя голову, двинется вниз по этой жуткой лестнице, ведущей в не имеющую дна пропасть. Сущность раскинула множество силков. Лестница, манящая неизвестностью и возможностью *выхода* – само собой, один из них. Тем более, что для него, Фесса, речь не идёт о простом побеге. В таком случае вполне хватило бы всегдашнего мрака за бойницами и спущенной вниз верёвки. Нет. Этот путь не для него. Совсем не для него.

...Ещё не меньше недели ушло у них на тщательные и, само собой, тщетные поиски. Все сотворённые некромантом заклятья добросовестно показывали «полное наличие отсутствия». Никаких тайных ходов, галерей или просто крысиных дыр. Да и то сказать – откуда взяться крысам здесь, на крошечном зачарованном островке посреди злой полярной зимы?

На восьмой день Рыся взбунтовалась и заявила, что единственное, им оставшееся разумное действие, – это именно спуск по жуткой лестнице. Надо ж понять, что на самом деле приготовила им Сущность?

...Некоторое время Фесс ещё упирался, но в конце концов уступил.

Они стояли над чёрным провалом. Глубоко вниз уходили спиральные витки, слабо светящиеся ступени, бесчисленные балясины. Но середина, сердцевина всё равно оставалась непроглядно-чёрной. Бездна. Великая Бездна, сотворённая силами Той, что замыслила Великую Трансформу всего Эвиала. И всего живущего в нём.

– Эх, развернуть бы крылья, – вдруг вырвалось у Рыси. – Так хотелось порой... – и вниз... туда, до самого конца... которого нет, – она вдруг отвернулась, прижимаясь лбом к руке некроманта.

– Так не бывает, Рыся, – эхом откликнулся он, обнимая девочку за плечи. – Конец есть у всего, даже у нашего мира, даже у Хаоса, что, говорят, лежит за ним. Бесконечность –

только иллюзия, игра нашего ума, потому что нам кажется, за ним наше собственное всемогущество. Покори бесконечность – и всё тогда станет тебе подвластно. Так думали многие маги... даже и в моей родной Долине.

– Все равно, папа, – услышал он тихий шёпот. – Я знаю, что туда идти надо... но мне страшно. Я не умею пользоваться своей силой... я не училась у настоящих драконов..

– Верно, – как можно более беззаботно сказал Фесс. – Но... ты ведь сама не хочешь быть с ними, как же тогда...

– Хранительница без Кристалла не Хранительница, – в голосе девочки вдруг прорезалась совершенно недетская горечь, и Фесс вновь напомнил себе, что имеет дело всё же не с человеческим ребёнком, о чем легко было забыть, каждый день видя Рысю. Она не избегала своей натуры, но делала все, чтобы подчеркнуть – она человек, а умение превращаться в дракона, летать и пыхать огнём – не более чем трюки, не стоящие особого внимания.

Она резко повернулась к нему спиной. Кажется, даже заплакала. Совершенно человеческая реакция. Даже более, чем человеческая.

Худенькие плечи чуть вздрогнули. Фесс осторожно коснулся её волос. Он не произносил никаких слов. Он просто знал, что ей нужно его прикосновение. В котором не было и не могло быть никакой эротики. Хотя та же Рысь, приди ей такое в голову, вполне могла обернуться и взрослой девушкой.

Но, наверное, она сумела прочесть, кем была для него, Фесса, та, *первая, настоящая* Рысь.

– Пойдем, папа, – она совсем по-девчоночьи хлюпнула носом и сама первая шагнула к ступеням.

Они тщательно подготовились. В арсеналах Башни, как уже говорилось, хватило бы оружия на целую армию, но ни Фесс, ни Рысь не стали брать ничего оттуда. Они отправились вниз с тем, что удалось добыть по пути в Чёрную башню, по пути через Эбин, Аркин и Эгест...

Простое оружие, честная сталь. Немудрёная, но это и лучше. Тот рунный меч, «подарок» Масок, помнился ему более чем крепко.

Тогда, на дороге сквозь старые имперские земли, им пришлось солоно. Очень солоно. Витиеватое выражение из старинной книги, «влача кровавый след», подошло бы им как нельзя лучше.

Перед ними воздвигался кордон, заслон, преграда, они его обходили, если не оставалось такой возможности – прорывались с боем. Магия Драконов, которой Рыся владела от рождения (что бы потом она сама ни говорила), оставила по себе долгую память и в герцогствах Изгиба, и на имперских землях, и в скованном железной волей святых братьев Аркине, и на истерзанных просторах Эгеста. В Нарн путники не пошли. Напутствие тёмных эльфов помнилось им крепко.

Об их пути в Чёрную башню можно было бы рассказывать очень долго. И невольно Фесс вспоминал его сейчас, осторожно ступая со ступени на ступень; Рысь беззаботно скакала чуть впереди – по её словам, здесь было «совсем нисколечки не страшно».

В общем-то, да. Обычная лестница. Широкая, мраморная, красивая, легшая плавным изгибом. Такая хорошо смотрелась бы в королевском или даже императорском дворце. Сгорбили спины в вечном труде неутомимые каменные горгульи. И рядом – только перегнись через перила – провал, бездна, яма, та самая, что в противоречие со всем здравым смыслом *не имеет дна*. Даже знаменитая Чёрная Яма на востоке, обиталище Уккарона, одного из некогда могущественной Тёмной Шестёрки, не смогла бы похвастаться таким. Башня Западной Тьмы казалась вознесённой над провалом в иные миры, или измерения, или даже Вселенные – кто знает? Сейчас не так важно, *зачем* это потребовалось Сущности. Главное – куда это ведёт. Неужели действительно *выход* из проклятой Башни, возможность бежать?

Разумеется, *сейчас* он бежать не собирается, напомнил себе Фесс. Но на крайний случай всегда надо иметь безопасный отнорок, если, к примеру, осаждающим как-то удастся ворваться в Башню. Конечно, сейчас-то он может сбросить верёвку из бойницы и спуститься на лёд. В том, что ему удалось бы проскользнуть мимо пикетов и кордонов, выставленных осаждающими, некромант не сомневался. Вопрос в том, что делать дальше, после такого «успешного» побега...

Надо спускаться, подумал он. Надо узнать, что ждёт его здесь, за каждым поворотом созданной специально для него твердыни. А если Сущность *хочет*, чтобы он двинулся вниз... «Поддаваясь, побеждай» – гласил главный принцип древней борьбы. А с подобными Западной Тьме противниками никак иначе не справишься. Закованного в сталь исполина свалит отравленная стрела. Бесчестно, но зато уцелеют сотни и сотни других. А своя собственная честь – право же, невеликая плата за человеческие жизни.

Может, он и не выберется наружу этим путём. Очень даже вероятно. Но пройти этот путь просто необходимо.

– Спускаемся, Рысь.

Слова громовым эхом раскатились под сводами. Лестница вела и вниз, и вверх, постепенно становясь всё уже и мало-помалу сходя на нет в острой игле чёрного шпиля. Вверх они не пошли. Какой смысл?

Их путь лежал вниз. По мраморным ступеням, таким красивым и праздничным. Горгулья насмешливо подмигнула некроманту – или это ему только показалось?

Они надели свои старые одежды, в которых проделали долгий путь от Изгиба до Северного Клыка. Рысь облачилась в *настоящую* боевую куртку, по случаю прикупленную ещё в Империи Эбин. Толстая и грубая воловья кожа с нашитыми на груди, плечах, спине и рукавах стальными пластинами могла неплохо защитить от случайной стрелы или пришедшегося вскользь удара. Фесс опоясался мечом – в арсеналах Чёрной башни было полным-полно его любимых глеф, однако Фесс гораздо больше рассчитывал на своё умение, чем на подсунутые Сущностью клинки. Этому оружию некромант не доверял. И потому сейчас брал только *своё*, найденное, купленное или взятое с бою. Посмотрим, поможет ли это там, внизу; невеликая защита, но ничего лучшего, увы, под рукой нет.

– Идём, папа, – Рысь не обернулась. Она ничего не боялась, хотя порой и говорила обратное. Девочка-дракон отличалась абсолютным, совершенным бесстрашием.

Позади остался первый десяток ступеней, второй... Стали видны двери на площадке нижнего яруса. Пока ничего необычного не происходило, Фесс и Рысь просто спускались – правда, вокруг сгустилась какая-то уж слишком непроницаемая ватная тишина. Даже звук шагов тонул в окружающем безмолвии.

Ступень, ступень, ступень. Течёт за чёрными стенами чёрная ночь, горят в ней жалкие искорки костров, которыми осаждающие безумцы надеются разогнать вечный мрак. Фесс ничуть не опасался приступа. Если Сущности так важно, чтобы он был здесь, Она не могла не позаботиться о его безопасности. Иначе придётся признать, что Она вообще не имеет логики и, следовательно, действует совершенно хаотически, словно природа. Но даже природа подчиняется своим законам. Ветер веет не куда захочет, а куда велят более сложные механизмы. Ветер подчиняется воле мага, достигшего достаточных степеней мастерства.

Возможно ли, что и Сущность подчиняется чьей-то неизмеримо более могущественной воле? Воле, ведущей, к примеру, нескончаемую войну на тысяче тысяч фронтов, и для которой Эвиал – не более чем крошечная пылинка, мелкий эпизод в не знающей конца череде битв?

Рысь первой почуяла неладное. Остановилась и одним прыжком взлетела обратно к Фессу.

– Папа!..

Однако мир вокруг него уже тонул в клубящейся серой мгле, сырой и холодной, как открытая могила поздней эгестской осенью. Хмарь наваливалась со всех сторон необоримой ратью, бесшумно, всепоглощающе, не встречая сопротивления, да и не поймёшь, с чем тут бороться и какие пускать в ход заклинания. Фесс ощутил, как отнимаются, становятся ватными ноги, руки отчаянно взмахнули крыльями подбитой птицы, словно пытаюсь ухватиться за стремительно темнеющий воздух. Тщетное усилие – под ногами разнималась, расходилась твердь, и вот нет уже ни мраморных ступеней, ни кривляющихся морд горгулий на балясинах, нет Рыси, нет ничего – только сырая и холодная мгла вокруг, только липкая супесь, словно разбежавшаяся, разбившаяся о скалы волна повисла в воздухе миллиардами крошечных брызг, накрыв собой некроманта. Нельзя ни плыть, ни дышать – горло стиснуло, в глазах – алые круги.

...Миг мучительного удушья, горящие от спёртого воздуха лёгкие, и внезапно всё прошло.

Фесс огляделся. Исчезли стены Башни, пропала лестница, нету Рыси, нет и самого провала. Некромант стоял по пояс в тонкой, колышавшейся, волнами колеблющейся под слабым ветром степной траве. Бескрайняя равнина, неоглядный окоём, и кажется – скачи тут день, месяц или год, правь на восход или на закат, на полудень или на полночь – вокруг будет расстилаться всё та же степь, всё та же трава – степной всевейник – будет качаться под жёсткими ладонями ветров. И не изменится ничто в мире, и вечные звёзды станут смотреть на своё отражение в нешироких степных речках; что этому все армии, империи, правители и даже боги, которых нет в этом мире, если не считать, конечно, Драконов-Хранителей.

Фесс стоял, положив руку на эфес, – намертво вросший жест, но сейчас совершенно бессмысленный. Номады замекампских степей очень редко сближались на длину клинка, предпочитая старый добрый лук и жёсткую петлю аркана.

Некромант был один. Совершенно, абсолютно, полностью один. Та же одежда, то же оружие. Но больше ничего. И нет Рыси. Что это – Сущность хочет, чтобы он оценил пределы Её истинного могущества?..

Нет, нет, конечно же, нет. Прозвавшаяся Западной Тьмой не действует, поддавшись эмоциям. Она строго логична. Когда Ей приходится импровизировать, она проигрывает. Она проиграла в Скавелле; Фесс сильно подозревал, что Она же стояла и за памятным мором в Арвесте. Однако Сущность проиграла и там. Разрушитель, похоже, Её единственная надежда. Даже если поднимутся все мертвецы Эвиала, Ей, судя по всему, не победить. Она выпестует и нового Разрушителя, однако Ей не нужен дотла выжженный мир. Ей потребен мир, где есть живые. С ходячими скелетами можно одерживать победы в битвах, но нельзя сделать... что? Фесс привык называть это *трансформой*, но это не более, чем пустой звук. Что кроется за ним, слияния ли всех живущих и чувствующих с Нею, подобно Салладорцу и его фанатичным последователям?

Однако что же дальше? Зачем его забросило сюда? Что Она от него хочет? И неужели Её власть настолько велика? Одно время у некроманта затеплилась надежда, что Рысь Ей не по зубам...

– Не по зубам? – повторил он вслух, просто чтобы в гнетущем безмолвии зазвучал бы живой голос.

– Не по зубам, папа, – откликнулся до боли знакомый голосок.

– Рыська! – Фесс мало что не подпрыгнул.

Девочка-дракон спокойно устроилась в траве, скрылась почти с головой. Тонкие ловкие пальчики быстро и сноровисто плели венки. Скромные голубые колокольчики и белые ромашки, перевитые зелёными стеблями травы. И когда только Рысь успела научиться этой девчоночьей премудрости? Уж это-то выудить из памяти Фесса она не смогла бы никак.

– Ты как?..

– Пошла за тобой, папа. Она, – небрежный кивок куда-то в сторону, – не хотела. Но удержать меня Она не может. То есть так, как хотела бы, – удержать не может. А большей силы Она пока прикладывать не хочет. Так что я увидела, что ты *уходишь* ... и пошла следом. Не так трудно, только зябко очень, – она передёрнула плечами.

– Разве драконам бывает холодно? – улыбнулся Фесс.

– Драконам – нет, – резковато ответила девочка. – Но я – не просто дракон, папа. Сколько можно повторять?

– Очень долго. В это всё равно невозможно поверить, – поддразнил её некромант. – Но, может, ты ещё и знаешь, что от нас теперь тут требуется?

Рысь отрицательно покачала головой.

– Нет, папа. Я... пробежала вслед за тобой. Но где мы, зачем, почему...

– Не страшно, – заверил Фесс. – Если Ей что-то от нас надо, позаботится.

– Пап, давай во-он на тот холмик взберёмся? Осмотримся...

– А взлететь? Лень?

– Ну па-ап! – напуская на себя капризный вид, заныла Рысь. Понятное дело, в шутку. Но последнее время она и в самом деле избегала превращений. Словно облик дракона почему-то стал для неё не мил.

– Хорошо-хорошо. Пошли...

Дальний холм поднимался довольно высоко, степь открывалась далеко окрест, горизонт отодвинулся, волны травы беспенно плескали о пологие склоны. Стоять бы на вершине какому-нибудь каменному кумиру, забытому богу забытого народа, но идолы Тёмной Шестёрки давно уже стёрты в пыль, старательно и основательно. Белый Совет очень старался, чтобы не пропустить ни одного.

Было тепло, дул лёгкий ветерок, словно странников забросило на дальний юг, куда-то к самой границе замекамских степей, в «земли неизвестные», в окрестности того самого Волшебного Двора, откуда прилетела-прикатила на его выпускной экзамен сама знаменитая Мегана, оного Волшебного Двора Хозяйка...

Казалось, до жилья здесь – сотни и сотни лиг. Мир выглядел юным и прекрасным, словно в те времена, когда алчное человечество не успело ещё испакостить его своими бесчисленными муравейниками. Фесс долго и молча глядел с вершины холма на все четыре стороны света. Тишина и покой... вечный покой.

Рыся примостилась у его ног, уселась, подтянув коленки, обхватив их руками и оперев подбородок. Загрустила, глядя вдаль, на южный горизонт. О чём вспомнила, может, о маме, «говорящей из крови»? Или о братьях и сёстрах, которых у неё никогда не было?

Так или иначе, однако день угасал и следовало позаботиться о ночлеге. С собой у путников имелся небольшой запас продуктов и воды; Фесс втайне предполагал нечто подобное. Чем-то это и впрямь очень походило на досрочный выпускной экзамен в ордосской Академии. Вопрос только в том, что лучше сделать – выдержать этот экзамен или, напротив, провалить его?

Идти? Но куда и зачем? Степь казалась одинаковой, куда ни глянь. Если Сущность озаботилась их перемещением сюда, то логично ожидать, что она озаботится и всем остальным.

«Будем ждать, папа», – словно подслушав его мысли, откликнулась Рыся.

Они стали ждать. И дождались – правда, на небе уже всю разгорались звёзды, а саму степь заткали покрывала сумрака.

Далеко-далеко вдруг замелькали огоньки. Много. Очень много. Они приближались – огненный ручеёк, струящийся по степным просторам. Не скрываясь, гордое своей силой, через степь двигалось войско. Вопрос только в том – какое и чьё?

– Карлики, – вдруг привстала Рысь. – Мама таких никогда не видела... но их зовут поури.

– Поури? – удивился Фесс. Во время его учёбы в Ордосе Дазнур упоминал этих созданий, но как-то вскольз и не слишком охотно. Учебник эвиальской монстрологии и без этих самых поури представлялся Фессу достаточно обширным, и, по словам наставника, в этом народце не было ничего такого уж сверхъестественного или особо интересного. Неясить машинально отметил про себя название и благополучно отложил знания о них в дальний угол памяти – вдруг да когда пригодится.

Вот негаданно-нежданно и пригодилось.

Войско приближалось. Огненная змея факелов мерно извивалась всё ближе и ближе к утопающему во тьме холму, где застыли Рысь и некромант. Армия и её командиры не таились. Не видели нужды – шли с факелами, словно для какого-то обряда. Нормальные, настоящие армии вообще по ночам не передвигаются, если только это не вызвано абсолютной необходимостью. Но в таких случаях, как правило, не до факелов. Войско либо уходит от висящего на плечах и наступающего на пятки неприятеля, либо, напротив, само выдвигается на ударную позицию для сокрушающей атаки, выходя врагу во фланг или в тыл. Эти же...

– Ждём, Рыся, – одними губами проговорил некромант, ничуть не сомневаясь, что его слова будут услышаны. – Думаю, это за нами.

Войско продолжало маршировать великолепным размашистым шагом, скоростью не уступая рысящей лошади. Не слышалось песен или разговоров; впрочем, невозможно было услышать даже шаги, хотя топтать такое скопище обязано изрядно.

– Призраки, что ли? – невольно пробормотал Фесс.

Однако это были отнюдь не призраки. Вскоре колонна оказалась достаточно близко – существа из плоти и крови, низкие, карикатурные карлики весьма отталкивающей внешности. Первые ряды промаршировали у подножия холма; вверх по склону побежал боковой дозор из доброго десятка низкорослых воителей. Облачённые в длиннополые кожаные доспехи, густо покрытые нашитыми костяными круглыми и овальными бляхами, в шлемах из черепов неведомых Фессу зверей, с небольшими круглыми щитами и всевозможнейшим оружием – сабли, мечи, клевцы, чеканы, шестопёры, палицы, булавы, кистени, топоры, секиры, бердыши, молоты; копий же отчего-то не видно совсем.

– Поури, – медленно проговорил Фесс, вглядываясь в гротескно-уродливые лица, скупо освещённые мрачными факелами.

Поури. Пожалуй, самая загадочная раса Эвиала. Неправильная. Невозможная. Опрокидывающая все законы живой природы. Во-первых, никто не знал, откуда они взялись – древние летописи Салладора и Халистана ни разу их не упоминали, равно как и немногочисленные известные в Ордосе выдержки из хроник Вечного леса или восточной обители эльфов, леса Зачарованного. Во-вторых, никто и никогда не видел женщин-поури. Княжгород, регулярно нанимавший отряды поури для пограничной службы, охраны следующих из Синь-И караванов и борьбы с порубежной вольницей, не оставил ни одного свидетельства, как выглядят женщины этого народа. Равным образом никто никогда не видел ребёнка-поури. Казалось, племя карликов состоит из одних лишь мужчин не слишком молодого возраста, воинов, достигших расцвета сил, будто такими они и появлялись на свет.

Десяток поури-дозорных рысью мчался прямо на замерших некроманта и Рысь. Невольно Фесс положил руку на оголовок меча. Если надо, он выхватит оружие быстрее, чем моргнёт обычный человек.

– Хей! Ха! Хой! – дружно взвыли карлики, едва заведя неподвижно застывшие фигуры. Десяток быстро и споро развернулся боевым полукругом, брошены на левые руки небольшие круглые щиты, взяты на изготовление клинки и кистени. Поури явно не собирались терять время даром.

Глупцы, холодно подумал некромант. Уж с вами-то меня совесть мучить не будет. Слава о делах воинственных карликов давно успела достичь западных земель. Даже правители

Княж-града, славного своими конными стрелками и копейщиками, предпочитали не связываться с поури, напротив, откупались, задабривали, привлекали на службу, особенно если выходила заматня с могущественной империей Синь-И...

В рядах марширующих с факелами главных сил поури тоже поднялась тревога. Не меньше сотни низкорослых теней круто развернулись и в свою очередь ринулись к вершине холма, ловко разворачиваясь в редкую цепь. Мимо некроманта свистнула первая стрела.

Ну, держитесь! Фесс ощутил, как его захлёстывает холодная ярость. Он с каким-то даже облегчением погружался в её поток, он жаждал боя, схватки грудь на грудь, не бесконечного бегства, как на пути от Изгиба до Чёрной башни.

– Папа, нет! – крик Рыси хлестнул, словно хлыст. – Папа, я сама!

– Рыся, назад! – прорычал некромант. Меч со свистом описал дугу, играючи разрубив надвое ещё одну стрелу. Добротную толстую стрелу, пущенную почти что в упор из сильного арбалета.

Поздно. За спиной Фесса что-то резко и громко зашипело, словно тысяча тысяч разъярённых змей разом подняли головы и выпустили раздвоенные жала. Некроманта окатила волна сухого жара, словно из кузнечного горна.

– РЫСЬ!!!

Вместо девочки с нежными жемчужными волосами на вершине холма расправлял крылья небольшой, но уже очень даже внушительный дракон. Серебристо-жемчужный, с длинными усами-вибриссами, словно у кошки. Большие карие глаза сейчас, казалось, метали молнии. Внушительные клыки и когти способны были устроить кого угодно.

Драконница одним плавным, стремительным движением взвилась в воздух, и из пасти её вырвалась клубящаяся огненная струя. Трава немедленно вспыхнула, перед оторопевшими поури взметнулась стена пламени – явно магического, поскольку так гореть сочные зелёные стебли, конечно же, не могли.

Карлики попятились. Луки с самострелами опустились, равно как и другое оружие.

Рысь заложила лихой вираж, вновь дохнула огнём; поури пришлось отступить ещё на десяток шагов. Словно зачарованные, карлики смотрели на кружащегося дракона; на него не поднялась ни одна оборуженная рука, не нацелилось ни одно острие.

Фесс ждал, напряжённый, с мечом наголо; сейчас поури поражены и растеряны, но никто не знает, что случится, когда они придут в себя и сообразят, что дракон при желании уже испепелил бы добрую половину обступившей их сотни. А раз он не испепеляет...

Внизу же холма всё остальное войско уже остановилось. Новые и новые карлики – десятки, сотни поури – поднимались по склонам, строй уплотнялся, низкорослые воины стояли плечом к плечу; и все, все как один, в торжественном молчании смотрели на яростно режущего воздух дракона. Жемчужные крылья Рыси со свистом вздымались и опускались, она закладывала петли над самой землёй, с великолепным презрением игнорируя всё на свете оружие поури.

– Ишхар... – донеслось откуда-то из темноты, из-за пределов отбрасываемого всё ещё пылающей травой круга света. – Ишхар!

Непонятное слово подхватили другие поури, сперва несколько, потом – десяток, сотня, тысяча...

– Иш-ХАР! – загремело над степью. – Иш-ХАР! ХАР! ХАР!!!

Поури один за другим падали на колени, бросали оружие, валились ниц, кто-то молитвенно вскинул руки.

– Рысь... – полушёпотом проговорил некромант. – Ты что-нибудь понимаешь?

– Да, – отозвался в его разуме неслышимый для других голос драконницы. – Мама... говорит со мной из моей крови. Поури... поклоняются дракону. Единственные из всех рас Эвиала, кто сохранил верность ушедшим некогда властителям... После пятиногов, после

титанов краткое время в Эвиале царили мы... драконы. Истинные драконы. Этого не осталось в хрониках, папа. Мы... старались остаться незаметными. Мы... хотели добра. Но всё, чего достигли – вот эти поури...

– Иш-хар! – тем временем продолжало греметь вокруг. – Иш-хар! Ишхар, Ишхар, Ишхар!!!

Рысь осторожно сложила крылья, опускаясь на землю рядом с некромантом.

– Мама говорит со мной из моей крови, – торжественно зазвучало в сознании Фесса, – «ишхар» – так звали нас поури.

– И что же нам теперь с ними делать? – буркнул себе под нос некромант.

Ночь горела в тысячах факелах, словно разлитый в воздухе мрак вдруг обратился тяжёлым земляным маслом, чёрным, как «слеза сожжённого». Поури всё теснее сжимали кольцо. Они не падали на колени, но от их «иш-хар, хар, хар!», казалось, сейчас начнут падать с неба непрочные держащиеся звёзды.

Это всё взаправду или только иллюзия, подобная всё тому же приснопамятному выпускному испытанию? Что, Сущность настолько могущественна, что может забросить их из своей твердыни в любую точку Старого Света?.. Или всё происходящее – не более чем наведённый Ею морок?

– Рыся! Рысь! Это как... по-настоящему? Где мы сейчас?

– Не знаю, папа, – по-прежнему без слов ответила драконица. – Не могу понять. Здесь заклятья постарше, чем самая древняя магия драконов. И мама ничего сказать не сможет...

Понятно. Ясно, что ничего не ясно. Интересно, и сколько времени эта орда будет сотрясать тут воздух? И что им от нас надо?..

На этот вопрос ответ удалось получить довольно быстро.

У карликов всё же нашлись какие-то командиры или вожди. Вперёд протолкался пяток поури, одетых особенно крикливо и бессмысленно. Обрывки церковных драпировок, бальное платье Империи, монашеское одеяние, чоботы углежого и изысканные ботфорты мягкой кожи, явно снятые с какого-то благородного, – словно кто-то сложил всю эту рухлядь в котёл, как следует вскипятил, перемешал, а потом выплеснул на ожидающих карликов.

– Ишхар! – возопили все пятеро поури, падая на одно колено. – Ишхар вернулась! Веди нас, Ишхар! Дай нам много-много вражьих стен, чтобы ворваться на них; много-много вражьих мечей, чтобы обогреть их сталь нашей кровью! Дай нам, дай это, дай, дай, дай! Во имя Сказанного!

– О чём это они, Рысь?

Драконица не ответила. Её крылья развернулись, она воинственно изогнула лебединую шею – и ночь прорезал ещё один кинжал её пламени. Поури все как один завопили от восторга.

– Рысь!

– Папа... – впервые в голосе девочки-дракона послышалась паника. – Папа, я не знаю... они хотят...

– Чтобы ты повела их против врагов?

– Ну да. Только какие ж тут враги? Куда вести? Пап, а что, если это всамделишное?!

Ага, проняло, с досадой подумал Фесс. В этом-то вся штука. Если происходящее – не более чем иллюзия, то дозволено всё. Можно сыграть роль палача, не будучи им. Плохо, однако, если слишком уж сильно вживёшься в образ... А вот если это реальная, «всамделишная» жизнь – дело дрянное. Может, в этом и состояла ловушка Сущности – заставить его мучиться неизвестностью, сходить с ума от проклятого вопроса: сплю ли я? Сон ли это?..

– Ладно, – медленно проговорил некромант, подаваясь вперёд. – Рыся, скажи – я поведу их.

– Папа, ты...

– Делай, как я говорю! – прикрикнул Кэр – впервые за всё их время вместе.

Жемчужный дракон молнией взмыл вверх, заложил умопомрачительный кульбит, выдохнул ещё одну струю пламени. Разорванная в клочья ночь в ужасе отползала испуганным зверем.

Поури ответили дружным рёвом. Нетрудно было догадаться, что Рысь сейчас общается с ним без слов, но почему-то так, что Фесс не мог «услышать».

– Веди нас, – вдруг выдохнули стоящие вблизи поури. Сперва один десяток, потом другой, третий. – Веди нас. Веди нас! ВЕДИ НАС!!!

Поури говорили на господствовавшем в западной части Старого Света наречии имперского Эбина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.